

ЦАРСКОГО РОДА

*О. Н. Куликовская-
Романова*

О.Н. Куликовская-Романова

ЦАРСКОГО РОДА

Тихон Николаевич
Куликовский-Романов
1917–1993

САТИСЬ
Санкт-Петербург
2004

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

В оформлении книги использованы фотографии из архива О.Н. Куликовской-Романовой, из Государственного архива РФ, ГМЗ «Гатчина».

На первой стороне обложки — портрет Т.Н. Куликовского-Романова работы Вел. Кн. Ольги Александровны.

Книга посвящена судьбе Т.Н. Куликовского-Романова — племянника Императора-Страстотерпца Николая II. Это судьба — служение Богу, России, Русскому Царствующему Дому. Книга основана на документах, подлинных свидетельствах, архивных материалах.

В издании сохранены все особенности авторского стиля, орфографии, пунктуации.

ISBN 5-7888-0006-7

© О.Н. Куликовская-Романова, текст, 2004 г.

© А.Ю. Хвалин, составление, редакция, 2004 г.

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 2004 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2003-м году исполнилось десять лет, как нет с нами моего Супруга Тихона Николаевича Куликовского-Романова — внука Императора Александра Третьего и племянника святого Государя Николая Второго. В один из последних визитов в Россию я начала воплощать в жизнь давнюю идею написать книгу о Тихоне Николаевиче: подготовила и разослала письма в разные уголки мира, чтобы люди, знавшие моего Супруга, поделились своими воспоминаниями, рассказали о нем как ярком представителе русского народа, который Промыслом Божиим был разбросан по многим странам и континентам, а ныне мистически собирается воедино. Также стала систематизировать и обобщать исторические материалы, скопившиеся в моем архиве за долгие годы. Эту работу продолжила дома, в Канаде, а мои сотрудники — в России.

Законченный труд, который сейчас читатель держит в руках, имеет уникальный в своем роде характер, поскольку отдельной книги на русском языке об одном из ближайших прямых родственников святой Царской Семьи до сих пор не было.

В Дании, правда, мизерным тиражом выходила книга; посвященная, в основном, годам службы Тихона Николаевича в Королевской Датской Гвардии. Но она недоступна русскому читателю, да и имеет, скорее, значение для сослуживцев моего Супруга и, может быть, для узкого круга датчан, проявляющих интерес к истории своей страны.

Особенностью же моей книги является ее строго документальный характер. Здесь я выступаю не столько как субъективный писатель-мемуарист, сколько как бережный собиратель и хранитель свидетельств близких и дорогих мне людей, как один из их соавторов, чей голос вплетается в общее многоголосие. Работая над книгой, постоянно ощущала помощь и поддержку любимого Тихона: мы были вместе — как всегда, как в любом деле. Он мой главный соавтор, и читатель в этом сможет убедиться, прочтя в книге страницы, написанные рукой Тихона Николаевича.

Мне кажется промыслительным, что Тихон Николаевич вернулся на родину, если не телом, то духом: делами созданного им Благотворительного Фонда имени Его Матери — Великой Княгини Ольги Александровны, оказанным влиянием на развитие русского монархического движения, страницами нашей общей книги. Вот уже двенадцать лет я посещаю Россию по воле Тихона Николаевича и передаю русским людям его наследие. При этом личность Тихона Николаевича в духовном отношении раскрывается все больше, становится в некотором смысле даже легендарной...

О моем дорогом Супруге Тихоне Николаевиче в России узнали давно — тогда, когда он вступил в личную переписку со многими здешними молодыми православными людьми, ставшими на волне происходивших в стране свободолюбивых перемен интересоваться личностью святого Царя-Мученика Николая, Его Семейей, родственниками, династическими вопросами и принципами монархической государственности. Родной племянник последнего Российского Императора Тихон Николаевич Куликовский-Романов, пожалуй, первым из живших на тот момент и живущих поныне за границей Романовых после десятилетий искусственной изоляции от родины установил непосредственный контакт с широкими кругами российской православной общественности. В этом его значение для России трудно переоценить. О нем много говорили здесь, когда он был жив, о нем продолжают говорить и помнить вот уже почти десять лет после его праведной кончины. Он стал своеобразным мостом из прошлой России в будущую.

Благодарю за помощь в подготовке и издании этой книги Митрополита Лавра (США), князя С.С. Оболенского (Франция), Р. Бакстрема (Финляндия), протоиерея Владимира Ягелло (Франция), казачьего атамана Е.М. Ткаченко (США), россиян: Архиепископа Иоанна Белгородского и Старооскольского, протоиерея Александра (Иванникова), священника Михаила Рогозина, сотрудника Фонда Л.Е. Болотина, историка Е.В. Пчелова, сотрудников Государственного архива РФ, ГМЗ «Гатчина»

и всех, внесших посильную лепту в осуществление этого поистине соборного труда. Моим дочери Татьяне и внучке Александре оставляю его в нази-
дание. Богу и русскому человеку отдаем себя и на-
шу книгу на праведный суд.

С любовью,

*Ольга Николаевна
Куликовская-Романова*

Часть первая

Державный Дед и «миниатюрная» Бабушка

Повествование об одном из достойнейших отпрысков могучего семейного древа Императора Александра Третьего и Государыни Марии Феодоровны — крест для меня тяжелый и легкий одновременно. С одной стороны, о представителях Династии Романовых существует масса воспоминаний и написано даже в последние годы, в связи с канонизацией Царской Семьи, много книг; а с другой, — необходимо все время отделять правду от досужих домыслов, а то и откровенной злонамеренной лжи.

Господь судил пройти Царственным Страсто-терпцам тернистым путем испытаний и лишений к мученическим венцам вечного спасения. Почитая святых, мы тем самым стремимся следовать их путем. Тем более, если имеешь с ними духовно-родственную связь. Рассказывая о жизни Тихона Николаевича — внука и родного племянника двух Российских Императоров, мне волей-неволей придется говорить о трех поколениях, трех семейных парах, чья жизнь протекала и влияла на течение бурного ушедшего века.

Каждый раз, бывая с визитом в Петербурге, молюсь у гробницы Деда моего Супруга — Государя Александра Третьего; посещая Данию, обязательно

прихожу в Королевскую усыпальницу к его Бабушке — Императрице Марии Феодоровне; на семейном кладбищенском памятнике его Матери — Великой Княгини Ольги Александровны, Ея мужа и сына выбито и мое имя — осталось проставить только конечную дату. Вот почему любая несправедливость и ложь по отношению к Ним, к Их Царственным Родственникам, к самодержавному прошлому и будущему России так больно ранит мое любящее сердце. Чувствуя долг перед своими родственниками, начинаю свое повествование, уповая единственно на помощь Божию. *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11, 30).

Поскольку судьба и жизнь трех поколений, трех семейных пар тесно переплелись и на земле и на небесах, а давно минувшие события имеют отголоски в дне нынешнем, мне придется отказаться от строго хронологического принципа изложения. Нет, думаю, особой надобности пересказывать и общие места биографии Государя Императора Александра Третьего, известные любому русскому образованному человеку. Гораздо важнее добавить к его прекрасному и могучему облику, получающему развитие в исторической перспективе, хотя бы одну деталь или новый штрих, отражающие глубокие личностные отношения к этому великому Русскому Царю людей, никогда с ним не встречавшихся и принадлежащих к другим поколениям. И начать хотелось с одного памятного для нас с Тихоном Николаевичем события — с поездки в Финляндию в июле 1989 года, наши общие впе-

чатления о которой были записаны мужем вчерне по горячим следам.

Как последнего здравствующего Внука Императора Александра III – Миротворца, Царя Российского и Великого Князя Финляндского, Тихона Николаевича пригласили быть Почетным Гостем во время празднования 100-летнего юбилея того дня, когда его Державному Деду, тогда еще Наследнику Престола, был поднесен от лица финского народа Рыбачий домик в живописной местности Лангинкоски. Инициатором приглашения был консул Рагнар Бакстрем — историк, преподаватель и ревностный председатель музейного общества Лангинкоски, заведующий царским домиком, находящимся в лесу-заповеднике около порогов реки Кюми при ее впадении в Финский залив. К приглашению присоединился город Котка и компания «Finnair».

С аэродрома в «Отель Президент» в Гельсингфорсе (нынешний Хельсинки) нас привез лично Рагнар Бакстрем. В номере нас ожидали цветы и шампанское. Мы остались на несколько дней одни — привыкать к перемене в часовых поясах и осматривать столицу Финляндии.

В Гельсингфорсе мы посетили Успенский Собор с чудотворной иконой Божией Матери и знаменитый лютеранский собор, высящийся над Сенатской площадью, посреди коей стоит и поныне памятник Прадеду — Александру Второму — Царю-Освободителю. Побывали в порту, где у пристани, перед дворцом президента, на обели-

ске, распростер свои крылья наш старый двуглавый орел. В 1917-м году он был сбит большевиками, смертельно ранившими адмирала Небольсина, который все же успел добраться до своего корабля и на нем скончался. А орел был возвращен на свое почетное место в середине 20-х годов, уже в независимой Финляндии...

Продолжая наши «туристические похождения», мы приятно прокатились на лодке вдоль побережья, мимо яхт-клуба и вокруг островов старой крепости Свеаборг с ее уникальной церковью, служащей одновременно и маяком. В крепости сохранился ряд построек, — как царского времени, так и более старинных, еще со шведских времен.

Съездили и на окраину города, в курортное место «Каластаяторпа», посмотреть выставку Фаберже и минералогии из СССР. А в самом городе заглянули в ряд магазинов: книжных, иконных, антикварных, нумизматических и т.д. Конечно, мы были и на монументальной могиле (с гербами и маршальскими жезлами) Маннергейма на военном кладбище. В 1914-м году он командовал 12-й Кавалерийской дивизией, в которую входил и славный Ахтырский гусарский полк, почетным Шефом которого была мать Тихона Николаевича — Великая Княгиня Ольга Александровна и где служил отец — полковник Николай Александрович Куликовский. По воспоминаниям мужа, в детстве он даже видел, как маршал Маннергейм являлся в Дании к его Бабушке, Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. Маршал был тогда гостем короля Хри-

стиана X-го, принимавшего его как освободителя Финляндии от большевиков.

Тут интересно отметить: когда в 1988-м году мы посещали Nadine, вдову двоюродного брата Тихона Николаевича, князя Андрея Александровича, в Кенте, в Великобритании, и пошли с нею на маленькое старинное кладбище около Провендера к могиле Андрюши, то оказалось, что буквально рядом с ним похоронена дочь Маннергейма! Неисповедимы пути Господни и судьбы человеческие...

И другое кольцо-судьба сомкнулось в Финляндии. Узнав из газет, что мы приезжаем, Лейла Лисицина, урожденная Вальберг, русская по матери, которую Тихон Николаевич видел 42 года тому назад, когда она была проездом у них в Дании, явилась нас повидать. Весело болтали, вспоминали прошлое, и вдруг выяснилось, что ее дед, как и мой дед, оба были военными врачами и в генеральских чинах служили в самом или около Тимир-Хан-Шуры на Кавказе! Значит, наверное, друг друга знали, часто виделись. И вот все это кануло в вечность, и об их взаимных отношениях мы ровно ничего не знаем. Остались лишь желательные фотопортреты...

В Котку, расположенную в двух часах езды на автомобиле от Гельсингфорса, нас привез Рагнар Бакстрем и оставил в отеле «Сеурахуонэ». К трем часам он явился и привез нас в Рыбачий домик Государя. Тут, под чудными портретами Дедушки и Бабушки, Тихон Николаевич дал интервью не-

скольким газетам, как финско-язычным, так и шведско-язычным, и государственному финскому телевидению. Разговаривали исключительно по-английски. Пресс-конференция закончилась в половине пятого.

На следующий день, 15-го июля, наступил Юбилейный праздник. Открылся он приемом в Клубе города Котки в присутствии министра образования и культуры и ее мужа — майора финской армии, двух представителей воздушной компании «Finnaig», председателей Музейного Общества и Департамента Древностей и прочей знати Котки и Лангинкоски с их «лучшими половинами». Началось с приветствий и шампанского в салоне, а за столом подавалась невероятно вкусная лососина «на пару, по-царски». А затем «земляника Романофф», в которую, по мнению Тихона Николаевича, полагается подбавлять ликер «Драмбуи», а не «Кюрасо», как сделали хозяева. «Драмбуи» ведь «напиток монархический»! Он был специально поднесен «Бонни», принцу Чарлей, Стюарту. И Тихон Николаевич вдруг вспомнил, что ведь и в нем течет кровь бедной королевы Шотландской (и Французской!) Марии Стюарт!

К трем часам мы уже были перед верандой Царского домика. Оркестр в белых фуражках заиграл «Боже, Царя храни!» Все встали, и синий вымпел с короной и монограммой «А III» торжественно поднялся по флагштоку.

Пошло много речей — все по-фински — и... дождь. Раскрылись зонтики, накидывались плащи,

но все стоически терпели. Свое выступление, которое моментально переводилось фраза за фразой, Тихон Николаевич произнес по-английски:

«Высокопоставленные гости, дорогие друзья!

Как единственный из ныне живущих внуков Императора Александра III я счастлив участвовать в вашем празднике, посвященном тому дню, когда мой Дед получил этот Рыбачий домик в качестве подарка от финского народа. Сотрудничество между старой православной Россией и финским народом имеет давние корни. Уже в XIII столетии принявший Православие один из финских вождей послал вовремя предупреждение в Новгород князю Александру о том, что шведские крестоносцы вошли в Неву-реку. Быстрая реакция Святого Александра на это предупреждение позволила ему одержать сокрушительную победу над врагом, после чего он и получил титул «Невский».

Столетиями позже другой Александр — Александр III, Царь Всероссийский и Великий Князь Финляндский, отдыхал здесь, в этих спокойных окрестностях, между Его преданными финнами. Он был один из великих правителей в современной истории. Величие его измерялось не кровавыми победами, а сохранением мира в Европе в течение всего Его царствования, хотя и очень короткого. Он остался в истории как Царь-Миротворец. Моя бабушка Императрица Мария Феодоровна, бывшая датская принцесса Дагмара, чувствовала особую любовь к шведскоговорящим финнам, с которыми она всегда могла разговаривать на своем родном языке. Однажды, уже как Вдовствующая Императрица, она была встречена на одной из станций финской железной дороги оркестром. Когда ее спросили, что бы

она хотела, чтоб ей сыграли, она ответила: "Бьернеборгенс марш", который в то время был запрещен как ультранационалистический. Финны настолько были в восторге от ее выбора, что они демонстративно швырнули все ноты в воздух и счастливо сыграли по памяти этот марш.

Во время финской зимней войны 1939-1940 годов в Дании поднялась большая волна панскандинавизма и антикоммунизма. Поскольку я был лейтенантом Датской армии и соблюдал датский нейтралитет, как в то время это называлось, я не имел права покинуть Данию и вступить в финскую армию добровольцем. Однако один из моих командиров в 1937 году, когда я еще был рекрутом в королевской гвардии, лейтенант Йорген Хакман, находившийся ко времени начала советско-финской войны уже в резерве, ушел добровольцем в Финляндию и погиб при Ханге.

На памяти поколения моих родителей Европа постоянно пребывала в состоянии войны или под угрозой ее начала. Потому что не стало такого гиганта-Царя, который в молодости, в кампанию 1877-1878 гг., против турок, проявил себя очень brave и умелым генералом, но который в своей душе не любил войну. Он мог с удовольствием отдыхать и ловить рыбу в Лангинкоски, держа руку на пульсе Европы, чтобы другие страны не нарушили баланса сил и не ввергли Европу в войну. В то время даже существовало изречение: "Когда русский Царь удит рыбу, Европа может подождать". Да, Император Александр III был "ангелом-хранителем" Европы.

Благодарю власти города Котки, компанию "Финнэйр", музейное общество Лангинкоски, других участников, а больше всего председателя Музей-

ного общества и консула Рагнара Бакстрема, которого раньше я знал только по переписке, и встреча с которым подтвердила, что у нас так много общего.

Моя супруга и я благодарим за удовольствие быть среди вас и участвовать в вашем празднестве, вспоминая хорошие старые времена сто лет тому назад».

В завершение своей речи Тихон Николаевич подарил Музейному обществу серебряный поднос, который я заблаговременно заказала еще в Торонто. На подносе была изображена императорская корона и под ней дата: «1889-1989», а затем ниже шли четыре строчки: «TSAR'S FISHING LODGE IN KOTKA | COMMEMORATIVE VISIT OF | TICHON | GRANDSON OF TSAR ALEKSANDER III». «ЦАРСКИЙ РЫБАЧИЙ ДОМИК В КОТКЕ. В ПАМЯТЬ ВИЗИТА ТИХОНА, ВНУКА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III». Подарок был неожиданным и произвел сильное впечатление на присутствующих.

Дождь прошел, и началось короткое театрализованное представление «Один день из жизни Императора Александра III». Это было скорее пантомимой в костюмах эпохи конца прошлого века.

«Встреча Государя» началась на веранде. Затем действие двигалось по парку, а зрители — за артистами. «Царь с Царицей» проследовали к маленькой часовенке, которая, между прочим, гораздо старше Царского домика и была построена валаамскими монахами. В следующем действии, у мостика, являются с пением «монахи» и «Царь» дарит каждому золотые часы. В другом месте он награж-

дает орденом «Городского Голову». На 4-ой остановке у небольшого домика, где жили царские рыбаки, всех угощали кофе, бисквитами и тоненькими капустными пирогами — все, что Государыня любила и рецепты коих хранятся в тайне! Закусывая, с кофе в руках, мы побеседовали и пошутили с «Дедушкой» и «Бабушкой».

Вернувшись снова на наши места, увидели последнее действие, так сказать, «взгляд в будущее», конец идиллии... Вдруг раздались крики, и через мост на нас, сбоку, помчалась толпа с красными тряпками и «Интернационалом»... Но «адъютант» и два «солдата» с винтовками бросились в ту сторону и быстро оттеснили «демонстрантов». Во время царствования Александра III революционеры не восторжествовали...

Распростившись со всеми, мы поужинали с милейшими Рагнармом и Урдой-Марией Бакстремами у нас в отеле. Той же ночью нам сообщили, что моя дочь Татьяна родила девочку — Александру, которую назвали в честь святой Царицы-Мученицы Александры Феодоровны. Конечно, сразу же позвонила в Канаду, в госпиталь и разговаривала с Таней по телефону. Вдвойне радостный и счастливый день!

Следующим утром осмотрели Котку. Ныне хорошенький и живой — главным образом лесопильный — городок Котка был сожжен дотла англичанами в 1855-м году во время Крымской кампании. Лишь храм св. Николая уцелел, в котором служил тогда милейший отец Филадельфий Лаансо — ро-

дом карел. Он показывал нам Библию 1669-го года, старинные кресты, чаши и церковные облачения — дары Императрицы Екатерины, Суворова и более новое, золотое, от Александра III. Все старые вещи при нападении англичан были увезены. Колокола спущены в море, перед сдачей фортов большинство еще уцелевших пушек были заклепаны... Мало, чем смогли поживиться англичане...

Около Котки были и морские бои со шведами. За церковью, на кладбище, где давно уже не хоронят, все же положены кости русских моряков с фрегата «Николай». Над ними поставлен камень, на четырех сторонах которого написано по-русски, по-фински, по-шведски и по-английски: «фрегат “Николай”// погибшие в бою// 9-7-1790// в Свенскзунде// найденные останки// погребены// 18-9-1975».

Финская Православная Церковь входит в юрисдикцию Вселенского Патриарха, поэтому молебна Царственным Новомученикам в день 17-го июля о Филадельфий служить не мог, но дал нам поставить свечи и помолиться...

На чудной морской прогулке, устроенной Бакстромом специально для нас, мы объехали суворовские форты «Слава» и «Елизавет», тоже разбитые англичанами в 1855-м году, и высадились на последнем. Тогда их энергично реставрировали как исторические памятники. Так же побывали в городке Хамина, до сих пор окруженном с трех сторон земляными валами с казематами еще шведских времен. Там стоит дом, в котором Екатерина

Великая вела переговоры с Густавом III Шведским. Через улицу от дома — очень красивая православная церковь святых первоапостолов Петра и Павла, а за ней бывшая русская казарма, где теперь помещается местное отделение полиции. Повидали и бывший кадетский корпус, из которого в свое время был выгнан кадет Маннергейм за шалость. Теперь там училище для офицеров запаса, и рядом стоит памятник павшим героям.

В городке Кархула, в котором в свое время были сделаны хрустальные и стеклянные вещи для Царского домика, мы осматривали отделение этой фабрики, которое ныне выпускает только техническое стекло — fiberglass для конструкции лодок и прочих индустриальных целей. Во время осмотра во всех отделениях, куда мы входили, компьютеры печатали на экранах нам приветствие по-английски. Главный директор — капитан Туро Тукиниайнен с женой-норвежкой нас чествовали в очень элегантном яхт-клубе, где в одном из залов висит еще портрет Императора Николая II-го. За столом Тихон Николаевич попробовал прекрасного юбилейного пива «Николай» с двуглавым орлом во всю этикетку. Это «наследие» русского купца Николая Синебрюхова, который прибыл в Котку в 1816-м году и открыл там пивоваренное дело. Оно пошло так успешно, что купца переманили в Гельсингфорс, где и поныне его фабрика процветает уже более 150-ти лет.

20-го июля в два часа дня в ратуше Котки нас принимали вице-городской голова Нуююре Коске-

ла и директор Департамента информации Антти Нуоривуори, подарившие настольный флажок с гербом Котки: орел, держащий якорь и коммерческий символ Меркурия. Также подарили две тяжеленные книги на шведском языке — история Котки, которые Тихон Николаевич сразу же начал читать урывками. Подарили копию приказа Екатерины Великой адмиралу русской службы принцу Нассау Зиген о постройке фортов вокруг Котки, где упоминается и о Суворове, которому принц должен будет передать работы по укреплениям в случае, если сам должен будет уехать.

Последний вечер мы тихо и уютно провели вчетвером с Бакстремами у них на квартире, на 5-м этаже, с видом через речку на Царский домик. Мы обменялись подарками на память. Их предупредительность и внимание к нам были просто трогательны. Мы будем глубоко ценить наши светлые воспоминания о Финляндии с ее белыми ночами и с ее радужным народом, который, как видно, даже после трех войн (!) все же ясно сознает, что коммунистический СССР еще не Россия, и с любовью вспоминает время, когда Великое Княжество Финляндское было частью сильной и миролюбивой Империи под скипетром Русского Православного Царя!

Если своего Державного Деда Тихон Николаевич никогда не видел живым, то непосредственные, детские впечатления о годах, проведенных при Датском Королевском Дворе подле Бабушки — Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, легли в основу его углубляющегося по мере

возраста взгляда на Романовскую Династию не просто как на Семью, к которой он принадлежал по праву рождения, но и как на некое Богоизбранное единство людей, несущих свой крест служения Царю царствующих и России до конца, порой — страшного и кровавого, порой — таинственного и загадочного, порой — униженного и одинокого...

Августейшая Бабушка моего незабвенного супруга Тихона Николаевича Куликовского-Романова — Ея Императорское Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна родилась в 1847 году в королевской семье Дании и была наречена принцессой Дагмарой. Она была четвертым ребенком принца Глюксбургского, будущего короля Дании Христиана IX, который вступил на королевский престол в 1863 году, по смерти бездетного Фредерика VII — последнего из рода датских Ольденбургов, занимавших престол более 400 лет (с 1448 по 1863 гг.). Само происхождение имени нашей будущей Императрицы имеет древние славянские корни. Некогда, еще во времена легендарной Великой Моравии — первого славянского государства, известного истории, был король чехов — и дочь его Дагмара породнилась с королевской семьей датчан. И с тех пор в нордической Дании славянское имя Дагмара стало традиционным. Любопытно и то, что древний боярский род Куликовских, представителем которого был отец моего супруга — Николай Александрович Куликовский — также имел отдаленное отношение к этому старинному королевскому славянскому корню. Предание об этом хранилось

в семье, и об этом же свидетельствовали главные элементы родового герба Куликовских.

О своих же ближайших предках по линии Матери Тихон Николаевич рассказывал так:

«Начало царствования моего датского прадеда было бурное. Его травили как “немца”, но, процарствовав сорок три года (с 1863-го по 1906-й), он стал не только популярен и любим у себя дома, а, подобно Королеве Виктории Великобританской, прозванной “Тещей Европы”, он был вправе называться “Тестем и Дедушкой Европы”, титулом гораздо более уютным.

Он посадил своих потомков на два возобновленных в то время европейских престола: сына — в Грецию, внука — в Норвегию. Старший брат моей Бабушки, конечно, унаследовал датский престол под именем Фредерика VIII (правил с 1906-го, по 1912-й г.). Его сыновья (племянники Императрицы Марии Феодоровны) впоследствии стали: один королем Дании — Его Величество Христиан X (годы правления 1912-й — 1947-й гг.), а другой — королем Норвегии — Гокон VII (он соответственно был на престоле с 1905-го по 1957-й г., то есть более пятидесяти лет!).

Старшая сестра моей Бабушки — Александра — вышла замуж за английского Короля Эдуарда VII, а брат Вильгельм, женившись на Великой Княжне Ольге Константиновне, стал Королем Эллинов — Георгом I и таким образом, родоначальником нынешней греческой династии. Младшая сестра — Тюра — вышла замуж за Эрнст-Августа, герцога Кумберландского.

Своих дочерей король Христиан IX называл: Александру — “моя красивая дочь”, мою Бабушку — “моя умная дочь” и Тюру — “моя добрая дочь”.

Младший брат Ея — принц Вальдемар, умерший в 1939 году, — был родным дедушкой Анны, королевы Румынской (урожденной Бурбон-Пармской).

Детство принцессы Дагмар было беспокойное. Дания, потерявшая в результате Наполеоновских войн Норвегию, а с нею и свой флот мирового масштаба, стала страной бедной. Восстание в Голштинии, тогда принадлежавшей Дании, поддержанное Пруссией, Саксонией и другими странами Германского Союза, вылилось в 1848 году в 3-х летнюю войну (1848-й-1850-й гг.). Отец моей бабушки, принц Христиан, участвовал в этой войне, будучи командиром Конно-Гвардейского полка.

Спустя 14 лет, в 1864 году, при его вступлении на престол, невзирая на признание королевой Викторией английской и русским Царем его прав на всю территорию датского королевства, Пруссия и Австро-Венгрия, ведомые железной волей канцлера Бисмарка, напали всей своей военной мощью на Данию, оправдывая нападение “защитой прав” южных герцогств Шлезвига и Голштинии.

Вначале война дала Дании блестящую морскую победу у острова Гельгоlanda. Адмирал Суэнсон сжег “Шварценберг” — красу и гордость австрийского флота и загнал несколько десятков кораблей союзников в нейтральные воды, где они и были интернированы.

Развитие прусско-австро-венгерского наступления на суше вначале было задержано на фланговой позиции “Дюб-Бель”, но с ее падением враг разлился по всей Ютландии, и война, хотя и продолжалась еще полгода, но фактически была проиграна.

По мирному договору, подписанному в Вене, Дания потеряла герцогства Шлезвиг и Голштинию. Тут надо сказать, что разгром Дании был допущен Россией отчасти в отместку за то, что Дания пропус-

тила английскую эскадру в Балтийское море во время Крымской войны (всего десятью годами раньше). Однако почти сразу после поражения считалось желательным поддержать и узаконить новую датскую династию, выдав замуж молодую принцессу Дагмар за Цесаревича, старшего сына Царя-Освободителя (освободителя крестьян, а впоследствии и освободителя Балкан), всеми любимого в России Великого Князя Николая Александровича.

Однако чахотка в те времена была неизлечимой болезнью. На смертном одре Его Высочество Цесаревич Николай Александрович соединил руку Своей невесты с рукою Брата, будущего Императора Александра III, завещал Ему жениться на молодой датской принцессе. Так и встретились впервые Дагмар и Великий князь Александр, в самый драматический момент: в апреле 1865 года, в Ницце у постели умирающего Великого Князя Николая Александровича, невестой которого была Дагмар. Все молились; плакали и молчали. Николай умер в возрасте 22 лет, принцессе было всего 18, эта тяжелая потеря сблизила их с братом — Великим Князем Александром. Он стал наследником престола и через полтора года Великий Князь Александр женился на Дагмар. Александр III так написал об этом в своем дневнике: «...Я наследовал от моего милого брата и престол и такую жену, как Минни... Такую жену, как я имею, дай Бог каждому иметь, и тогда можно быть и спокойным и счастливым».

Принесса Дагмар, полное имя Мария-Фредерика-София-Дагмар, прибыла в Россию в 1866 году. «Образ Дагмары, 16-летней девочки, соединяющий в себе нежность и энергию, выступал особенно гра-

циозно и симпатично. Она решительно всех пленяла детскою простотою сердца и естественностью всех своих душевных движений», — писал Иван Сергеевич Аксаков в 1866 году. При переходе в Православие она была наречена Марией Феодоровной.

Свадьба состоялась 9 ноября 1866 года. Молодые поселились в Аничковом дворце, где и находились в течение 15 лет, вплоть до вступления на престол Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Александровича. «Я не чувствовала себя ни чужой, ни иностранкой, а чувствовала себя равной им, и мне казалось, что то же чувствовали и они ко мне». В течение пятнадцати лет они были наследной парой. В 1881 году был убит Александр II и Александр III был коронован на Русский Престол. Новый Царь призывал всех верных сынов Отечества ободриться и содействовать «искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России ее благодетелем, возлюбленным Родителем».

Тихон Николаевич как-то всегда тепло и домашнему описывал эту счастливую пору молодости своих Царственных Деда и Бабушки:

«Моя миниатюрная Бабушка, казавшаяся еще меньше рядом с исполинской фигурой моего Деда, за 15 лет смогла вполне освоиться со своей новой родиной, новыми порядками и обычаями. Живой

и жизнерадостный нрав моей Бабушки приобрел Ей друзей и обожателей в различных слоях российского общества на всю жизнь. Она любила красоту, роскошь, наряды и танцы и после бедной Дании наслаждалась пышностью русской придворной жизни, которой Она и впоследствии придавала блеск и веселье при Дворе Своего Мужа, ставшего Императором Александром III.

Они прекрасно дополняли друг друга. Он был всецело и принципиально человеком долга, человеком прямолинейным, любившим порядок, простоту и скромность. Но никогда Он не был тяжелым "истуканом", каким Его любят изображать современные горе-"историки".

Обстановка в семье была спокойной и дружелюбной. Следует отметить, что Он был очень весел и хорош с детьми, но в семейных делах и вопросе воспитания детей решающее слово оставалось за матерью, она требовала от них послушания и выполнения своих обязанностей. У Него было прекрасно развито тонкое чувство юмора. Как пример приведу следующий случай. Мой Дед не очень любил балы, а Бабушка могла бы танцевать всю ночь! И, конечно, пока Императрица танцует, бал не может окончиться... Тогда Государь прибегал иногда к такой "тактике"-шутке: Он подходил, как бы невзначай, к оркестру и потихоньку отсылал прочь по одиночке музыкантов, пока не оставался последний, который дул на трубе во все щеки "ум-па-па, ум-па-па". Танцы волей-неволей, но прекращались.

У моих Бабушки и Дедушки было 5 детей:

Будущий Император Николай II. Он родился в 1868 году.

Великий Князь Александр, родившийся в 1869 году и скончавшийся в младенческом возрасте.

Великий Князь Георгий родился в 1871 году. Он умер молодым на Кавказе в Абастумане от чахотки.

Великая Княжна Ксения — родилась в 1875 году.

Великий Князь Михаил — родился в 1878 году.

И, наконец, Великая Княжна Ольга — единственная “Багрянородная” в Царской Семье, то есть родившаяся от царствующего Помазанника Божьего — появилась на свет в 1882 году.

Из всех детей Бабушки я лично знал, кроме моей Матери, лишь одну Тетю Ксению, умершую в один год с Мамой. Тетя Ксения умерла на Пасху в 1960 году, а моя Мать — перед Рождеством».

От себя считаю нужным отметить, что, став Императрицей, Мария Феодоровна не вмешивалась в государственные дела Своего державного Супруга, но была всегда Его лояльной помощницей во всем остальном, беря на Себя также значительную долю царственных представительских обязанностей. Императрица Мария Феодоровна сопровождала Императора не только на балах и раутах, но на военных парадах, поездках по святым местам и даже на охоте. Ради нее он терпел «эту муку адову» — зимние балы в Петербурге. При расставаниях они писали друг другу очень подробные, нежные, полные теплоты письма. Благодаря своему природному уму и врожденной интуиции «душка Минни» пользовалась не только любовью, но и большим уважением мужа.

Наша замечательная Государыня возглавляла множество разных организаций и учреждений, покровительствовала громадному числу общественных, благотворительных, а также и учебных заведений, естественно, носивших Ее имя. В Ее ведомстве было большое хозяйство: приюты, воспитательные дома, богадельни, больницы, монастыри, учебные заведения — во всех крупных городах России. Императрица Мария Феодоровна имела личный бюджет 200 тысяч рублей, но не более четверти от него (50 тысяч) она тратила на себя, а все остальное передавала на благотворительные надобности. Возглавляя Российское общество Красного Креста и многочисленные учреждения Ведомства Императрицы Марии, она оставила заметный след в истории нашего Отечества. Она всегда умела создать вокруг себя атмосферу доброжелательности и легкости. Природный ум, шарм, буквально очаровывавший собеседников, делали Царицу популярной как при дворе, так и среди народа. Она ходатайствовала перед Супругом об оказании материальной помощи или определении на службу, производстве в придворные звания, всецело занималась придворными балами, празднествами и церемониями. Расписанная по минутам жизнь двора, светские приемы, воспитание детей — ничто не мешало Марии Феодоровне заниматься благотворительностью.

День рождения Государыни Императрицы Марии Феодоровны 26 ноября первые три года царствования праздновался в Гатчине. Гости собирались

к 11 часам. Их Величества через Китайскую галерею следовали в церковь. По пути шествия в Греческой галерее Императрицу поздравляли члены Государственного совета и министры, в Тронной — дамы, в Белом зале — Кавалергардский полк, в Чесменской галерее — Кирасирский полк. После литургии давался завтрак в Арсенальном каре и комнатах Николая I. Для того, чтобы поставить стол на 80 человек, снимался бильярд.

После ухода из жизни Императора Александра III в 1894 году, до конца жизни она будет носить траур. Умная, сильная женщина, обладавшая глубокой политической интуицией, она многому научилась у своего Супруга. Официально она получила новый статус «Вдовствующей Императрицы». «В сущности, — вспоминала фрейлина Анна Вырубова, — она так и не сошла со сцены, продолжая занимать важное место во всех торжественных случаях».

Так, в царственных обязанностях протекала жизнь Императрицы Марии Феодоровны при жизни и после смерти Государя Императора Александра III в 1894 году, и во время Великой Войны, наступившей в 1914 году — вплоть до самой революции, которая застигла Ее в Киеве. Там Вдовствующая Императрица опекала воинские госпитали. Оттуда Мария Феодоровна переехала в Крым, куда последовали и родители Тихона Николаевича, и его Тетя Ксения с супругом Великим Князем Александром Михайловичем и детьми. Там все

оказались арестованными «Ялтинским советом» и держались под стражей.

Бывали частые «обыски» — якобы в поисках оружия. Но обыкновенно «исчезали» разные дорогие вещи. Саму Императрицу «обыскивали» лишь один раз, ввалившись в Ее спальню ночью... Но Она, сидя в кровати, так накричала на комиссаров и матросов, что они смущенно убрались восвояси и больше в Ее спальню никогда не заходили. Хотя Она была пленницей и маленького роста, Она оставалась грозно-повелительной по духу, который и влиял на разнузданных бунтарей. Это ярко описано в воспоминаниях Великого Князя Александра Михайловича, которые вышли еще перед Второй мировой войной, а не так давно были переизданы в России. А со слов взрослых интересными подробностями уснащались рассказы о той поре и у Тихона Николаевича, который ведь родился в Крыму как раз накануне этих событий — в августе 1917 года.

После Брест-Литовского «мира» в Крым пришли немцы и освободили Императорскую Фамилию, спасли от неминуемой гибели. Императрица, с детства питавшая лютую ненависть к немцам еще за Данию, а теперь и к Вильгельму — за Россию, не приняла немецкого генерала, пожелавшего к Ней явиться. После поражения и капитуляции Центральных Держав в Крым пришли «белые» и английская эскадра.

По настоянию своей матери, король Георг V прислал за своей российской Тетей военный ко-

рабль Н.М.С. Marlborough (названный в честь нам всем знакомого «легендарного» Мальбрука, предка Черчилля). Но Государыня поставила условием Своего отъезда согласие англичан забрать одновременно всех тех, кто пожелал бы с Ней покинуть Россию, что и было исполнено королевскими моряками. Тихон Николаевич так вспоминал об этом моменте:

«Мои родители тогда не пожелали бросать родину. Им казалось, что еще есть надежда на лучшее... И они переселились на Кубань, где весной 1919 года родился мой младший брат Гурий.

После крушения Белого Движения на юге России мы эвакуировались в Константинополь (на Принкипо). Из Турции, через Сербию и Вену, мы добрались до Дании, куда Бабушка уже приехала из Англии. С Нею мы и прожили до Ее кончины в 1928 году».

В изгнании вдовствующая Императрица продолжала, по мере сил и катастрофически урезанных финансовых возможностей, помогать всем русским беженцам и датчанам, к Ней обращавшимся. И теперь, как и при царствовании Своего Супруга, а затем и Ее Сына, со смертью Которых Она никогда не примирилась и продолжала думать о Них как о живых, — в политику Она не вмешивалась. Единственный раз Государыня нарушила Свое молчание, дав разрешение Великому Князю Николаю Николаевичу предать гласности Ее письмо, написанное ему по поводу произволь-

ного выступления Великого Князя Кирилла Владимировича. Как мудро звучат и поныне слова Царицы-Матери:

«Ваше Императорское Высочество! Болезненно жалось Мое сердце, когда Я прочла манифест Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя Императором Всероссийским. Боюсь, что этот манифест создаст раскол и уже тем самым не улучшит, а наоборот, ухудшит положение и без того истерзанной России. Если ГОСПОДУ БОГУ, по ЕГО неисповедимым путям, угодно было призвать к СЕБЕ Моих возлюбленных Сыновей и Внука, то Я полагаю, что Государь Император будет указан нашими основными Законами, в союзе с Церковью Православной, совместно с Русским Народом. Молю БОГА, чтобы ОН не прогневался на нас до конца и скоро послал нам спасение, путями ЕМУ только известными. Уверена, что Вы, как старший член Дома Романовых, одинаково со Мной мыслите. — Мария.

*Хвидере, 21 сентября
(4 октября по новому стилю) 1924 года»*

Не только Великий Князь Николай Николаевич, но и последний вождь Русской Армии, генерал барон Врангель, и большинство истинных монархистов мыслили одинаково с Императрицей Марией Феодоровной.

Зимой Государыня Императрица жила в Копенгагене во дворце Амалиенбург, состоявшем из четырех трехэтажных зданий в стиле барокко, охватывающих широкую площадь. Ей было отведено

то здание, в котором раньше жил ее отец — король Христиан IX. Прямо напротив была резиденция короля Христиана X, ее племянника. С правой стороны ее дома жила вдовствующая королева Луиза, а здание слева, как и нижний этаж «нашего» здания, были предназначены для официальных приемов. Мы с Тихоном Николаевичем бывали там много лет спустя, и он с ностальгическим упоением, искрометно, ярко, вспоминал свое детство:

«Когда король был в резиденции, то в 12 часов дня происходил «вахт-парад» — смена караула, с музыкой, выносом знамени и так далее. Причем некоторые офицеры всегда косились из-под козырьков своих медвежьих шапок: не стоит ли Государыня у окна, и если Ее замечали, то радостно, хотя и не официально, салютовали Ей саблей. Королю это не нравилось, и он делал им грубые замечания. Но офицеры все же продолжали. Ибо наша Государыня была очень популярна среди датчан.

Лето мы проводили у моря, километрах в двенадцати на север от Копенгагена, в обширной вилле «Hvidore», с прекрасным садом и собственным пляжем. «Hvidore» в свое время купили рано овдовевшие сестры: Императрица Российская и Королева Английская — для своих встреч «на полпути» у отца.

В билиардной комнате, над камином была надпись: «Ost-Vest — Hjemme best» — «Восток-Запад — дома лучше».

Сколько я себя помню, я всегда питал глубочайшее уважение к «Амама», как мы Ее звали в семье. Она — мне казалось — была «всех главней»! Дом, сад, автомобиль, шофер Аксель, два камер-казака при кинжалах и револьверах, дежурившие в прихо-

жей, и даже датские гвардейцы, бравшие на караул у своих красных будок, — вообще все, все, все было Бабушкино и существовало лишь для Нее. Все остальные, включая и меня самого, — были “ничто”! Так мне казалось, и так, до известной степени, оно и было.

Когда Она днем отдыхала, нам с братом запрещалось шуметь даже в саду. И нам не раз доставалось за то, что нашей маме Государыня делала выговор за наше буквально громкое поведение... Нас не драли, нас не оставляли без сладкого или без прогулок, но нас долго и нудно стыдили за неприятности, доставшиеся по нашей вине бедной маме от Бабушки. Сперва журил папа — сразу по возвращении расстроенной мамы от Государыни. А потом еще, вечером, перед молитвой, моя любимая няня “Авака” — Ксения Яковлевна Можаяева — обращалась к голосу моей совести.

Помню такой позорный “подвиг”. Назову его “Тюльпаново побоище”. С очень ранних лет мне страшно нравились тюльпаны. Они меня привлекали. Я любил щупать их восковатые лепестки и даже получал разрешение от мамы срывать по одному лепестку с отцветающих тюльпанов в вазе. Эта поблажка обернулась большим изъясном в моем воспитании.

Однажды, когда мне было лет пять-шесть, кто-то преподнес Императрице буквально сотни тюльпановых луковиц, и они все были посажены в огромную звездообразную клумбу перед окнами дачи. И вот возшел многоцветный ковер, радовавший все взоры, не исключая и моего. Но в один жаркий день я подметил, что некоторые цветы раскрылись — на мой взгляд — больше “должного”. Я решил, что они будут скоро опадать. Ergo — цветам все равно прихо-

дит конец, и нечего им дольше стоять... Объяснил положение моему младшему брату Гурьке, и, вооружившись нашими деревянными шпагами, мы бесстрашно бросились на эту массу "воинов в ярких одеждах".

И был бой! Просто эпический бой. Бой былинный: "направо махну — улица, налево — переулочек" — головы так и катились. Братишка еле поспевал за мной. В упоении ору! И сквозь собственный крик слышу, как Гурька предлагает остановить это избиение уже явно побежденного врага. Я собираюсь в негодовании обернуться, выругать его за малодушие и недостаток воинского воодушевления, как вдруг чувствую, что меня сзади крепко схватили за плечо и за занесенную руку и прямо в ухо слышу громкий голос няни: "Да ты что?! С ума сошел?!" И обезоруженного поволокли меня в дом... Бедный братишка плелся сзади, всхлипывая. Как старший, получил я нотаций уйму... И несколько дней нас вообще не водили здороваться с Амама; думаю не потому, что нас таким образом хотели наказать, а скорее потому, что Бабушка просто не желала видеть таких вандалов.

Обыкновенно же таковые "аудиенции" были ежедневным ритуалом: к четырем часам дня нас подчищали, причесывали и вели навестить Амама. Она сидела в небольшой светлой комнате, в углу между двумя большими окнами. Одно выходило на восток — на нижний сад и на море, другое — на юг, на дорогу, утопающую в садах, ведущую вдоль моря в Копенгаген. Когда мы входили, Государыня сидела лицом к двери, в голубой дымке от папирос "Абдулла", которые Она курила через янтарный мундштук. Иногда Она пила чай, а иногда просто вязала. В комнате обыкновенно присутствовали наша Мать и Тетя Ксе-

ния. Бывали и гости. Чаще всех — младший брат Императрицы — “дядя” Вальдемар, с бородкой и в золотом пенсне, со своим закадычным другом, принцем Жоржем Греческим, — тем самым, что в свое время смягчил своей тросточкой удар японца-фанатика по голове Наследника, будущего Царя-Мученика Императора Николая II.

Принцы Вальдемар и Жорж оба были моряками и адмиралами, Вальдемар — датским адмиралом Флота (главнокомандующим), а принц Георг числился адмиралом не только по греческому, но и по русскому Императорскому Флоту. Но в описываемое время Греция была республикой, и принц жил в Дании, недалеко от дачи Императрицы. Помню и других присутствовавших. Так, два раза гостила вдовствующая королева Греческая Ольга. Королева прозвала моего брата “Солнышко на ножках” — именно из-за этих “аудиенций”, так как когда он входил в дверь в своих коротеньких летних штанишках, то солнечные лучи играли и отсвечивали на его обнаженных ногах. Часто приезжала из Гмундена (Австрия) младшая сестра Бабушки герцогиня Тюра Кумберландская.

С возрастом и общим ослаблением Бабушки наши посещения становились нерегулярными и более редкими. В зиму 1927 года мы не уезжали в Копенгаген, ибо доктора посчитали, что Государыня была слишком слаба для переезда. Не рассчитанный на зиму “Hvidore” согревался керосинками. Прошло еще полгода, и осенью, к вечеру (30 сентября по ст. ст. 1928 года), Она скончалась. И почти сразу же появился датский гвардейский офицер в парадной форме с огромным венком от полка, шефом коего был в свое время Император Александр III.

Одинаковые телеграммы были посланы Митрополитам Антонию и Евалогию. Ответ Евалогия был: "Выезжаю". Ответ из Карловцев был условный: "Приеду, если не будет Евалогия", — и не приехал...

Как свидетельствуют исторические источники, на похороны Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Всероссийской Марии Феодоровны прибыло много высокопоставленных лиц: племянник Императрицы — король Гокон Норвежский, король Бельгийский Альбер с наследником Леопольдом, будущие короли Англии — братья Эдуард VIII и Георг VI и многие, многие другие.

Трогательную речь на погребении Императрицы Марии Феодоровны произнес близкий ей и горячо любимый «русскими датчанами» Придворный протоиерей Леонид Колчев:

«Итак, свершилось. Догорела свеча воску чистого. Потух огонек. Угасла жизнь Царицы-Матушки. Осиротели многомиллионные дети русские...

Русь святая, слышишь ли ты наши здесь надгробные рыдания, наши песни погребальные? Видишь ли ты этот гроб с останками Той, Которая делила царственные труды Своего Августейшего Супруга Великого Миротворца Императора Александра Третьего? Увы, скована Русь цепями рабства, самое имя ея уничтожено, поэтому лишь сравнительно немногие имеют возможность лично поклониться гробу Новопреставленной...

Не смущайся этим, Мать наша Царица. Исключительный жребий выпал на долю Твою. Бог возвел

Тебя на самую вершину земного величия, но и там Ты оставалась человеком, удел которого скорби и страдания. Не спасает от них и корона царская...

Много горя и всяких лишений пришлось испытать Тебе на Твоем долголетнем жизненном пути. Слабая телом, но сильная духом, Ты всегда сохраняла мужество, неизменно верила в торжество правды и истины. Этот пример Твой воодушевляет нас, этот дух Твой хранится и в наших сердцах. Все это служит залогом грядущего возрождения нашей дорогой родины.

Не судил Тебе Господь дожидаться здесь на земле того радостного дня, но оттуда — с вышины Тебе будет видней. Настанет день, и Ты увидишь упавшие цепи кровавого гнета, храмы, переполненные горячо и свободно молящимся народом, крестные ходы с целым лесом хоругвей и многочисленными иконами. Ты услышишь гул колоколов и ликование народа Твоего, торжествующего победу правды и истины. Вот тогда по всему лицу земли родной народ русский, народ православный, коленопреклоненно воспоет Тебе и всем умученным членам Твоей Царственной Семьи "со святыми упокой"... А теперь, куда долетит весть о Твоей тихой и безмятежной кончине, там, пока украдкой, здесь же, за границей, всюду в разсеянии льется к Богу мольба: "Упокой, Господи, душу в Бозе Почившей Новопреставленной Благочестивейшей Государыни Императрицы Марии Феодоровны". Только в этой молитве Ты ныне нуждаешься, а нам она поможет перенести горечь постигшей нас тяжелой утраты.

Ты видишь, Ты слышишь, духовная Дщерь моя, я исполнил волю Твою, что было в силах моих, теперь очередь за Тобой, исполни и мою и не мою только, но чрез меня недостойного — просьбу всего

Русского Твоего народа: прости нам, Матушка, все обиды и огорчения, нанесенные Тебе волею или неволей, разумом или неразумием... А когда предстанешь пред престолом Господа Славы, Который, верим, удостоит Тебя Царствия Своего и вселит в храме небесном, как Ты создала Ему сей храм на земле, скажи Ему там: "Господи, Ты знаешь, как тяжело страдает народ Русский, Тобою Мне усыновленный, молю Тя, преложи гнев на милость, вонми Моему и их молению..."

Прощай, Мать наша Царица, и в лице моем прими земной поклон от всего верноподданного Тебе народа. Аминь».

И сегодня, спустя более семидесяти пяти лет после смерти «умной Бабушки» Тихона Николаевича, невозможно без слез читать эти проникновенные слова русского священника, выразившего чувства бывших верноподданных Императрицы Марии Феодоровны. Даже для меня они стали откровением, поскольку ранее не были известны и промыслительно попали мне в руки уже на завершающем этапе работы над рукописью.

В 1985 году, будучи в Дании, мы с Тихоном Николаевичем навестили собор в Роскильде, где раньше короновались короли и где находится их семейная усыпальница. Гроб Государыни покоится в соборе, в склепе, прямо под усыпальницей Ее родителей. На стене, около гроба Императрицы, висят иконы и лампы. Белые стены, вдоль которых размещены гробы Ее родственников, по протестантскому обычаю, не украшены лампадами и иконами. Покойная Императрица после своей

смерти, может быть, навсегда оставила светлый след и ее образ сохранится в памяти людей на долгие годы.

Тихон Николаевич так рассказывал мне об этом:

«После смерти Амама, еще в мое время, существовала в Дании не официальная, а скорее интуитивная "Русская Партия". Вспоминаю старого лэнс-барона Герсдорфа, в общем большого оригинала, хорошо говорившего по-русски, ставшего даже православным. На наших церковных собраниях он любил начинать свои заявления словами: "Я, как православный датчанин", что, по его мнению, давало ему некое особое положение в обществе. Вот это увлечение Россией и всем русским началось еще в конце прошлого столетия, когда датчане увидели в России безкорыстного друга.

В царствование Христиана IX (отца Государыни) были проведены большие работы по укреплению Копенгагена. Царь-Миротворец Александр III был заинтересован в датском хорошо вооруженном нейтралитете. Копенгаген в руках Германии или Англии запер бы Балтийское море и наш выход из него, а союзникам-французам возможность к нам пробраться.

Когда я был в военном училище в 1942 году, это значит лет 14 после кончины Бабушки, под руководством полковника инженерных войск Беннике (впоследствии генерала) наш класс проделал экскурсию на велосипедах к копенгагенским укреплениям, давно устаревшим, но на которых можно было еще наглядно поучиться принципам фортификации. Форт, который мы посетили, был построен на день-

ги, собранные "Датскими Женщинами". Председательница их была никто иная, как "Kejserinde Dagmar" ("Императрица Дагмар"), как мою Бабушку обыкновенно называли датчане. Сколько собрали женщины, а сколько подсыпала "Kejserinde" — сегодня никто не знает.

Когда мы закончили осмотр казематов, капониров и тому подобное, Беннике, собрав нас на вершине этого форта, говорил с большим энтузиазмом о героизме и стойкости русских войск при обороне Порт-Артура.

Другой инженер, подполковник Лавец, давал в том же училище уроки немецкого языка, но всегда для чтения и переводов избирал темы о Суворове, Багратионе, Великом Князе Николае Николаевиче (Старшем) и так далее. Лавец также блистал в своей черной с золотом, с алыми лампасами, парадной форме инженерных войск на всех русских балах, вплоть до самой войны.

Эти примеры подтверждают, что была в Дании подсознательная "Русская Партия", и исключительно по заслугам моей Бабушки!

Когда во время оккупации Дании немцами (9.4.1940 по 5.5.1945) я попал в сентябре 1944 года в немецкую тюрьму, мои родители были направлены знакомыми к некоему Ворсое, в Министерство Иностранных Дел, который имел лазейку к оккупантам. Он поклялся моей Маме сделать все, что было в его силах, чтобы меня освободили, прибавив, что это он почтит своим долгом, ибо, как он выразился, "Ваша Матушка столько сделала для моего отца!" Что Она сделала? Я, к сожалению, не знаю. Знаю лишь то, что его отец был в свое время датским гвардейским офицером. Меня выпустили уже через

месяц. Была ли это его заслуга, или я обрел свободу по другой, более мистической причине, — не знаю.

Когда я сидел в тюрьме и ничего не знал о встрече родителей с моим спасителем Версое, мне явилась Амама: в узорах стены я ясно увидел как бы Ее небольшую фотографию...

Конечно, сидя в тюрьме, я усердно молился и, зная, как Бабушка не любила немцев, я обращался к Ней за помощью. Можно ли обращаться к мертвым, не святым? Не является ли это языческим «культом предков»? Не знаю. Мои молитвы были услышаны ГОСПОДОМ. Святой Она не стала. Но моего духовного опыта мне достаточно, чтобы сказать, что оставленный Ею, как я говорю, светлый след продолжает помогать людям, которых Она любила и о которых Она Сама позаботилась бы, если бы была жива».

Мемуарные истории, рассказывающие о. Его Августейшей Бабушке, Тихон Николаевич обычно завершал неизменными словами:

«Верю, что ГОСПОДЬ упокоил Ее настрадавшуюся в земной жизни душу. И да будет Ей вечная и благодарная память! Аминь».

Нерасторжимую, не только кровную, но и духовную связь Тихона Николаевича с его Державным Дедом и «миниатюрной» Бабушкой, чувствовали все русские люди за границей, кто пронес через долгие годы насильственной эмиграции благодарную память о самодержавной Отчизне. Одно из сообщений о нашей с Тихоном Николаевичем

свадьбе в русскоязычной прессе было так прямо и озаглавлено: «Венчание внука Царя Александра III». В краткой заметке, подписанной Атаманом Обще-Казачьей Станицы американского города Кливленда, штат Огайо, Евгением Ткаченко, сообщалось о том, что в июне 1986 года в Свято-Троицком православном соборе канадского города Торонто, при стечении многочисленной русской колонии, состоялось венчание капитана Тихона Николаевича Куликовского с Ольгой Николаевной, урожденной Пупыниной. Ее отцом был офицер Кубанского Казачьего Войска есаул Николай Николаевич Пупынин, а матерью — Нина Конрадовна Коперницкая из знаменитого рода Коперника.

«Родителями капитана Тихона Николаевича Куликовского, — говорилось далее, — являются Великая Княгиня Ольга Александровна, родная сестра умученного Царя Николая II, которая, по ее просьбе, 28-го октября 1916 г., получила от Брата формальное разрешение на брак с Николаем Александровичем Куликовским — ротмистром Ахтырского гусарского полка, когда Государь посетил руководимый ею лазарет с ранеными в г. Киеве, как сообщает генерал А.И. Спиридович в своей книге «Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг.»

Таким образом, Тихон Николаевич является прямым внуком Царя Александра III», —

заканчивает свою заметку атаман Е. Ткаченко.

Это сообщение не поместила на своих страницах редакция издающейся в Сан-Франциско газеты

«Русская жизнь», так как, по мнению Е. Ткаченко, она продолжала кампанию по дискредитации Царской Семьи и Их Августейших Родственников в серии материалов, публикуемых в то же самое время, а в ее редколлегии состоял тогда некто Георгий Куманский — ярый «кирилловец».

Теперь некие «горячие головы» в России, проявляя ревность не по разуму, решили добраться до праха Императрицы Марии Феодоровны. Мне пришлось сделать по этому поводу довольно решительное заявление в мировых и российских средствах массовой информации. Сделала я это совершенно на законных основаниях. Как показал в своих исследованиях российский историк и специалист по генеалогии Династии Романовых Евгений Пчелов, на данный момент из всех ныне живущих представителей шести поколений я являюсь ближайшей по мужу родственницей Государя Императора Александра Третьего и Государыни Императрицы Марии Феодоровны.

Исследователь пишет:

«При определении ближайших родственников Императрицы Марии Феодоровны следует сначала в порядке генеалогического старшинства (по поколениям) рассмотреть все ее потомство, затем родственников по линии Датского королевского Дома, к которому по рождению принадлежала Императрица, а затем уже родственников ее мужа Государя Императора Александра III.

Потомство Марии Федоровны и Александра III к настоящему времени достигло шести поколений.

Первое поколение — детей Марии Феодоровны — прервалось со смертью ее младшей дочери и последнего ребенка Великой Княгини Ольги Александровны в ноябре 1960 г.

Второе поколение — внуков Марии Феодоровны — составляет четыре ветви:

Старшая ветвь — дети Императора Николая II — прекратилась в 1918 г.;

Вторая ветвь — дети Великой Княгини Ксении Александровны — последний из ее детей Князь Василий Александрович умер в 1989, последняя из невесток Великой Княгини Княгиня Надин Романова (вдова Князя Андрея Александровича) скончалась в 2000 г.;

Третья ветвь — дети Великого Князя Михаила Александровича — прекратилась со смертью его сына Георгия в 1931 г.;

Четвертая ветвь — дети Великой Княгини Ольги Александровны — последний из ее сыновей Тихон Николаевич Куликовский-Романов скончался в 1993 г. Жива невестка Великой Княгини: вдова старшего сына Тихона — Ольга Николаевна Куликовская-Романова.

Третье поколение — правнуков Марии Феодоровны — составляет только две ветви:

Старшая ветвь — внуки Великой Княгини Ксении Александровны;

Младшая ветвь — внуки Великой Княгини Ольги Александровны.

Четвертое поколение — праправнуков Марии Феодоровны — представляет собой потомков тех же двух ветвей:

Старшая ветвь — правнуки Великой Княгини Ксении Александровны;

Младшая ветвь — правнуки Великой Княгини Ольги Александровны.

Пятое и шестое поколения — прапраправнуков и прапрапраправнуков Марии Феодоровны — представляет собой потомство вышеозначенных в четвертом поколении лиц — это примерно в общей сложности еще 10-15 человек.

Далее в порядке генеалогического старшинства следуют родственники Марии Феодоровны по линии Датского королевского Дома, к которому Императрица принадлежала по рождению.

Всех их также следует рассматривать по поколениям: сначала племянников и племянниц, затем внучатых племянников и племянниц и т.д.

Далее в порядке генеалогического старшинства следуют родственники супруга Императрицы Марии Феодоровны — Государя Александра III по линии Императорской династии Романовых.

Их следует рассматривать по поколениям — так же, как и в случае с родственниками Марии Феодоровны по линии Датского королевского Дома.

Таким образом, в настоящее время ближайшей родственницей Императрицы Марии Феодоровны (в поколении ее внуков) является Ольга Николаевна Куликовская-Романова», —

приходит к однозначному заключению российский историк Евгений Пчелов.

Именно поэтому, когда более двух лет назад вдруг в разных изданиях на Западе и в России стали появляться сообщения о том, что собираются переносить останки Бабушки моего Супруга Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны из родовой королевской

усыпальницы, из Дании в Россию, я посчитала своим долгом довести до общественности мнение ближайших родственников Императрицы Марии Феодоровны.

Для меня стало совершенно очевидно, что за этой кощунственной инициативой стоят те же самые силы, которым жизненно необходимо поддержание версии находки ложных царских останков. Возникла угроза возобновления новой кампании по дезинформации относительно так называемых «екатеринбургских останков», поскольку появится возможность взять для экспериментов останки Матери Святого Царя-Мученика Николая — Императрицы Марии Феодоровны. Тем более, что вопрос о так называемом перезахоронении Государыни стал решаться на высшем уровне российской власти. Для меня очевидно, что новое перезахоронение должно будет «усилить» легитимность пребывания в Императорской Усыпальнице останков, чья принадлежность так и не была бесспорно определена.

Впервые идея перенесения праха Императрицы Марии Феодоровны из Ея родовой Королевской усыпальницы в Роскильде — в Собор Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского в Копенгагене была высказана в девяностом или девяносто первом году.

Вторая попытка вскрытия гробницы относится к 1992–1993 годам, чтобы взять образцы останков Императрицы для экспериментов по их сличению с пресловутыми «екатеринбургскими останками».

В обоих случаях родной Внук Императрицы Тихон Николаевич Куликовский-Романов категорически просил свою родственницу Датскую Королеву не допускать кощунства, что и было соблюдено.

Теперь для этой операции найден «благовидный» предлог — перезахоронение останков Императрицы к могиле Супруга — Императора Александра III.

Следовало бы учесть, что, во-первых, в природе не существует завещания Императрицы с указанием Ее желания быть перезахороненной в России. Такое завещание в Дании искали во всех королевских архивах, но не обнаружили. Об этом мне сообщил датский историк Ханс Неербек и посол Дании в России господин Ларс Виссинг. Утверждение же некоторых инициаторов перезахоронения, что такое завещание было, имеет ту же степень достоверности, что и расследование дела о «екатеринбургских останках» под №18-123666-93.

Во-вторых, дважды была четко и однозначно выражена воля ближайшего на начало девяностых годов родственника — Ея Внука Тихона Николаевича — ни в коем случае не тревожить место захоронения Императрицы, ибо он считал это действие кощунственным.

Вместе с тем, инициаторы перезахоронения ссылаются на желание Князей Николая Романовича и Дмитрия Романовича Романовых перезахоронить Императрицу и, в публикациях об этом допуская подлоги, называют их ближайшими родственниками. Они же вовсе не являются прямыми

родственниками Императрицы, так как происходят из поколения Императора Николая I Павловича, а потомки Императрицы по степени родства относятся к поколению Императора Александра III, то есть прямое родословие этого поколения ведется уже после очереди поколения Императора Александра II. Зато, например, мой кузен — правнук Императрицы Марии Феодоровны, внук Великой Княгини Ксении Александровны — Князь Михаил Феодорович Романов, проживающий в Европе, также категорически против перезахоронения Императрицы, Которая покоится на Своей Родине рядом с Родителями в крипте-часовне с православными иконами, освященной православным духовенством, в полном достоинстве и благочестии.

В случае переноса праха Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны в Санкт-Петербург НЕВОЗМОЖНО было бы обеспечить тот почет и торжественность, которые были в 1928 году при Ея похоронах в Дании в присутствии царствующих Королевских особ и представителей Королевских домов со всей Европы. Тогда на Ея похоронах русские царские генералы и офицеры в последний раз в истории по праву надели парадную императорскую форму в знак почести и уважения к Императрице. Какой же уровень торжественности и почета возможен для такого случая в настоящее время? Убеждена, не выше того, который был достигнут в 1998 году при маскарадном захоронении в Санкт-Петербурге так называемых «екатерин-

бургских останков», когда ни одна Королевская особа не удостоила вниманием этой имитации траурного торжества. Таким образом, Императорское достоинство Государыни Марии Феодоровны будет попросту унижено неподобающим Ея Званию и Титулу действием.

В СМИ проходила информация о том, что в связи с окончанием срока аренды в Париже собираются ликвидировать целое русское кладбище, на котором похоронено множество исторических деятелей и русских людей, являющихся славой нашего Отечества. Почему бы вместо трат огромных средств для Императорских «перепохорон» не отдать аналогичные средства на продление этой аренды?!

Но все те, кто активно участвовал в захоронении «екатеринбургских останков» под видом Царских, хотят продолжения процесса для самооправдания, поскольку перенос в Россию подлинного праха Императрицы может «легитимизировать» их прошлое действие и подтвердить их «правоту».

Никаких новых доказательств «подлинности» екатеринбургских останков не было сделано за эти годы, прошедшие с их похорон. Напротив, ученые-генетики, в частности, японский ученый профессор Т. Нагаи, нашли новые свидетельства, подтверждающие, что следственная экспертиза была проведена с ошибками, а результат был подогнан под желаемый. Однако это не смущает людей, причастных к екатеринбургскому делу. Те безнравственные методы, которыми велось следствие №18-123666-93, позволяют им считать себя «честны-

ми» и «во всем правыми» людьми. Я глубоко убеждена, что история 1989–1998 годов с рекламными трюками и пропагандистскими приемами может повториться вновь, начнется новый сенсационный натиск на сознание простых людей России.

8 Октября 2002 года я получила письмо от православного священника из Копенгагена, протоиерея Сергея Плеханова, входящего в датское Общество ревнителей памяти Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны. В письме выражена аргументированная позиция членов этого Общества по отношению к кощунственному проекту.

Кроме того, в ночь с 9-го на 10-е октября 2002 года по телеканалу «НТВ» в передаче Александра Гордона «Гордон — программа для интеллектуалов» (00:50 — 01:55) выступал известный участник генетических экспериментов с так называемыми екатеринбургскими останками доктор медицинских наук Павел Иванов. Значительную часть своего выступления он посвятил пропаганде своих экспертиз, при этом подтвердил, что вероятность 99,9% «совпадения» недостаточна, а потому, поскольку предстоит перезахоронение Императрицы Марии Феодоровны, эти эксперименты им будут продолжены уже с Ея останками.

Таким образом, самые худшие мои опасения, которые я уже высказывала в письмах Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в 2000–2002 годах, полностью подтверждаются. Надо сказать, что Святей-

ший Патриарх учел мою позицию, позицию Князя Михаила Феодоровича и в своем выступлении перед журналистами в июле 2002 года высказался в том смысле, что подобный перенос останков допустим только в одном случае: если существует собственноручное завещание Самой Императрицы Марии Феодоровны с просьбой к потомкам о перезахоронении Ея праха в Санкт-Петербурге. Как я говорила выше, такого завещания нет.

Датские власти, обсуждая возможность их согласия на перенесение останков Императрицы в Россию, связывают его с категоричным условием, что саркофаг Императрицы не будет вскрываться. Но все заверения устроителей кошунственного «шоу» о соблюдении этого условия будут действовать только в Дании. Как только честные останки Государыни Императрицы окажутся в России, горе-экспериментаторы пойдут на любой произвол, как они это уже неоднократно доказали в деле с так называемыми екатеринбургскими останками.

Особенно памятно вскрытие гробницы Великого Князя Георгия Александровича в 1993 году, против которого выступал и мой Супруг Тихон Николаевич и Санкт-Петербургский Митрополит Иоанн. Честному слову и даже письменному договору с этими людьми нельзя верить, так как они уже лишены чести собственными махинациями вокруг екатеринбургских останков. Павел Иванов в своем телевизионном интервью даже не скрывал удовлетворения, когда говорил о том, что

теперь он займется экспериментами с останками Императрицы.

Я не против криминалистики и научных достижений генетики как таковых. Но все они имели бы смысл в строгих процессуальных рамках законного следствия и последующего судебного разбирательства. А сотрудники Генеральной прокуратуры в 1993–1997 годах занимались исключительно версией, предложенной убийцами Царской Семьи. В нынешнее Смутное Время, которое переживает Россия, порядочность и объективность научных исследований и юридического расследования ничем не гарантирована. Материалы и выводы следствия об убийстве Царской Семьи, возбужденного Генеральной Прокуратурой 19 Августа 1993 года и закрытого в конце 1997 года, так и не были подвергнуты судебному состязательному испытанию. Эти выводы были «признаны» истинными в приказном порядке, что совершенно не соответствует мировой юридической, криминалистической и научной практике.

Кошунственные экспериментаторы хотят добиться одного: принудить Русскую Православную Церковь все-таки признать екатеринбургские останки в качестве Святых Мощей Святых Царственных Страстотерпцев.

Прекрасно понимая это, мой приснопамятный Супруг Тихон Николаевич Куликовский-Романов однозначно выразил Свою волю как ближайший родственник Императрицы — Ея Внук: ни в коем случае не трогать место захоронения Государыни.

В настоящее время эту же волю категорически подтверждаю и я — вдова Тихона Николаевича Куликовского-Романова, самая близкая в настоящий момент родственница Императрицы по свойству, как вдова Ея Внука.

Категорически против перенесения честных останков Императрицы Марии Феодоровны и Берлинский Архиепископ Русской Православной Церкви Заграницею Марк, в чью юрисдикцию входит и Дания. Я располагаю текстом его письма к Министру иностранных дел Датского Королевства.

Моих личных сил явно не хватает, чтобы не допустить действий против воли моего Супруга, который дважды воспрепятствовал осквернению праха своей Бабушки — Императрицы Марии Феодоровны. Поэтому я рассчитываю на поддержку Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и всей православной общности России.

Развитие событий подтверждает мои наихудшие опасения: кому-то настойчиво все-таки надо перезахоронить прах, теперь ее назову «многострадальной», Бабушки Тихона Николаевича на ее второй родине, которая так жестоко с ней поступила. Когда я уже вернулась из своей очередной поездки в Россию в 2003-м году и дома, в Канаде, заканчивала работу над рукописью книги, российские информационные агентства в октябре месяце распространили новые сообщения по этому поводу. В них говорилось, что прах Императрицы Марии Феодоровны, Матери Царя-страстотерпца Нико-

лая II, будет перевезен в Россию из Дании в будущем году.

«26 сентября 2004 года прах Императрицы будет возвращен в Россию», — сообщил посол Дании в России Ларс Виссинг. «Эта дата связана с тем, что в этот день Мария Феодоровна впервые посетила Россию», — пояснил посол. Виссинг сообщил, что прах Императрицы Марии Феодоровны может быть захоронен в Санкт-Петербурге.

Вновь муссировалось в СМИ, что с просьбой о перезахоронении в России останков Императрицы к руководителям РФ несколько лет назад обратился глава Императорского дома Романовых Николай Романов, имеющий, между прочим, как я уже писала выше, довольно далекое родственное отношение к Почившей.

Также сообщалось, что 23 октября 2003 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II в своей рабочей резиденции в Чистом переулке принял посла Дании в России г-на Ларса Виссинга, который был уполномочен своим правительством провести переговоры с Его Святейшеством и получить необходимую консультацию Предстоятеля Русской Православной Церкви по вопросам организации перенесения праха Марии Феодоровны в Россию и его перезахоронения.

В интерпретации журналистов, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей, комментируя состоявшуюся встречу, в частности, сказал:

«Королева Дании Маргрете II дала согласие на перенесение останков Императрицы Марии Феодоровны в Санкт-Петербург и перезахоронение их рядом с могилой ее мужа — Императора Александра III. Скорее всего, церемония состоится в сентябре следующего (2004 г.) года.

Императрица Мария Феодоровна была православной, отпевание ее по православному обряду уже было совершено, и при перезахоронении останков Императрицы в Санкт-Петербурге пройдет только торжественная панихида.

Местом работы Оргкомитета по организации перенесения останков Императрицы Марии Феодоровны определен Санкт-Петербург. Я поручил митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Владимиру обеспечить участие представителей Русской Православной Церкви в работе Оргкомитета.

Когда новоизбранный губернатор Санкт-Петербурга Валентина Михайловна Матвиенко прибудет в Москву, мы встретимся с ней и обсудим вопросы организации церемонии, поскольку она должна быть осуществлена на высоком уровне — и с церковной, и с государственной точек зрения».

Такова журналистская версия происходивших событий. Что ж, все — в руках Божиих. *Не прикасайтесь к помазанным Моим, и пророкам Моим не делайте зла* (1 Пар. 16, 22).

Как видим, посмертная судьба Царя-Миротворца Александра Третьего и Государыни Императрицы Марии Феодоровны — Державного Деда и «миниатюрной» Бабушки Моего Супруга продолжается, так или иначе отражаясь в истории современной России и других мировых держав. Не

оставлены сегодня без внимания и имена Их дочери — Великой Княгини Ольги Александровны с Ее верным мужем полковником Николаем Александровичем Куликовским — родителей Тихона Николаевича.

Вдовствующая
Императрица
Мария Феодоровна

Николай Александрович Куликовский
и Великая Княгиня Ольга Александровна.

1917 г.

ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О РОДИВШИХСЯ

За 1917го года,

Выдана прикомандированной Ветеринарной службы,
Житинской уезда, Песчаной волости.

Выписка из метрической книги о рождении Тихона.

1917 г.

Великая Княгиня Ольга Александровна с Тихоном.

Крым, Ай-Тодор, 1917 г.

Великая
Княгиня
Ольга
Александровна
с Тихоном.

*Крым, Ай-Тодор,
1917 г.*

Великая Княгиня Ольга Александровна,
Николай Александрович Куликовский с Тихоном.

Крым, Ай-Тодор, 1917 г.

Н.А. Куликовский, Вел. Кн. Ольга Александровна и Тихон.
Добыча молока.

Крым, Ай-Тодор, 1917 г.

Н.А. Куликовский с Тихоном.

Крым, Ай-Тодор, 1917 г.

Тихонъ 5 летъ

ТИХОН.
Данія, 1922 г.

Гурий.
Дания, 1922 г.

Гурий и Тихон.
*Дания,
1920-е гг.*

Н.А. Куликовский с сыновьями Тихоном и Гурием.
Дания, дворец Хвидер, 1920-е гг.

Вел. Кн. Ольга
Александровна
с сыновьями.

*Дания,
дворец Хвидер,
1920-е гг.*

Вдовствующая
Императрица
Мария
Феодоровна
с внуком
Тихоном
на прогулке.

*Дания,
дворец Хвидер,
1920-е гг.*

Вел. Кн. Ольга Александровна с сыновьями Гурием и Тихоном.
Дания, Кнуде-Минде, 1920-е гг.

Тихон

ТИХОН

ТИХОН

Тихон Николаевич Куликовский-Романов
в офицерской школе

Тихон Николаевич Куликовский-Романов
в офицерской школе

Семья за столом с друзьями в Кнудс-Минде.
1930-е гг.

Великая Княгиня Ольга Александровна за работой.
Канада, 1950-е гг.

Великая Княгиня Ольга Александровна.

Канада, 1950-е гг.

Вел. Кн. Ольга
Александровна
с сыном Тихоном.

*Канада,
1950-е гг.*

Вел. Кн. Ольга Александровна.

Канада, 1950-е гг.

Тихон Николаевич Куликовский-Романов
и супруга Ольга Николаевна на мостике в местечке Лангинкоски.
Финляндия, 1989 г.

Часть вторая

Гусар Ея Высочества и «багрянородная» Княгиня

Над «Семейными воспоминаниями» Тихон Николаевич трудился долго и скрупулезно, начиная, как я над этим подшучивала, чуть ли не «с Адама и Евы». И что характерно: выстраивал в первую очередь генеалогическую линию древнего боярского рода Куликовских, поскольку, во-первых, так принято на Руси; а во-вторых, романовская родословная и так известна любому мало-мальски образованному человеку. В отличие от иных отпрысков династии Романовых, которые ныне не афишируют своих «маменек» и «папенек», Тихон Николаевич не только никогда не отказывался от своего прекрасного отца, а гордился им — потомком древнего боярского рода, ротмистром славного Ахтырского гусарского полка Николаем Александровичем Куликовским.

Кстати, после революционного переворота в России, родившиеся уже в изгнании многие молодые члены Династии Романовых вместо того, чтобы устраивать мнимые «равнородные браки», взяли себе в жены девушек из старинных русских боярско-дворянских родов, как это и бывало на Руси в старину. Впрочем, оставим «легетимиско-династические» споры правоведам и историкам, поскольку для большинства людей России они сего-

дня не имеют никакого практического значения. Даже если кто и объявит себя самозваной царицей, боюсь, что большого штата «подданных» ей не прокормить...

Генеалогические исследования по отцовской линии, проведенные Тихоном Николаевичем, рисуют нам широкомасштабную историческую картину:

«Древний род Куликовских происходит от средне-европейского королевского рода Драгомиров. Поэтому в центре нашего герба имеются три железных рыцарских сапога со шпорами, правда, расположенные не как у Драгомиров, а со сходящимися коленами.

В Россию мои предки пришли лишь в 18-м веке при следующих обстоятельствах. Победа Петра Великого под Полтавой в 1709-м году над тогда, пожалуй, самой выдающейся армией Европы с ее предводителем — бесстрашным Карлом XII-м прогремела далеко за границы Европы. Взлет православной России не могли не отметить единоверцы, находившиеся под нелегкой властью Турецкого Султана. Молдавский князь Димитрий Кантемир решился завязать связь с Русским Царем и послал в Москву своего вистарника (министра финансов) Прокофия Васильевича Куликовского, о котором сказано, что он был литовский или польский дворянин.

Прокофий Куликовский принялся энергично за свою новую задачу, не раз путешествуя в Россию и обратно. И его посольство увенчалось полным успехом. Ведь мы знаем, что Петр смолоду мечтал изгнать турок из Европы. Ему лишь не хватало союзников. Теперь же, когда шведы были изгнаны с юга России, Санкт-Петербург и крепости защищали выход в Балтийское море, обещания православных гос-

подарей оказать Петру значительную военную помощь и после освобождения от турок включить свои провинции в Российскую Империю звучали для него более чем заманчиво.

В это время в Валахии правил Константин Бранкован. Он был очень богат. В то время как князь Молдавии Кантемир был значительно беднее. В Урлати, на севере Валахии, Бранкован держал армию более 20 000 человек. Кавалерией командовал его двоюродный брат господарь Фома Кантакузен, который был тоже сроден с антемирами. Бранкован вступил в тайные переговоры с Петром, но не решался открыто выступить против турок, что в последствии и привело его к гибели...

Кантемир был извещен Прокофием Куликовским. Как только Войско Петра Великого дошло до Днестра, Кантемир собрал все свои войска, состоявшие главным образом из кавалерии под командой Некульцеи и — чтобы показать, что назад дороги нет — приказал перебить всех турок, находившихся у него в Яссах.

Если бы Бранкован в Валахии последовал энергичному примеру Кантемира, история христианских народов в этих отдаленных краях Европы, вероятно, стала бы совершенно иной. Но у Бранкована как раз-то и не хватило духа... Лишь его двоюродный брат Фома Кантакузен встретился с Петром и Кантемиром в Молдавии. Теперь Кантакузен со своими валахскими всадниками, подкрепленный целым корпусом русской кавалерии, пошел на Брейлов, и весь турецкий авангард был уничтожен в коротком, но кровавом бою.

Однако начальный успех христиан скоро окончился на реке Прут. Главной причиной была измена молдавского боярина Лупу Косташи, которому было

поручено следить за границей Молдавии. Он упорно доносил своему князю Кантемиру, что будто бы лишь малые турецкие силы приближаются, когда в действительности вся туча мусульманских войск уже нагрянула. И так русские и молдавские станы (лагеря) оказались внезапно окружены у реки Прут турками и крымскими татарами...

Положение казалось безысходным. Петр, у которого всегда в мыслях Россия была на первом месте, послал приказ в Петербург, что в случае, если он окажется пленником султана, его бы птенцы выбрали из своей среды другого царя, а о нем самом забыли и ни в коем случае не слушали, что бы он им ни писал из турецкого плена. Но, на счастье, паша-победитель не знал, что среди попавшихся в окружение находится сам Петр. К тому же турка беспокоил тот факт, что Фома Кантакузен на свободе со всей своей конницей в полной боевой силе, и сможет самого пашу отрезать от его базы. Поэтому Шафирову, ловко ведущему переговоры с русской стороны и подкупившему пашу всем золотом, что было при армии и даже личными драгоценностями Екатерины, удалось выговорить довольно легкие условия. Русских и всех союзников отпустили. Но, конечно, вся артиллерия и прочие боеприпасы были сданы мусульманам... Но победителю-паше это дело обошлось дорого. Когда Султан все-таки узнал, что Царь был фактически в его руках и что паша его упустил за деньги из жадности, неудачливому паше с его сыновьями отрубили головы на острове около Константинополя.

В Россию с возвращающимся Царем пришли и его союзники — господа князя Кантемир, Стурдза, Кантакузен с их боярами, воинами и семьями. Так же пришел и Прокофий Васильевич Куликовский, с семьей. Младший сын его был еще в люльке.

А валахский князь Константин Бранкован, у которого была возможность вписать блестящую страницу в историю Румынии, дорого заплатил за свою нерешительность. Оставшись один, без возможности на кого бы то ни было опереться, без лучшей части его войска, ушедшей с его двоюродным братом Кантакузеном, он был со своими четырьмя сыновьями захвачен турками и обезглавлен после жесточайших пыток.

Молдавия не возставала против турок в течение следующих полутора столетий...

Прокофий Куликовский получил от Петра земли на юге России, тогда еще не особенно заселенном. Тут были крепости, охраняемые слободскими казаками: Изюм, Ахтырка, Павлоград и прочие.

За свои заслуги в 1712 году Прокофий Васильевич стал полковником Харьковского казачьего полка. Со своим полком он участвовал в сражениях против крымских татар. Раз ему посчастливилось освободить множество русских пленников с женами и детьми, захваченными татарами и гонимыми ими для продажи в рабство в обширной Турецкой Империи, из которого не было бы возврата...

Вернувшись из этого доблестного похода, полковник П.В. Куликовский, не щадивший себя в бешеной погоне за татарами, умер от истощения в 1713 г., 50-ти лет от роду... "Больше сия любви ни кто же да имет, аще душу свою положит за други своя".

Как сказано, Прокофий Васильевич пришел в Россию со своею семьей. Жену его звали Елизавета Ивановна. Она была дочерью молдавского боярина Ивана Толпеци. И у них было четверо сына.

Старший сын Константин Прокофьевич унаследовал деревню Борки с землями и получил дарствен-

ную грамоту от Петра Великого. Но уже через шесть лет после смерти отца он сам пал в стычке с разбойничавшими запорожцами в 1719 году.

В старых архивах имелся документ Высшего Государственного Совета от 21-го Марта 1727-го года, подписанный "Птенцами Гнезда Петрова": Александром Меншиковым, адмиралом-генералом графом Апраксиным, канцлером графом Головкиным, графом Петром Толстым и князем Димитрием Голицыным.

Документ гласит, что по приказу Ея Императорского Величества Императрицы Екатерины I-ой деревня Борки, которая была уступлена "за деньги" Харьковским полком полковнику Прокофию Куликовскому (покойному отцу Юрия), должна навсегда принадлежать семье (потомству) Юрия. Ибо оказалось, что после смерти Константина Прокофьевича купленная им земля была нелегально забрана назад Харьковским полком. И дело было исправлено энергичным младшим братом лишь после того, как дошло до самых ступеней Трона Императрицы Екатерины I.

У второго сына, Евстафия Прокофьевича, было два сына:

1. Алексей Евстафиевич — армейский офицер, женатый на Анне Лизогуб.

2. Иван Евстафиевич — гусар, вышедший в отставку в чине капитана, не женатый.

Третий сын Прокофия Васильевича, Юрий Прокофьевич, вышел в отставку в чине секунд-майора и стал финансовым ассессором города Харькова.

Юрий Прокофьевич имел сына Димитрия Юрьевича Куликовского.

Четвертый сын — Матвей Прокофиевич, родившийся лишь в 1711-м году и привезенный в Россию

ребенком, вступил в армию в 1731 году. После участия во всех кампаниях против турок и крымских татар вышел в отставку в чине полковника в 1768-м году и был избран местным дворянством с депутатством в комиссию по подготовке Уложения Законов.

Затем он стал судьей, а потом и предводителем Харьковского Дворянства. У него с его женой Пелагеей (урожденной Родзенской) было 8 детей:

Матвеевичи:

1. Николай Матвеевич — сержант в Гвардии, лейтенант Севского пехотного полка. Вышел в отставку майором после ранений в траншеях при осаде турецкой крепости Бендеры. Стал судьей, как и его отец.

2. Димитрий Матвеевич — премьер-майор Черниговского Легко-конного полка.

3. Михаил Матвеевич — лейтенант Московского Пехотного полка.

Дочери:

4. Варвара Матвеевна, замужем за майором Кондрати.

5. Марфа Матвеевна, замужем за казацким офицером Полуботка.

6. Елизавета Матвеевна, замужем за майором Сманом (Смашной).

7. Татьяна Матвеевна, замужем за генерал-майором Иваном Балабиным, членом Провинциальной управы.

8. Авдотья Матвеевна, замужем за майором Зарудним.

Семья Куликовских росла и ширилась. Перескочив "пару" поколений, придем к участнику Бородинского сражения, моему прямому предку — Никано-

ру Евстратовичу, родившемуся 6-го Августа 1793-го года в имении Евстратовка.

На Бородинском поле молодой Никанор дерется в рядах славного Лейб-Гвардии Конного Полка. Потери с обеих сторон были страшные: из 136000-ной армии Наполеона выбыло из строя 40000, а из кутузовских 97000 — сорок пять тысяч...

В период отхода русских войск: Бородино — Красное — Тарутино генерал Шевич в своем рапорте Барклаю де Толли просит о производстве в первый офицерский чин следующих эстандарт-юнкеров Лейб-Гвардии Конного Полка: графа Мантейфеля, Куликовского, Калугина, Родзянко, Тимирезова-Третьего, Реннэ и Томсонс.

Под Тарутином Кутузов пополняет и перегруппировывает свои войска, готовясь гнать зарвавшихся захватчиков из России. А Наполеон сидит в горящей Москве, все надеясь, что Царь после потери старой столицы запросит у него мира. Тем временем "La Grande Arme", занимаясь грабежом, теряет свои дух и дисциплину...

Но Александр не только не просит мира, а, наоборот, даже и не отвечает на попытки Наполеона завязать с Ним сношения...

В конце концов Наполеону пришлось бежать из Москвы. И не южным, незатронутым войной путем, как он хотел бы, а по его собственным избитым следам, с сожженными городами и разрушенными деревнями. Об этом позаботился Кутузов, не дававший французам возможности свернуть на что-либо получше, "потучнее"...

Последний разгром произошел на реке Березине, у Студенки, где наскоро построенные два моста оказались и слишком узкими, и слишком слабыми. Французы побросали тут не только всю свою добы-

чу, но и множество пушек и прочего своего... Русские гнали их беспощадно до самой реки. Никанор Куликовский в азарте погони промок в ее холодных водах до пояса, как говорит семейная устная хроника Куликовских.

Немного больше одной четверти дошедших до Березины ее перешли — всего около 10000. Но зато сам Наполеон, все его маршалы и 2500 офицеров спаслись. Что дало Бонапарту достаточно “кадров”, чтобы выстроить новую армию в Германии в 1813-м году.

К январю 1813-го победоносные русские войска перешли польско-немецкую границу. В рядах своего полка Никанор Куликовский участвует во всех больших сражениях с французами, включая монументальную “Битву народов” под Лейпцигом 16-19/10 1813 г. и кавалерийский подвижной бой-погоню, закончившийся лишь из-за наступления полной темноты под Фэр-Шампенуаз уже на французской земле.

Париж пал 30 марта 1814 года. И Никанор Куликовский вступил в ликующую столицу Франции, встречавшую Императора Александра I Благословенного как освободителя!

Французы разукрасили себя белыми бурбонскими кокардами, лентами и бантами, изображая себя верноподданными роялистами, как будто и не было ни кровавой революции, ни “казни” короля Людовика XVI, ни массовых убийств периода “террора”, ни наполеоновских перекраиваний Европы...

Многие парижане уверяли победителей, что они “всегда боролись” против Наполеона. Когда же один таковой заявил, что он даже убил французского солдата, эта явная ложь так возмутила честного вояку — теперь генерала — Дениса Давыдова, что он чуть не задушил тут же такого подлизу-агуна. Денис Давыдов

был одним из инициаторов партизанской войны в России. Поэт, любимец Кутузова. Теперь он уже командовал Ахтырским Гусарским Полком, носившим коричневые доломаны и получившим на знаменитом параде всех союзников в память своих подвигов 1812-1814 гг. право от Императора Александра, как единственный полк во всей Русской Армии, ношения мундира этого необыкновенного цвета "на вечные времена"!

После войны Никанор Евстратович продолжал военную карьеру и даже стал командиром именно Ахтырского Полка и вышел в отставку в чине полковника гвардии. Я имею счастье владеть семейной иконой Богородицы, которой родители в 1812 г. благословили Никанора Евстратовича, уходящего на войну. Она побывала с ним в Париже и в 1914 году ушла с благословениями родителей на войну с моим отцом Николаем Александровичем Куликовским и была с ним до его смерти на чужбине.

Скончался Никанор Евстратович в 1870-м году, 21-го апреля.

Сын Никанора Евстратовича Куликовского — Никанор Никанорович вышел в Лейб-Гвардии Кирасирский Его Величества Полк.

Мой дед Александр Никанорович по окончании Николаевского Кавалерийского Училища, любовно называемого "Гвардейской Школой", вступил в самый блестящий полк Российской Гвардии — Лейб-Гвардии Кавалергардский Полк 12-го Июля 1864 года.

Он женился на харьковской дворянке Евдокии Николаевне Хариной, у которой было два брата: Иван Николаевич и Николай Николаевич Харинь. Ивана Николаевича я смутно помню. Он скончался

после революции от рака горла в Дании. А Николай Николаевич стал управляющим имениями короля Александра в Сербии.

У Александра Никаноровича и Евдокии Николаевны родился сын Николай Александрович и дочь Александра Александровна, впоследствии по мужу Плещеева.

Когда в 1914 году наступила I Великая война, Александр Никанорович уже был генерал в отставке. Из-за его блестящего знания лошадиного дела он был назначен начальником "ремонтной комиссии", обучавшей и поставлявшей лошадей в армию. На той службе его и застала революция 1917-го года и развал армейских тылов.

Ленин, пришедший к власти, "лестно" заплатил кайзеру за его помощь... Немецкие войска наводнили Украину. И когда Александр Никанорович Куликовский поехал сдавать крупные казенные суммы в Харьков, то, к несчастью, пришли туда и немецкие оккупанты. Увидев генерала, они его "взяли в плен". Не важно, что генерал был старик, в отставке. Александр Никанорович Куликовский так никогда и не увидел больше своей прекрасной Евстратовки, умерев пленником на чужбине...

Мой отец, Николай Александрович Куликовский, родился в 1884 году в семейном дворянском гнезде — имении Евстратовке. В 12-ти верстах на восток от него, на железной дороге Воронеж-Ростов, тогда находился полустанок с телеграфом, носивший название "Евстратовский".

В те времена помещичий дом еще высоко стоял над одним из притоков реки Дона. Дом был обширный, деревянный, двухэтажный. Комнаты были отделаны деревом разных пород, и поэтому имели каждая свой специфический аромат.

На юг от дома спускался к реке большой сад, переходивший во фруктовый. Широкая прямая аллея вела от дома до самой речки, где была купальня, помещение для лодок и прочие постройки.

Во время весеннего разлива мой отец, мальчиком, любил грести на лодочке между верхушек кустов черной смородины в нижнем саду. В такое время южного берега реки, казалось, вообще не было...»

Здесь проникновенные, талантливо написанные Тихоном Николаевичем строки о древнем роде Куликовских обрываются. Доподлинно известно из многих официальных источников, что, став военным, Николай Александрович продолжил славные семейные традиции и вступил в Ахтырский гусарский полк, в котором служили и которым командовали его предки. Державным Шефом этого полка являлась Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна. С тех пор их сердца соединил Господь, чтобы в горе и радости провести сквозь тернии двадцатого века.

О своей Матери Тихон Николаевич мне много рассказывал. Личность Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны заслуживает особого внимания. И не только потому, что Она дочь и сестра Императоров России. А прежде всего потому, что Она была удивительной женщиной, значительную часть Своей сознательной жизни посвятившей подвигу благотворительности и милосердия Христа ради.

Имя Великой княгини Ольги Александровны привлекало к себе внимание исследователей выпав-

шего на Ее долю бурного периода расцвета и падения Российской Империи. Одно время на Западе была широко известна книга Я. Ворреса о Великой Княгине. У Тихона Николаевича она всегда вызывала чувство глубокого неудовлетворения. Автор не сумел адекватно передать по-английски все нюансы жизни Русского Императорского Дома. А когда появились российские издания этой книги, то двойной перевод в иных местах вовсе запутывал ситуацию. Мне пришлось переработать несколько эпизодов из воспоминаний Великой Княгини Ольги Александровны, хорошо известных в семье и рассказанных журналисту. Наряду с другими источниками я буду прибегать к ним, по мере необходимости, для дальнейшего рассказа.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Александровна родилась в Петергофе 1 (14) июня 1882 года, и поэтому является единственным «багрянородным» ребенком Государя Императора Александра III. «Багрянородным» называется ребенок, рожденный от Царствующего Императора — от Помазанника Божьего. В древности у греков такого ребенка называли «пурпурогенным». В Византии, в первой христианской Империи, этому придавалось особое значение.

При Государе Александре III на всем своем обширном пространстве Империя наслаждалась миром, который царил и в международных отношениях. И хотя будущий Самодержец Всероссийский лично принимал героическое участие в Балканской войне 1877-1878 годов, но называл всякую войну

«позором». «Все народы должны устранять свои разногласия без единого выстрела», — говорил Он.

Для России была благодатным примером домашняя жизнь Царя. Внешне огромный, мощный, грозный, он был добрым и даже сентиментальным в своей семье. Для Государя Александра III брачные узы и клятвы были нерушимы. Дети были венцом Его счастья. Первенцем был будущий Государь Николай (1868-1918). Второй сын, Александр (1869-1870), умер в младенчестве, третий, Георгий (1871-1899), скончается на Кавказе от туберкулеза легких в возрасте 28 лет. Царь правил немногим более года, когда Императрица Мария Феодоровна в 1882 году разрешилась от бремени дочерью Ольгой в Петергофе. По этому поводу все колокола в Петергофе заливались радостным звоном. Батарейный гром традиционного салюта от 101 выстрела орудий, установленных на бастионах Петропавловской крепости, огласил счастливую весть в Санкт-Петербурге. И в каждом городе Империи был великий праздник.

На попечении Императора Александра III находились Гатчина, Петергоф, два больших дворца в Царском Селе, Аничков и Зимний дворец в Петербурге и Ливадия в Крыму.

Гатчина, отстроенная Царем-Мучеником Павлом, была любимым дворцом Императора-Миротворца Александра. Может быть, поэтому Великая Княжна Ольга предпочитала Гатчину всем другим царским резиденциям. Большая часть ее детства прошла именно там. Гатчинский дворец, в кото-

ром было около 600 комнат, напоминал огромный загадочный замок, с башнями и подземным ходом, ведущим к Серебряному озеру. Как-то, посещая Гатчинский дворец во время очередного своего визита в Россию, я прошла этим подземным переходом. С одной стороны дворец был окружен озерами парка, с другой — искусственно прорытым рвом с перекидными мостами. Перед парадным входом во дворец со стороны плаца располагался памятник Государю Императору Павлу I. Дворец состоял из двух колоссальных корпусов — Арсенального и Кухонного каре с большими внутренними дворами, соединенными вместе с основным центральным корпусом — узким большим полукругом с галереями внутри. На крыше по бокам главного корпуса было две пятиугольных башни — Часовая и Сигнальная. Во дворце была своя Троицкая церковь, среди убранства которой находились многие раритеты: образ Спаса Нерукотворного, которым Государыня Екатерина II благословила тогда еще Наследника Цесаревича, будущего Императора Павла I на первый брак, и известная икона Пресвятой Троицы, письма царского изографа Симона Ушакова. В этой же церкви позднее, в 1901 году, Великая Княжна Ольга обвенчалась с принцем П.А. Ольденбургским.

При переезде в Гатчину Император Александр III многое сделал для благоустройства помещений здания. Дворец был электрифицирован и телефонизирован, были заменены водопровод и канализация, проведено калориферное отопление вме-

сто печного. Причем во все работы по благоустройству дворца Император вникал сам, с присущими ему консерватизмом и бережливостью.

«Светская жизнь» при Императоре Александре III протекала в Арсенальном зале Гатчинского дворца, который был похож на старинную английскую дачу, наполненную мебелью, играми и игрушками. Зал по всему периметру был украшен чучелами зверей и птиц с табличками об охотнике, месте и дате выстрела; кроме звериных рогов и чучел для детей здесь была масса интересных вещей: большой магнит, привезенный из демидовских рудников Сибири в XVIII веке, макет парусника, детская деревянная горка для катания на саночках, качели в виде огромной лодки, орган, бильярд и в глубине большого зала — малая сцена для домашних спектаклей.

Леди Рандольф Черчилль, посетившая Россию в 1889 году, вспоминала: «В этом зале Их Величества часто обедают, даже с гостями, и там же проводят вечер. Они живут с большой простотой, в небольших комнатах, что составляет резкий контраст с величавой фигурой Царя и его величественной осанкой. Манеры Его Величества так же просты, как и вкусы» (Император Александр III. Тип. В.П. Мещерского, 1895). Леди Черчилль удивили странные обычаи при русском дворе, трудно согласующиеся с идеей о самодержавном правителе: «Видеть царя стоящим во время ужина и разговаривающим с молодым офицером, остающимся сидеть за столом, — это просто пугает...» Здесь же, в Арсенальном зале, дарили друг

другу подарки накануне дней рождения, за вечерним чаем в домашней обстановке. Дети радовались этим знакам внимания, подробно описывая подарки в дневниках. Дарили различные вещи: например, на пятидесятилетие Ольгин брат Михаил получил: велосипед, маленький фотоаппарат, воздушное ружье, лук, нож, чашку для кофе и даже сушеные цветы. Достигшим определенного возраста за праздничным обедом разрешалось есть определенные блюда (например, пирожки и огурцы), что вызывало зависть младших.

Детство Княжны Ольги, хотя и протекало в Императорских Дворцах, было подчинено строжайшей дисциплине и размеренному порядку. Рассказано много сказочных историй о роскоши быта Династии Романовых. Несомненно, среди монархий Запада и Востока Русский Императорский Двор был самым блестящим на исходе XIX столетия, но великолепие парадных Императорских залов дворца не достигало детских и жилых комнат. Царские дети спали на жестких кроватях с твердой плоской подушкой и очень тонким матрасом. Скромный ковер покрывал пол. Стулья с прямыми спинками и плетеными сиденьями, самые обычные столы и этажерки для книг и игрушек составляли всю обстановку. Единственная богатая деталь в красном углу: серебряный оклад иконы Пресвятой Богородицы, унизанный жемчугом и другими драгоценными камнями. Августейшей Бабушкой, супругой Императора Александра II, были введены английские обычаи: по утрам обяза-

тельные холодные ванны, овсяная каша на завтрак и неизменная прогулка на свежем воздухе.

На время пребывания в Гатчине приходились большие праздники: Рождество, Вербное воскресенье и Пасха. После Пасхи в «Большом театре» (Гатчинского дворца) давали театральные представления. Гости приглашались по списку, до 260 человек, что соответствовало ведомости дворцового театра. Чаще всего русская и французская труппы давали комедийные спектакли, иногда «классику», например «Мертвые души» Н.В. Гоголя. Иногда детские спектакли готовили сами дети: так в один из театральных сезонов 2 пьесы на французском и немецком языках исполнили Михаил, Ольга, «Владимировичи», два сына графа Воронцова-Дашкова и два сына егермейстера графа Шереметьева. К спектаклю приглашались офицеры конвоя и Гвардейского батальона, духовник Царской Семьи, воспитатели детей и лица, обслуживавшие дворец. Царь — самый занятый человек в своей Империи, всегда в государственных делах и заботах, строгий с придворными, в отношениях с близкими он проявился как нежный супруг, заботливый и любящий отец. Он играл с детьми в снежки, учил пилить дрова, помогал лепить снеговиков: «катать снежного болвана». «Летом отец учил нас [с Михаилом] читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и папа учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми

дорогими для нас уроками», — вспоминала позже Великая Княгиня Ольга Александровна.

Комнаты Великой Княжны Ольги Александровны в Гатчине располагались рядом с рабочим кабинетом Отца-Императора. Часто после завтрака она приходила в кабинет Отца. Но однажды маленькая Княжна забрела в кабинет раньше положенного времени и, заслышав шаги Матери-Императрицы, забралась под стол и сидела там очень тихо вместе с большой овчаркой Камчаткой до тех пор, пока Ее родители не закончили завтрак.

Великая Княжна Ольга в семье навсегда осталась младшей, или «Бэби». В письме к жене Александр III писал:

«Сегодня завтракали с Мишей и Бэби втроем, а потом они были у меня в кабинете и смотрели картинки. Это такая радость и утешение иметь их при себе, и они так милы со мной и вовсе мне не мешают».

В ответ Императрица Мария Феодоровна писала мужу:

«Слава Богу, что двое младших детей приносят тебе радость и утешение. У них более радостные характеры, более открытые. Они имеют дар уметь показывать свои чувства, не стесняясь. А это большое счастье и для них самих, и для других!»

Великая Княжна Ольга была единственным ребенком в детских покоях дворца. Но это не означало для нее одинокого детства. Ее брат Великий

Князь Михаил, «Мишкин», как его ласково называли, или «милый шалунишка», был старше всего на четыре года, именно он был лучшим другом по детским играм. Два старших брата, Наследник Цесаревич Николай и Великий Князь Георгий, и сестра Великая Княжна Ксения постоянно бывали в детской и даже задерживались там так долго, что приходилось вмешиваться англичанке миссис Франклин, няне младшей Великой Княжны.

В галереях дворца хранились замечательные коллекции произведений искусств со всего мира. В Китайской галерее были выставлены бесценные образцы японского и китайского фарфора и собрание восточных самоцветов, благоприобретенных Августейшими предками. Чесменская галерея служила напоминанием о великой морской победе над турками в Чесменской бухте в 1768 году. Ее стены были украшены огромными картинами, изображающими различные эпизоды славной морской баталии. Царские дети любили проводить свой досуг среди этих уникальных коллекций, особенно в пасмурные дни.

«Как же нам было весело там! — рассказывала много позже сыну Великая Княгиня Ольга. — Китайская галерея была идеальна для прятков! Мы укрывались от конующего за огромными китайскими вазами. Там их было так много, некоторые в два раза больше меня. Вероятно, их стоимость была огромна, но мы шалили подле них без всякой опаски. Впрочем, не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас разбил хоть одну из этих уникальных ваз».

В комнатах Арсенального каре дворца проводились учебные занятия детей. Уроки проходили с утра и после дневной прогулки. Помимо математики, ботаники, истории, географии и иностранных языков занимались музыкой, танцами и гимнастикой.

Очень рано у Великой Княжны Ольги Александровны начал проявляться талант художницы.

«Даже во время уроков географии и арифметики мне разрешалось сидеть с карандашом в руке, потому что я лучше слушала, когда рисовала кукурузу или дикие цветы».

В своем дневнике она писала:

«Сегодня утром я занималась, пошла к Мама, а затем у меня было 2 урока по живописи маслом, так как у моего учителя истории летние каникулы. Я почти закончила свою картину. Мой учитель рисования сегодня тоже уезжает на лето, но я буду рисовать самостоятельно...»

Свободное время дети проводили с пользой: мастерили кукол для своего театра, шили им костюмы, столярничали, клеили солдатиков и составляли военные баталии («осада Плевны»). Михаил также упражнялся в стрельбе из окна по галкам и воронам, но, помимо этих чисто мужских занятий, часто играл с сестрами в куклы, пятнашки, в «воланы». Дети катались по огромному дворцу на велосипедах, играли в Арсенале на бильярде, показывали друг другу картины в «волшебном фона-

ре», музицировали с Императрицей-Матерью Марией Феодоровной в четыре руки на фортепьяно. Летом выезжали на озера, ловили рыбу удочкой и неводом, катались на велосипедах, охотились, ездили на пикники в колясках и верхом. Все дети, но особенно младшие, покидали Гатчину с сожалением.

«Беби (Ольга) в постели, у нее небольшой кашель, в 3½ ч. мы с нею простились и поехали в ужасный город», —

сокрушался в своем дневнике Великий Князь Михаил, уезжая в Аничков дворец.

Тихон Николаевич любил пересказывать мне со слов Матери такую историю:

«Отец был для меня всем. Даже совершенно поглощенный делами, Он всегда утром уделял мне полчаса внимания. При этом я была совершенно поражена количеством работы, которую Отец выполнял каждый день. Когда я выросла, мои утренние привилегии увеличились. Помню день, когда Отец разрешил мне запечатать один из больших конвертов, из числа многих, которые высокой стопой лежали на Его столе. Сама государева печать была тяжелой. Она была сделана из горного хрусталя и оправлена золотом. Какую гордость и восхищение я чувствовала тем утром! Убеждена, труды Царя самые тяжелые на свете. Кроме аудиенций и дворцовых церемоний Отец каждый день имел дело со множеством бумаг. Это были проекты законов, манифестов, указов и доклады, которые Он вынужден был прочи-

тать, обдумать и наложить соответствующую резолюцию. Были редкие случаи, когда Отец отпирал особый ящик в Своем столе и с глазами, полными искреннего волнения, Он показывал нам Свои "сокровища". Это была коллекция миниатюрных животных, сделанных из фарфора и стекла. А однажды Отец показал мне очень старый альбом, полный захватывающих и забавных рисованных историй, исполненных пером и чернилами, которые повествовали о воображаемом городе Мопсополисе, населенном сказочными существами — мопсами. Он показал мне это по секрету. Я крайне польщена тем, что Он поделился со мной секретами Своего детства.

Альбом с рисунками, изображающими Мопсополь, представлял собой совместное произведение Александра III и его старшего брата Николая. У жителей города были лица, похожие на морды мопсов. Оба Великих князя нашли в себе, очевидно, достаточно вкуса, чтобы не сделать свою сатиру слишком уж очевидной, и предпочли вместо бульдогов изобразить мопсов. Рисунки относятся к 1856 году, когда Александру III, тогда еще Великому Князю, было одиннадцать лет, и когда все русские были ожесточены против Великобритании и Франции, затеявших Крымскую войну.

В 1894 году на руках святого праведного Иоанна Кронштадтского почил в Бозе Государь Император Александр III — Царь-Миротворец. Великая Княжна Ольга Александровна обожала Своего Отца — мощного, уверенного, повелительного, а в семейном кругу — веселого, ласкового и такого уютного. Потеря обожаемого Отца была для 12-летней

девочки первым и жестоким ударом судьбы. А в жизни Ее ожидало еще много тяжелого.

С самого детства Великая Княжна питала любовь к простым русским людям — солдатам и матросам, несшим службу во Дворцах и на императорских яхтах. Позже в своем имении Ольгино в Воронежской губернии Она видела вблизи жизнь народа с его радостями и нуждами. Там Великая Княгиня поддерживала деньгами и прочими вкладами сельскую школу и часто навещала созданный Ее попечением деревенский госпиталь. У местного доктора она училась врачеванию и приемам опеки над больными. Столичная жизнь, балы и приемы Ее не интересовали. Душа ее была открыта красоте природы и смыслу народного бытия. С детства Она была увлечена живописью, и это осталось с Нею на всю жизнь, куда бы Ее ни забрасывала судьба.

Великая Княжна Ольга Александровна лично покровительствовала и шефствовала над множеством Богоугодных учреждений и организаций. В основном Она благодетельствовала детским домам, больницам, богадельням, женским курсам. Большую помощь оказывала неимущим талантливым художникам. Многие русские люди, оказавшись в бедственном положении, обращались к Ней лично. Она старалась помочь каждому нуждающемуся, насколько хватало Ее личных сил и средств.

Выдающимся событием, как для Царской Семьи, так и для Великой Княгини Ольги Александ-

ровны, навсегда оставившим неизгладимый след в ее сердце, стало прославление в 1903 году великого Угодника Божьего — преподобного Серафима Саровского.

В августе 2003 года прошли грандиозные церковно-государственные торжества, посвященные 100-летию прославления преподобного Серафима Саровского, в которых я приняла участие по приглашению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия Второго. Из дома, из Канады, я привезла в Россию два экземпляра редчайшей книги об Угоднике Божиим, написанной Анатолием Тимофиевичем и изданной к 50-летию прославления святого попечением сестер основанного в 1949 году в США Ново-Дивеевского Успенского женского монастыря. Один экземпляр книги предназначался для Святейшего Патриарха, а другой — во дни торжеств я преподнесла настоятельнице Серафимо-Дивеевского монастыря игуменье Сергии (Конковой). Помимо многих своих достоинств эта книга примечательна тем, что в ней содержится уникальный рассказ Великой Княгини Ольги Александровны о праздновании 1903 года. Свидетельство члена Императорской Фамилии, так любившей преподобного и приложившей много сил для его прославления, для нас бесценно. Прежде оно не было известно на родине. Чудо его обретения и возвращения в Россию — одно из многих чудес, совершаемых по молитвам великого Угодника Божьего и «служки Богородицы» Серафима Саровского.

Вот что вспоминала Царственная Паломница много позже, уже на чужбине, о тех незабываемых днях:

«Царский поезд остановился где-то в поле, не доезжая до города Арзамаса, виднеющегося слева вдали. Рассевшись по коляскам по два человека, тронулись в путь по пыльной черноземной дороге. Пыль стояла густая всю дорогу почти до леса, там же началась песчаная дорога. Чудный лес и тень показалась нам после зноя раем. Приближалась цель Нашей поездки, и с ней росло нетерпение увидеть Саров. Вдруг на повороте перед глазами раскрылся чудный вид монастыря, блиставшего своими золотыми крестами над церквями, стенами вокруг него и воротами. Толпы богомольцев, тянувшиеся, как и мы, туда же.

Торжество перенесения мощей и положения в новую раку не стану описывать, так как много уже было написано и рассказано тогда об этом.

Помню, какое великое на Меня впечатление произвела толпа богомольцев, но об этом я расскажу дальше.

Вспоминаю, что произошло в соборе в этот день. Недалеко от Меня на коленях молилась усердно со слезами одна женщина, придерживая девочку свою лет семи. Девочке было скучно, и она капризничала, а мать так молилась, прося угодника Божия что-то... Служба продолжалась долго, около четырех часов, но никто не уставал, все были в приподнятом состоянии. Вдруг раздался крик девочки: «Мама, мама!», — а мать, обливаясь слезами, обнимала и целовала дочку. Оказалось, девочка была немая, и эти слова были ее первыми словами. Это произвело сильное впечатление на присутствующих.

Наш русский народ со всех краев России стекался в эти дни в Саров, как и при жизни батюшки отца Серафима, когда он сам всех принимал, и каждому находил слова утешения и поддержки. Никто от него не уходил, не получив доброго совета и духовной помощи.

Тысячная толпа спала на лугу под открытым небом внизу под горой у реки. Ночью горели костры, по прозрачному ночному воздуху доносилось пение молитв, на темном небе горели звезды и светила луна. Мирно и чудесно.

Днем и ночью непрерывно двигалась к собору густая толпа богомольцев. Каких только калек они с собой не вели, несли и тащили в самодельных тележках. Какая великая вера двигала всех этих людей! Один крестьянин из Архангельска, на руках влача свои парализованные ноги за собой, шел один без посторонней помощи.

Одни родители везли в тележке "огромную" голову", тело было крошечное, беспомощно болтались ручки и ножки. "Голове" было уже 30 лет, а тело было как у ребенка 5-ти лет. Шли сухие, слепые, хромые, все шли тихо и чинно, и между ними попадались кликуши. Чем ближе к храму, тем труднее было справиться с ними. С усилием их втаскивали по ступенькам вверх; 4 человека не справлялось с одной, начинались дикие крики. Наконец, попавши в собор и там приложившись, крики стихали, и мучавший их дух отходил по молитвам сопровождающих их родных.

Ходили мы и пешком в ближнюю и дальнюю Пустыньки, прикладывались к небольшому плоскому камню, на котором молился некогда Батюшка 1000 дней. В Пустыньке висели еще его рубаха, то-

пор и другие предметы, принадлежавшие Преподобному. Везде чувствовалась его близость.

Утром, по пути туда, встретились богомольцы, возле реки. Помню, что один молодой парень, поддерживаемый своею матерью, висел как-то на руках, поджав ноги под себя на ветке, и глядел оттуда над головами толпы на Государя. Возвращались мимо того же места. Теперь мать и сын были центром взволнованной толпы богомольцев. Кто-то говорил: "Чудо, чудо случилось!" Крестьянка в радостных слезах рассказывала, как она пошла на источник, зачерпнула воды в свой маленький чайник и стала поливать у сына колени и ноги, и вот его изогнутые ноги стали выпрямляться, он стал на ноги и теперь может хорошо стоять и ходить. Мы все вместе с этой матерью порадовались ее великой радости и счастьем быть свидетелями Божественной помощи.

Перед отъездом удалось приобщиться, а накануне вечером и исповедаться в самой келье Батюшки у старца схимонаха (не помню имени). У Меня было чувство, что он видит Мою душу насквозь, и страх Меня разбирал, а он так ласково и трогательно со Мной говорил, что стало легко и радостно.

В один из последних вечеров Императрица Александра Феодоровна, Ея Сестра В.К. Елисавета Феодоровна захотели выкупаться в источнике, позвали и Меня с Собой. Был такой теплый вечер, и было почти светло, так как луна освещала тропу. С левой ее стороны темнела опушка леса, а с правой стороны речка, вдоль которой мы шли, журчала и кое-где блистала в лучах луны. Вода источника была до такой степени холодная, что как бы обжигала тело, будто кипятки, зато потом оставалось приятное чувство бодрости.

Уезжать не хотелось, и Мы с грустью покинули после пятидневного пребывания чудный Саров. Это святое место унесло с собой незабываемые воспоминания».

Побывав на юбилейных торжествах в честь 100-летия прославления преподобного Серафима, полностью разделяю чувства Великой Княгини Ольги Александровны. Действительно, «чудный Саров» забыть невозможно. Поэтому сделаю здесь краткое отступление об этом грандиозном событии, рассказав о нем не по официальным источникам, а перелистывая страницы своего дневника и делая выдержки из записей тех дней «по горячим следам».

«Вторник, 29 июля 2003 года

Рано утром выехали из Москвы в Дивеево, на празднество преподобного Серафима.

Было очень и очень жарко. По приезде, освежившись, пошли к 17 часам в Дивеевский монастырь к храму Святой Троицы, в котором стояли сени с опустевшей ракой, т.к. мощи преподобного Серафима были перенесены крестным ходом в Саров ранним утром для поклонения и завтрашнего освящения храма святого Серафима Саровского. Потом пошли в Преображенский храм, перед которым устанавливали походный алтарь и временные сени для мощей преподобного Серафима после возвращения их из Сарова. Работа кипела во всем монастыре — кто выкладывал плиткой для мощения площадь, кто подметал, кто колотил молотком, кто поливал цветы. Все это готовилось для торжественной службы

в день столетия самой канонизации преподобного Серафима Саровского — 1 августа 2003 года.

Потом направились к служебным корпусам, чтобы встретиться с игуменией Сергией, настоятельницей монастыря. Служебные монастырские корпуса находятся по бокам высокой колокольни, уравнивая и укрепляя ее, поскольку сама башня огромной колокольни наклонена под углом к земле, как Пизанская. Игуменья Сергии не оказалось на месте, нас встретила матушка Ольга. В разговоре с ней выяснилось, что в недавнем постриге в «царские дни» четверо монахинь получили имена в честь царевен — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Впоследствии матушку Ольгу настоятельница монастыря благословила быть нашим ангелом-хранителем в Серафимо-Дивеевской обители.

Посетили монастырское кладбище, где покоятся многие игуменья и старицы монастыря, в том числе и преподобная Пашенька (Босоножка).

Позднее заехали на ближний к монастырю источник, который восстановили. Пили ключевую воду. В окружении села Дивеево были раскинута три огромных палаточных лагеря на пять тысяч паломников каждый.

Среда, 30 июля 2003 года

Просыпаться было превесело и живописно: будильник не обязателен — пели петухи, прогоняли стадо красивых и шумных коз и коров. К 7 часам надо было успеть на автобус, переполненный архиереями.

Сам город Саров содержится в хорошем состоянии, мы увидели современные постройки в чистом городе. Население города примерно 90 тысяч человек. Примечательно, что за одни сутки пребывания там мощей преподобного Серафима было огромное

количество людей, приложившихся к мощам в Саровском соборе — более четырех с половиной тысяч человек. Для такого «ученого» города — это огромная цифра, которая заставляет задуматься о многом и вселяет надежды.

Храм в Сарове был вновь расписан фресками, ибо прежде, в советские времена, его использовали как театр. Справа от входа под сенью находится восстановленная келия преподобного Серафима Саровского, его епитрахиль и личные вещи. Потом подошли к открытой раке преподобного. Душевные переживания и эмоции были настолько сильны, что слезы удерживала с трудом. Со страхом Божиим трепетно приложилась к многоцелебным мощам преподобного Серафима Саровского и приложила иконку, которая была у меня на шее. Иконка двухсторонняя, на одной стороне изображен преподобный Серафим Саровский, на другой — икона Божией Матери «Умиление» или «Всех Радостей Радость». Потом пошли на левую сторону храма, где у солеи стояла большая группа игумений — настоятельница женских монастырей России и зарубежья. Среди них была и матушка из Иерусалима. В общей сложности приглашенных было около 250 человек. Духовенства (с иностранными гостями) было намного больше.

Прибыл Святейший Патриарх Алексий II. После облачения его, началось освящение вновь воссозданного собора — первого в России храма, посвященного Серафиму Саровскому. Затем началась литургия — служба была торжественно-чинной и пролетела на едином дыхании. Затем Святейший Патриарх сказал очень хорошую проповедь и поздравил всех присутствующих с обретением такого великолепно-го храма. Сослужил Патриарху Московскому и всея Руси Алексию Сербский Патриарх Павел.

После службы и торжественной трапезы съездили по святым местам Сарова: в ближнюю пустыньку, где отслужили молебен и сфотографировались у памятника преподобного Серафима, молящегося на камне.

По возвращении пришла матушка Ольга и предложила показать Дивеевский монастырь. Опять посетили храмы, на сей раз с подробными объяснениями. В Преображенском соборе матушка Ольга показала нам уникальный список иконы, на которой изображены вместе Святой Государь Николай II и преподобный Серафим Саровский. Потом с богородичной молитвой пошли по канавке, 120 раз прочтя "Богородице, Дево, радуйся...". Канавку продолжали благоустраивать, засевая травой. При спуске с канавки растет огромная лиственница, связанная, по преданию, с именем цесаревича Алексея. Посетили настоятельницу игумению Сергию, — передали ей подарки и взамен получили от нее другие подарки с сухариками от преподобного батюшки Серафима.

Четверг, 31 июля 2003 года

Торжественный молебен в присутствии Президента России В.В. Путина отслужил Святейший Патриарх Алексий II и Сербский Патриарх Павел. Крестным ходом мощи преподобного Серафима вынесли на украшенную площадь для богослужения и дальнейшего шествия крестным ходом в двадцать километров из Сарова в Дивеево.

После окончания службы и праздничного обеда фотографировались на память со многими гостями и отправились обратно в Дивеево. Но сначала наш автобус направился на святой источник, который находится в окрестностях дальней пустыньки преподобного Серафима. Это очень живописное место. Там

построена купальня, вода в источнике обладает чудодейственной силой, и ее температура круглый год не превышает +4 °С. Мы испили воды, многие архиереи и гости искупались в этом святом источнике.

Этим же вечером крестный ход с мощами преподобного Серафима вернулся из Сарова в Дивеево, преодолев расстояние в двадцать километров. В этом грандиозном шествии приняло участие около восьми тысяч молящихся, было задействовано 100 пар хоругвей и 100 пар духовенства Нижегородской епархии.

К 18 часам мы отправились на всенощное бдение в Троицкий собор Дивеевского монастыря. Служил Патриарх Алексий II, было огромное количество молящихся и много иностранных гостей. Около 20 часов в храм внесли мощи преподобного Серафима и торжественно вернули их на прежнее место — под сень в красиво украшенную раку. Удивительно, но именно в этот момент лик на иконе преподобного Серафима, во втором ряду храмового иконостаса, озарился ярким солнечным лучом, и это нам даже удалось сфотографировать. Все присутствовавшие на службе приложились к мощам Серафима Саровского, затем состоялось елеопомазание Святейшим Патриархом Алексием II. Я успела обменяться со Святейшим приветствиями и справилась о его здоровье. После окончания торжественной вечерни мы вернулись в гостиницу.

Пятница, 1 августа 2003 года

Это главный день торжеств. Именно 100 лет назад, первого августа 1903 года, в присутствии Царской Семьи был торжественно причислен к лику святых преподобный Серафим Саровский. Тогда тысячи верующих со всей России съехались в Дивеево.

Ранним утром 1 августа 2003 года тысячи людей занимали лучшие места для того, чтобы увидеть ретрансляцию праздничного Богослужения, которое должен был провести Патриарх Алексий II прямо на соборной площади Дивеевского монастыря. Пройдя по пригласительным билетам за ограду монастыря, мы опять приложились к мощам Преподобного батюшки Серафима, которые теперь были помещены под золоченой резной походной сенью неподалеку от входа в Дивеевский Преображенский собор. Рядом был сооружен импровизированный алтарь — прямо на площади под открытым небом, где вскоре началось праздничное Богослужение. Огромное количество иерархов со всех уголков земли принимали участие в этой службе. Гости читали часть евхаристии на родном им языке, отчего литургия оказалась особенно торжественной.

После причащения верующих (общая чаша была огромной) было снято оцепление, и тысячи верующих устремились на главную площадь Серафимо-Дивеевского монастыря. Люди прикладывались к мощам преподобного Серафима Саровского, находившимся прямо на площади, под походной сенью у входа в Преображенский собор. Затем Святые мощи Старца перенесли обратно в Троицкий собор. Людской поток к Святыне не прекращался и утром следующего дня. До обеда оставался приблизительно час, и на площади ко мне стали подходить знакомые и незнакомые люди из Екатеринбурга, Нижнего Тагила, Петербурга, Пскова, из Верхотурья и самых разных уголков страны и ближнего Зарубежья для беседы и приветствия.

В 14 часов состоялся праздничный прием в Трапезном храме в честь святого благоверного князя Александра Невского. Прием был грандиозный!

Этот огромный (внутри с колоннами по периметру) и удивительно красивый Трапезный храм расписан фресками по всему объему, на его стенах — иконы, шитые бисером и цветными камнями. Перед алтарем на аналое украшенная цветами икона Серафима Саровского. Столы стояли в несколько рядов вдоль стен храма. Гостеприимные дивеевские монахини только в этом Трапезном храме накормили восемьсот человек гостей!

После обеда священство пошло фотографироваться на площадь, а меня обступили монахини монастыря, прислуживавшие при трапезе, с просьбой сфотографироваться с ними на память. Здесь архимандрит Тихон, бывший настоятель Верхотурского монастыря, нас во многом выручил... Выйдя из монастыря, мы попрощались с гостеприимными Серафимо-Дивеевскими сестрами и возвратились в гостиницу.

Суббота, 2 августа 2003 года

В 6.30 утра были уже в Дивеевском монастыре. Матушка Ольга нас встретила. Посетили могилу Николая Александровича Мотовилова, зашли в восстанавливающийся храм Рождества Богородицы. Приложились к мощам основательницы монастыря и первой его игуменьи — матушки Александры.

На центральной дорожке, ведущей к Троицкому храму, встретили игуменью Сергию. Сфотографировались на память и взяли благословение на дорогу. Обратная дорога была удачной, и к вечеру возвратились в Москву».

Однако вернемся к рассказу о дальнейшей судьбе Великой Княгини Ольги Александровны. Первый ее брак с Принцем Петром Ольденбургским

был неудачен. Брак не повлек за собою рождения семьи с радостями материнства и домашнего уюта. Как-то, будучи на параде в Павловске, Великая Княгиня повстречалась с Николаем Александровичем Куликовским, офицером, служившим в Лейб-гвардии кирасирском Ея Величества полку — «синих» или «гатчинских» кирасир. Эта встреча оказалась «любовью с первого взгляда». Великая Княгиня, будучи очень прямолинейным человеком, жизненный девиз которой можно было определить словами «Быть, а не казаться», сразу попросила развод с намерением выйти замуж за молодого офицера.

Государь же решил, что Она еще молода, жизни не знает, и что это, вероятно, лишь временное увлечение, и предложил Ей подождать семь лет. Ее старший Брат Государь Николай Александрович, которого Она горячо любила, был для Нее одновременно Императором и Августейшим Покровителем. Она безропотно подчинилась Его решению, смирившись терпеливо ждать семь долгих лет.

Мало известен тот факт, что вся Императорская Семья Романовых, кроме трат значительных сумм, предназначавшихся на благотворительные цели, полностью оплачивала обучение детей своих слуг. Великая Княгиня Ольга Александровна рассказывала сыну:

«У меня было около семидесяти человек прислуги в Санкт-Петербурге. Конечно, это считалось довольно-таки скромно для сестры Императора. Но

у каждого из них было много детей, и все они хотели, чтобы их сыновья учились на докторов или инженеров. Можете представить, какие были на это затраты! Но я не возражала против такого расходования моего личного бюджета. По крайней мере, это приносило пользу».

Ее желание помочь нуждающимся было безгранично. Но иногда попадались и непорядочные попрошайки, а Великая Княгиня Ольга Александровна из-за Своей доверчивости попадала в неловкие ситуации. Спустя годы Она вспоминала разные подобные случаи, один из которых получил широкую огласку.

Князь Дадияни вечно попадал в житейские переплеты. Чтобы выбраться из очередного из них, он стащил несколько ценных картин из частной галереи и принес их во дворец Великой Княгини Ольги Александровны, умоляя Ее уговорить Брата-Государя купить их для Эрмитажа. Он утверждал, что эти полотна — его семейная реликвия и что ему невыносимо с ними расставаться, но выбора у него нет... Ольге Александровне понравились картины, и она даже уговорила Брата их купить. Но полиция, куда обратился обворованный владелец, выследила похитителя и положила конец басне о семейных ценностях князя Дадияни. Скандал был чудовищный. Слава Богу, проходимца сразу же уволили с Царской службы.

«И наоборот, — рассказывала Великая Княгиня, — те, кого тогда принято было называть «нижними чи-

нами”, хранили честь и никогда не попрошайничали. За все годы только однажды, после окончания Царской службы, один моряк перед возвращением домой на Каспийское море попросил меня помочь купить ему рыболовную сеть. Я дала ему денег, и он потом вернул мне все до копейки. Не князья, подобные Дадиани, а такие “нижние чины” были для меня самыми благородными людьми России. Их душевное благородство проистекало из сердца. Они относились ко мне не только как к Великой Княгине и любили меня не ради моего кошелька».

Уже с 1901 года Великая Княгиня стала шефом славного 12-го гусарского Ахтырского полка, единственного в Российской Армии, получившего от Императора Александра I, победителя Наполеона, на знаменитом параде союзников под Парижем в 1814 году право на вечные времена носить свои коричневые доломаны (гусарские мундиры), в которых они прославились в кампании 1813 года.

Полк был расквартирован в Меджибуше со штабом, расположенным в старой турецкой крепости. Летом 1914 года этот армейский полк прибыл на смотр Государя в Царское Село, где блестяще показал себя Императору и прямо оттуда, не заходя к себе в Меджибуш, ушел на фронт, так как в это время внезапно грянула Первая Мировая война. Николай Александрович Куликовский добровольно вступил в ряды Ахтырского полка и с ним ушел на Юго-Западный Фронт. А Великая Княгиня, у которой был известный медицинский опыт еще со времени Ее пребывания в Ольгино,

пошла простой сестрой милосердия на тот же участок фронта, в район города Проскурова (ныне — Хмельницк). Только после того, как Великая Княгиня приобрела операционный опыт, Она стала начальницей госпиталя, который оборудовала на Свои личные средства. Все это было в согласии с Ее девизом: «Быть, а не казаться!»

Скромность Великой Княгини Ольги Александровны была просто невероятна для женщины Ее положения. Вот эпизод из Ее жизни на фронте. Однажды Великая Княгиня посетила Свой полк и, обходя окопы, оказалась под австрийским артиллерийским обстрелом. В те рыцарские времена от сестер милосердия не требовалось быть так близко к линии боев, и Великую Княгиню за проявленную храбрость наградили Георгиевской медалью, которую Ей вручил тогдашний начальник 12-ой кавалерийской дивизии, генерал, барон Карл Густав Маннергейм (впоследствии президент Финляндии). Великая Княгиня считала, что Она ничего героического не сделала, и сразу на вручении положила медаль в карман своей кожаной куртки. Лишь по мольбам офицеров Своего полка, уверявших Ее, что награждая Шефа полка, награждают и весь полк, Она надела медаль Себе на грудь.

Прошло уже более семи лет с тех пор, как Великая Княгиня Ольга Александровна просила о разводе, и все это время Она терпеливо ждала, будучи уверена, что старший Брат не забудет Ее просьбу. Наконец пришло извещение от Государя об аннулировании Ее брака с Принцем Петром Ольден-

бургским. Госпиталь Великой Княгини тогда находился в Киеве, где проживала и Ее Мать, Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

4-го ноября 1916 года в госпитальной церкви Великая Княгиня Ольга Александровна обвенчалась с любимым Ею ротмистром Николаем Александровичем Куликовским. На свадьбе присутствовали Ее Мать, Вдовствующая Императрица, и Муж Ее Сестры, Великой Княгини Ксении Александровны — по-домашнему Сандро — Великий Князь Александр Михайлович — будущий крестный отец моего Супруга Тихона Николаевича. На свадьбу были приглашены также офицеры Ахтырского полка и сестры милосердия госпиталя Великой Княгини Ольги Александровны.

Августейшая сестра милосердия Ольга Александровна была так благодарна Богу за свершившееся долгожданное счастье, что дала обет бесстрашно принять все испытания, которые могут встретиться в будущем на Ее жизненном пути. И эти испытания не замедлили настать: грянули февральский, а затем и октябрьский перевороты, ввергнувшие некогда могучую страну в пучину бед и несчастий. Ниже я привожу политическую и историческую оценку тех и предшествующих им событий. Ценность ее состоит, прежде всего, в том, что она принадлежит Тихону Николаевичу.

«РУССКАЯ» РЕВОЛЮЦИЯ

«Революция в России готовилась более ста лет. После победы над Наполеоном побывавшие в Париже дворяне-офицеры принесли с собой идеи француз-

ской революции. Расцвели разные тайные общества, члены коих чувствовали себя отщепенцами от России, от ее истории, ее культуры, ее религии, ее форм правления и ее простого народа. Добиваясь полной власти в стране и перестройки общества по своим теориям, объединенные присягой хранить тайну, они создали как бы государство в государстве, считая себя “избранным народом” в противовес “большому народу”, против которого они и повели наступление. На словах они были идеалисты, но им и в голову не приходило личным порядком освободить хотя бы своих собственных крепостных крестьян.

Первым взрывом этого положения было восстание войск в Петербурге 14-го Декабря 1825 г. (по старому стилю), вошедшее в историю как “бунт декабристов”.

В планы заговорщиков уже тогда входила мысль даже о поголовном истреблении (annihilation) Царственного Дома... Правда, не все на это были согласны. Некоторые спорили — не пощадить ли женщин и детей? Вообще планы были кровожадные, но довольно расплывчатые. Состоять в тайных политических кружках было очень модно. Сам Пушкин, со своим пылким характером, был близок к членам тайных обществ и до какой-то отметки им сочувствовал. Однако за ними далеко не пошел. Как историк Пугачевского бунта, он ясно сознавал весь ужас такого предприятия. Как он написал в “Капитанской дочке”: “Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный”.

При расследовании дел декабристов попал под подозрение и другой русский поэт, лихой генерал Денис Давыдов, лично друживший со многими из них, но, будучи настоящим патриотом, никогда не желавший включиться в их разрушительную деятель-

ность. Было так: незадолго до событий 14-го декабря его двоюродный брат зашел к нему и оставил записку, которой приглашал гусара-поэта вступить в тайное общество "Tugendbund", на что Денис тут же приписал в ответ: "Что ты мне толкуешь о немецком бунте? — укажи мне на русский бунт, и я пойду его усмирять". Эта записка-каламбур при разбирательстве "дела декабристов" разсмешила Царя и освободила Дениса Давыдова от всякого подозрения в причастности к революционерам.

После подавления бунта виновные были наказаны. Революция ушла в подполье. Ее "факел" теперь переходит в руки "нигилистов" — озлобленных на свою судьбу жизненных уродов, отрицающих вообще все. Начинаются террористические акты, убийства из-за угла, кульминацией которых стало убийство либеральнейшего Императора, Царя-Освободителя Александра II...

После всего 13-ти лет (1881-1894) мудрого, благоденственного и мирного царствования Александра III революционеры получают свой шанс благодаря неудачной войне с Японией (1904-1905), войне, имеющей столь много параллелей с еще более неудачной войной Соединенных Штатов Америки во Вьетнаме — войной далекой, непопулярной и с выступлениями протестующих антипатриотических и антигосударственных сил дома (on the home front).

Но еще крепок был русский народ в своих недрах: И "революция 1905-го года" была подавлена. Однако ее последствием было основание Думы — "русского парламента", долженствовавшего быть органом совещательным в помощь Государю и Его министрам. Но, к сожалению, с места в карьер революционный дух проник в Думу. Ее выборные делегаты пошли против правительства; произносили за-

жигательные речи и воображали себя в ролях “героев” французской революции... А когда тяжелая Великая Война (1914–1917) затянулась, тогда они вместе с левой печатью бесстыдно распространяли ложные слухи и обвинения, всюду ища “измену” или “полную негодность” правительства и самого Государя!

В действительности же после того, как Государь взял на себя ведение войной, за полтора года положение на фронте значительно улучшилось, и к лету 1917-го года намечалось большое, общее для всех Союзников, наступление на уже трещавшие по всем швам “Центральные Державы”.

Черчилль (бывший в момент революции английским военным министром) в своей книге о мировой войне пишет:

“Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже видна. Она уже претерпела бурю, когда все обрушилось. Все жертвы были уже принесены, вся работа завершена. Отчаяние и измена захватили власть, когда задача была уже выполнена. Долгие отступления окончились; снаряженный голод побежден; вооружение притекало широким потоком; более сильная, более многочисленная, лучше снабженная армия сторожила огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми. Алексеев руководил армией и Колчак — флотом. Кроме того, никаких трудных действий больше не требовалось: оставаться на посту; тяжелым грузом давить на широко растянувшиеся германские линии; удерживать, не проявляя особой активности, слабеющие силы противника на своем фронте; иными словами — держаться; вот все, что стояло между Россией и плодами общей победы.

...В марте Царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна.

Согласно поверхностной моде нашего времени, Царский строй принято трактовать, как слепую, прогневшую, ни на что не способную тиранию. Но разбор тридцати месяцев войны с Германией и Австрией должен бы исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по бедствиям, которые она пережила, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна.

В управлении государствами, когда творятся великие события, вождь нации, кто бы он ни был, осуждается за неудачи и прославляется за успехи. Дело не в том, кто проделывал работу, кто начерчивал план борьбы; порицание или хвала за исход довлеют тому, на ком авторитет верховной ответственности. Почему отказывать Николаю II-му в этом суровом испытании?.. Бремя последних решений лежало на Нем. На вершине, где события превосходят разумение человека, где все неисповедимо, давать ответы приходилось Ему. Стрелкою компаса был Он. Воевать или не воевать? Наступать или отступать? Идти вправо или влево? Согласиться на демократизацию или держаться твердо? Уйти или устоять? Вот — поля сражений Николая II-го. Почему не воздать Ему за это честь?

Самоотверженный порыв русских армий, спасший Париж в 1914 году; преодоление мучительного безснарядного отступления; медленное восстановление сил; брусиловские победы; вступление России в кампанию 1917 года непобедимой, более сильной, чем когда-либо, разве во всем этом не было Его до-

ли? Несмотря на ошибки большие и страшные, — тот строй, который в нем воплощался, которым Он руководил, которому Своими личными свойствами Он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России”, — делает вывод Чертиль.

Но внутренние и внешние враги России не дали великому Царю довести войну до победного конца. Все силы ада обрушивались на Него и на Его Царицу. Ложь и клевета распространялась уже очень давно и повсюду.

Сплетни и гневные тирады исходили даже из фешенебельного салона Великой Княгини Марии Павловны (урожденной герц. Мекленбургской). А Ея Сын — двоюродный брат Государя — Великий Князь Кирилл Владимирович 1/14-го марта, еще за целый день до вынужденного отречения Императора, разослав другим начальникам войск в Петрограде предложение поступить, так же как и он сам, совершенно игнорируя воинскую присягу и присягу, приносимую членами Царствующего Дома при их совершеннолетию, привел Гвардейский Экипаж, командиром коего он являлся, в распоряжение думских заговорщиков. С красным бантом на груди Вел. Кн., вытянувшись перед Родзянко, произнес: “Честь (!!!) имею явиться Вашему Высокопревосходительству”...

Это было какое-то помешательство, какая-то дьявольская вакханалия. Неудивительно, что 15-го марта, заведенный в ловушку, и оставленный всеми, Император Николай II отрекся от престола. Но несмыслимым, вечным клеймом ложатся на бесноватых изменников слова, записанные Государем в дневник: “Крутом измена, трусость и обман...”

После революции вдовствующая Императрица с обеими Дочерьми и Их Семьями находилась в Крыму, где у Великой Княгини Ольги Александровны 12 (25) Августа 1917 года родился первенец. Он был крещен Тихоном. Великая Княгиня давно, еще живя в своем имении Ольгино в Воронежской губернии, где Святитель Тихон Задонский почитался местным святым, дала обет Богу так поименовать первого сына.

В Крыму все члены Императорской Фамилии жили пленниками и весьма тяготились неизвестностью о судьбе Царской Семьи и Великого Князя Михаила Александровича, питаясь неясными новостями, иногда доходившими до них. Фактически все Августейшие узники были приговорены к смерти. И только междоусобная борьба севастопольских и ялтинских «советов» за «честь» исполнения смертного приговора спасли жизнь всем Романовым, проживавшим в Крыму. Препирательство «советских» властей затянулось до прихода в Крым немцев.

Но уже в ноябре 1918 г. Германия проиграла войну, немцы отхлынули, и в Крым пришли белые, а с ними и союзники. Английский король Георг V прислал за своей Тетей военный корабль «H.M.S. Marlboro». Императрица согласилась эвакуироваться из Крыма при условии, что англичане заберут всех российских граждан, высказавших желание уехать за границу. Это условие было принято и исполнено моряками.

Великая Княгиня Ольга Александровна и Ее супруг Николай Александрович Куликовский отказались в тот момент покинуть Русскую Землю и решили уехать на тогда еще свободную от большевиков Кубань, в станицу Новоминскую, из которой происходил камер-казак Императрицы Марии Феодоровны Тимофей Ксенофонтович Ящик, чтобы жить там арендаторами хутора среди родни этого честного казака.

Тут уместно сказать несколько слов о судьбе этого удивительного человека, поскольку летом 2003 года Господь свел меня с его родственниками, живущими в России. Кубанские краеведы обнаружили в краевом государственном архиве его записки, озаглавленные: «Дневник камер-казака Ящика Тимофея, его биография. Лондон. 1919 год».

Из него следует, что уроженец станицы Новоминской, потомственный казак Тимофей Ящик, прошел на царской службе путь от рядового до подхорунжего, прежде чем в 1916 году по личному указанию Государя стал камер-казачком Ея Величества Императрицы Марии Феодоровны. За Ней преданный казак проследовал сначала в Англию, а затем — в Данию. По всей видимости, делают предположение краеведы, именно по заданию Царицы-Матери и появился он в станице, чтобы увезти семью Великой Княгини Ольги Александровны, которая в тот момент ожидала прибавления.

Именно в Новоминской, весной 1919-го года, в семье родился второй сын Гурий, названный так в честь одного из героев Первой мировой войны —

братьев Панаевых: Бориса, Гурия и Льва, служивших в Ахтырском полку и павших на полях сражений еще в 1914-м году.

Естественно, в тот момент Великая Княгиня не могла отправиться в далекий и опасный путь. Верный камер-казак, оставив дневник жене (впоследствии расстрелянной большевиками) на сохранение, вынужден был вернуться к Императрице Марии Феодоровне, прибывая затем при Ней неотлучно до Ея смерти. В 1928 году в ряде европейских журналов появилась замечательная фотография: рослый и красивый мужчина в казачьей форме помогает выйти из кареты 80-летней Императрице Марии Феодоровне. Надпись под снимком гласила: «Последний казак». Трогательная и печальная история!

О существовании Тимофея Ксенофонтовича Ящика, камер-казака Вдовствующей Императрицы, я знала давно по фотографиям из нашего архива, по воспоминаниям Тихона Николаевича. Теперь узнала в подробностях о судьбе этого верно-подданного воина, сохранившего честь и достоинство русского казака, который, как считал Тимофей Ксенофонтович, присягает лишь раз в жизни...

Принимая во внимание, что Государь с Семей, так же как и Великий Князь Михаил Александрович и 17 других членов Семьи Романовых, были зверски убиты, и что на всей территории России из Царской Семьи осталась только одна Великая Княгиня Ольга Александровна, которая была

очень популярна среди простых русских людей, так как молва широко разнесла по России Ее инициативу по сооружению больницы и школы в Ольгине, Ее искреннюю заботу о раненых солдатах и жертвенный труд в прифронтовых госпиталях во время войны, — возникла идея провозгласить Ее Императрицей. Идея эта широко поддерживалась монархическими кругами в Белой Армии. То, что Она была замужем за «простым смертным», старый сенатор граф Гейден считал положительным фактором, принимая во внимание демократические веяния, вызванные революцией. Само собою разумеется, что нечестолюбивая и очень скромная Великая Княгиня Ольга Александровна от такого предложения наотрез отказалась.

Когда красные части подступали к станице Новоминской, Великой Княгине Ольге Александровне с супругом и сыновьями пришлось отправиться в последнее странствование по России. В Ростове их приютил датский консул Фома Николаевич Шютте. От него Великая Княгиня узнала, что Императрица Мария Феодоровна уже в Дании.

После эвакуации на остров Принкипо в Мраморном море около Константинополя семья Ольги Александровны переехала в сильно разрушенный войной Белград в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Югославия). В отель, в котором остановилась Великая Княгиня Ольга Александровна со своими близкими, пришел регент Александр Карагеоргиевич (впоследствии Король Александр I) и предложил для постоянного жительства любое

имение на бывших Австро-Венгерских территориях. Но Императрица Мария Феодоровна позвала Дочь в Данию, где Великая Княгиня прожила при Матери-Императрице вплоть до Ее смерти в 1928 году.

О характере и подробностях этого жития говорят письма Великой Княгини Ольги Александровны к другу семьи Александру Александровичу Хохлову. Приведу несколько красноречивых выдержек:

†

04.01.1923 г.

...Мы живем на дачке около Klampenborg'a (предместье Копенгагена вблизи с Хвидер до покупки фермы. — *О.Н. К.-Р.*) — на зиму нам уступили знакомые, добротные и очень уютные. Пахнет русским духом у нас. Теплая зима до сих пор, и хорошо детям, много могут быть на воздухе. Так тепло, что желтый жасмин в полном цвету на многих домах. Я на днях сорвала пучок с пустой дачи и была жестоко побита старшим собственным сыном, который мне длинную нотацию читал о том, что не следует воровать... Гурий взял мою сторону, побил брата и поцеловал меня!.. Птицы наши, конечно, переехали с нами на дачу. Имеется чудесная собака-волк, который нас страшно тоже полюбил и повсюду за нами ходит...

†

25.04.1923 г.

Мы пока уютно живем в домике, но скоро переедем Hvidore. Был базар, но не было особенно удачно — мало посетителей было. Мои картины все продались.

26.07.1924 г.

Получила я больше 50 писем и теперь страдаю над ответами, и марок-то сколько! Сердечный привет Адмиралу и вашей маме, и вам — от Николая Александровича и меня — часто вспоминаем.

27 декабря 1924/ 9 января 1925 г.

Здоровье Мама теперь поправляется. Она была сильно больна, да и теперь еще слаба очень. Подумайте, мы все еще на даче. Печи керосиновые (три штуки) переезжают из комнаты в комнату и очень тепло. Погода тоже такая теплая и часто солнце греет. Для детей так хорошо, что мы долго тут, а не в городе поганом.

Николай Александрович и я сердечно кланяемся вам и желаем всего наилучшего, светлого и радостного. Мы все знаем, чего бы мы хотели на 1925 год — не стоит и писать.

11/24 апреля 1925 г.

Трудно живется почти всем. Наши мальчики растут огромными! Тихону 7 л. и он до моего плеча, а Гурию вчера исполнилось 6 л., он такой шалун! Старший послушный и очень хороший, а маленький замечательно способен к математике — и ласковый. Что из них выйдет невозможно сказать, но за Тихона как-то не боишься — он такой верующий и прямой.

Воскресенье, 27 декабря 1926 г., Amalienborg

Я проболела все праздники — те и наши. Сердечный припадок был, а затем усталость, и надо было вылежаться. Елочку сделали детям, и очень уютно было у нас там наверху. Единственно грусть берет, что не могу в Церковь — лестницы в этом доме, вы знаете какие бесконечные! Открываю окно, кутаюсь в шаль и дышу воздухом (далеко не чистым!). Дождь льет. Сыновья огромные и радуются каникулам, играя под елкой на полу с новыми игрушками.

Всего лучшего и светлого вам желаю в вашей sereneйшей жизни — дождемся, Бог даст, лучшего, если заслуживаем (мало, кто заслуживает, по-моему, и я в том числе).

2/15 января 1926 г., Amalienborg

Николай Александрович ездил в ноябре в Лондон, покупал одному датчанину лошадей для завода, «directeur» которого он хотел назначить Н.А. Этот господин сам живет в Chicago и лишь в мае приедет сюда на 2 месяца, и тогда будем знать, как обстоит дело. Пока Ник. Ал. имеет наблюдение за конюшней, но все даром пока... Я же не ездила. А вот пришлось нам обоим съездить в Berlin, посмотреть одну особу, о которой настойчиво говорят еще, что она моя младшая племянница. Газеты полны. Я не нашла малейшего сходства... ужасно жаль этой бедной особы, она искренно верит, что она А.Н. — и все вокруг нея поддерживают это. Пока никак нельзя доказать, кто она, а толков много, вы, наверно, слышали об этом или читали всякую чепуху в газетах, поэтому я вам об этом пишу (выделено

мой. — *О.Н. К.-Р.*). Дети растут очень. Оба учатся с осени, по-настоящему с сыном священника — ежедневно и очень успешно. Он талантливый учитель (речь идет о сыне протоиерея о. Леонида Колчева. — *О.Н. К.-Р.*). Была елка для всех русских детей — их было 80 человек. Мои тоже были и так веселились, перезнакомились со всеми детьми, и беготня была огромная.

Да, бедный Забелло, он все потерял в жизни — своих двух мальчиков... Он часто пишет мне и изредка посылает игрушки своего изделия — моим мальчикам. Они оба очень ценят эти игрушки из бусинок и все с ними играют. Маленький Гурий сегодня остался в кровати, имея простуду, но он очень доволен, лежит и рассматривает картинки.

На днях праздновали и благодарили нашего защитника Церкви г-на Тролле — поднесли ему чудную вазу с видом Церкви с одной стороны, и с двуглавым орлом (герб наш) — с другой. Он был тронут до слез и кончил свою речь всему приходу «*Que Dieu vous benisse — tous*». Очень милый человек. Весь процесс вел даром по своему убеждению — для Правды — и Бог помог ему и нам всем...

Теперь образовалось здесь «русское собрание», и раз в месяц все собираются, пьют чай, молодежь танцует, старички в карты перебрасываются, а средние люди занимаются разговором.

Мы с Ник. Алек. в первый раз попали на такое собрание вчера вечером. И было очень симпатично, правда.

В этом письме содержится очень важный момент, а именно: упоминание Великой Княгиней Ольгой Александровной о поездке с мужем в Бер-

лин для опознания «одной особы», выдававшей себя за младшую племянницу, т.е. за Великую Княжну Анастасию Николаевну, дочь святого Государя Николая Второго, якобы чудесным образом спасшуюся после злодейского убийства Царской Семьи в Екатеринбурге. Речь идет о самой, пожалуй, знаменитой на западе лже-Анастасии — некоей «госпоже Андерсен». Это дело получило наиболее громкий резонанс, в него были втянуты многие Владетельные Дома Европы. Великая Княгиня отказала самозванке не только на основании своих личных впечатлений (некоторые «заинтересованные» представители Династии Романовых, встретившись с госпожой Андерсен, наоборот, уверяли, что она и есть самая настоящая Великая Княжна Анастасия и пробовали уверить в этом и Великую Княгиню), но и потому что она получала информацию из различных осведомленных источников. Помимо этого Великая Княгиня Ольга Александровна была крестной матерью Великой Княжны Анастасии и прекрасно знала ее. Черда самозванцев со страшной июльской расстрельной ночи 1918 года не прекращается по обе стороны границы до сих пор. Периодически за границей поддерживается интерес и к делу Андерсен-Чайковской.

Даже Тихон Николаевич вынужден был ответить в 1976 году на статью одного из западных журналистов и прояснить ему некоторые вопросы:

«Я не хочу участвовать ни в каком споре, и если бы имя моей семьи не упоминалось в статье "По-

следние сведения об Анастасии", я бы никогда не побеспокоил Вас этим письмом. Однако, уважая Вас как человека, хочу, чтобы Вы знали: я очень сожалею, что Вы опять примкнули к общему мнению некоторых наших новых "великих детективов", которые — со всеми очевидцами в настоящее время уже давным-давно ушедшими в мир иной, — пытаются доказать, что одной из величайших трагедий истории просто "никогда не было". Давайте не будем притворяться: мы все знаем, кто извлекает пользу из такого рода "обеления". И в то же время господа Саммерс и Мангольд зарабатывают деньги на хорошо разрекламированных книгах; газеты преуспевают на сенсациях, и все выигрывают, кроме правды.

Не датское правительство, а окружение лже-Анастасии втянуло непосредственно Цаля (врач, наблюдавший за самозванкой. — *О.Н. К.-Р.*) в эту историю, а потом он, будучи слишком гордым человеком, чтобы признать свою ошибку, говорил: "Нет ни одной женщины, которая обманула бы меня!" А это значит, что он считал себя непогрешимым. Итак, он приготовил ловушку моей маме, Великой Княгине Ольге, пытаясь поймать ее на словах и поступках. Моя мама поняла сразу же, что мадам Чайковская (под этим именем была известна Анна Андерсен в то время) не являлась Анастасией. Также мой отец настаивал, что их миссия окончена, и они должны немедленно покинуть Берлин. Но Цале настаивал и очень просил остаться их еще на три дня, потому что бедная, больная женщина так долго ждала эту встречу. Позже это и другие проявления ее (*В.К. Ольги Александровны. — О.Н. К.-Р.*) доброты (которую она оказывала любому больному и одинокому человеку) были истолкованы Цалем (и другими) как доказательство, что "тетя узнала свою племянницу..."

В конце этой поездки Цаль спросил: "Если это не Анастасия, тогда скажите, кто она?" По поводу такой глупости мой отец сказал, указывая на случайно-го человека на улице: "Вы, Ваше превосходительство, скажите мне, кто тот человек?"

Небольшая пища для размышлений:

Серная кислота не использовалась для "растворения тел", но — как любой человек на золотых приисках знает — для увеличения температуры погребального костра.

Лично я никогда не слышал, что моя тетя Ксения верила в "Анастасию". Здесь мы попали в одну из хитрых путаниц: это была княгиня Ксения Георгиевна, в то время мадам Лидс, жена американского миллионера, которая признала самозванку.

Эта Ксения Георгиевна, так же как и герцог Лихтенбергский, оба были слишком молоды, чтобы знать настоящую Анастасию.

Вы позволяете себе сомневаться в лорде Маунтбаттене, но Вы признаете слова Глеба Боткина, который был служителем богини Венеры (!!! Да, сэр!! — в его собственной "церкви" в Калифорнии, США). Он также признал полковника Голеневского как царевича и новую "Анастасию", которая принадлежит к "семье" Голеневского...»

Тихон Николаевич только указал на методику создания подобных мифов: искажение действительности, подтасовка фактов, использование добрых человеческих чувств злоумышленниками в своих корыстных целях... С тех пор мало, что изменилось — взять хотя бы историю с перезахоронением останков безвестных екатеринбургских мучеников под видом останков Царской Семьи в Петропав-

ловском соборе. Вопреки здравому смыслу, мнению многих крупных ученых и Православной Церкви, без судебного вердикта только волевым решением узкого круга госчиновников екатеринбургские останки признали «царскими» и быстро перезахоронили в Петропавловской крепости. Все перипетии этого странного «действия» описаны мной в одной из предыдущих моих книг — «Неравный поединок в Белом доме».

Как бы там ни было, Великая Княгиня Ольга Александровна с Николаем Александровичем из Берлина вернулись домой в Данию, так и не признав самозванку.

После печального события — смерти Императрицы-Матери в 1928 году — семья Великой Княгини приобрела ферму в 17-ти километрах от Копенгагена с уютным домом, ставшим центром русской монархической колонии в Дании. О подробностях жизни на этой ферме мы опять можем узнать из сохранившихся писем Великой Княгини Ольги Александровны к Александру Александровичу Хохлову.

†

10/23 июля 1929 г., «Rygaard» Holte

Мы живем теперь с Пасхи на новом месте, около Holte в 3 километрах от станции, совсем в деревне, среди полей и лесов, в красивом месте, в милом симпатичном низком белом доме, крытом соломой, и сад и огород у нас есть и даже собственный лес! Все это очевидно не наше.

Лето у нас совсем чудное — не датское. Тихон и Гурий очень выросли, много учатся дома — держали экзамены весной в Берлине при русской гимназии, а теперь практикуются на французском языке с молодым швейцарцем — 18 лет. Ничего, болтают кое-как. Hvideгор продан какому-то человеку, и говорят, будто «pensionat» будет. Насколько тут лучше, чем там! Там дача, тут деревня. Мои дети сами научились датскому языку, болтая с рабочими — их шесть человек. Коров 25, кур 22, 4 кошек и одна собака «Bobbie» (полицейская).

Варим варенье земляники эти последние дни. Гурий в данный момент носится на велосипеде вокруг сада.

Колония немного уменьшилась с того времени, когда вы были в Копенгагене, но почти все те же. Один из Мама-казаков (Ящик) открыл лавку колониальную и работает хорошо в городе. Другой же казак — Поляков — работает в винном складе.

23 апреля/ 6 мая 1930 г., st. Holte Rygaard

Получила ваше такое милое письмо незадолго после Пасхи и чувствую еще в себе «Праздник», а кроме того ведь можно приветствоваться «Христос Воскресе!» до Вознесения. Спасибо большое. Я читала Тихону и Гурию то, что вы пишете о черных детях ваших, и мы все умилились. Тихон назвал всех других европейцев мерзавцами, что носят оружие, и прибавил: «Наверное, еще палки или кнуты носят с собою...» Мои сыновья теперь огромного роста — Тихон выше моих глаз, а я не маленькая — ему еще только 12 лет. Он силач и огромный, и, как все сильные люди или псы, добрый очень. Гурий умный очень, учится нипочем и давно переплюнул бы своего старшего братца,

если бы ему позволили. У нас замечательно хороший учитель — сын нынешнего батюшки о. Леонида Колчева — Аркадий, и он их обламывает по всем предметам, а экзамены мы ездили вот уже второй год в Берлин при Русской гимназии держать. Хорошо держат, и ничего и никого не конфузятся, сразу вошли в гущу толп учеников, перезнакомились моментально, и были в восторге. Единственно им не понравилось, что ни порядка, ни дисциплины нет в школе! Они еще такие дети — в настоящем смысле этого слова. Гурий спит еще у нас в кровати, а играют они в солдатики все свободное время.

Ну, довольно о них, а то я увлекаюсь немного и могу надоесть, рассказывая только о сыновьях. Да, местом мы так довольны, так счастливы, ничего лучше и быть не может — за границей! Домик уютнейший, низенький, теплый зимой; сад прелестный, большой, старый, фруктовый, кончается собственным леском на обрыве, а кругом поля «наши» — вид чудный, вдали виден шведский берег через «Sund» («залив по-швед.»). И жить хорошо в деревне, станция от нас в 4 километрах — не все лезут к нам, и тихо и свободно — от политики, партий и т.п. далеко. В Церковь ехать 35 мин. в моторе «Ford». На Пасху у нас было так чудно: приехал хор кубанцев. Мы их знаем вот уже 3 года. Большинство офицеры — милые ребята — и вот мы у себя поместили 8 человек — 4 жили в гостинной на всех диванах. Было и им и нам весело и радостно. Они встретили Светлый Праздник, как будто бы дома в России, да и мы тоже. На днях съездили мы 2-ое да дети на своем Ford'e в Ютландию (один из островов, на котором расположена Дания. — *О.Н. К.-Р.*) на 3 дня. Вот было интересно и весело! Мы съездили в город Kolding, там наши друзья кубанцы были, послушали их пение, родное нам, провели

с ними 2 дня, покатали кое-кого из них, погуляли, поговорили — и то хорошо. Дети были в восторге, мы столько лет живем здесь — 10 — и нигде еще не были. Время теперь хорошее, каникулы после экзаменов, и работы весенние сделаны... Было несколько жарких дней, затем хороший дождь — и холодно 3-4 градуса тепла всего!

Какой вы молодец, что помогаете всем своим, в сущности так и надо, конечно, но не все так понимают в теперешнее время большого эгоизма. Мы живем в мире и согласии с нашими 6-ю рабочими-датчанами, даже можно сказать в дружбе. И один сказал: «Хорошие люди, сразу видно, что не датчане (про нас)». Я часто у них сижу по вечерам и разговариваем — ну, совсем наши солдаты — которых я так любила (и еще люблю, конечно). Душкинские люди. Одно не могу — не могу убедить их ходить в церковь! Им по 24-25 лет, и причащались лишь один раз в жизни... Они этого понять не хотят и стесняются этого вопроса, когда вместе, а в отдельности говорят, что ничего не знают абсолютно. Вот теперь увлеклась рабочими своими! Ну, что еще вам сказать? Газеты вы сами читаете, а я никогда. Ненавижу всю эту ерунду — столько зла от газет. Зря пишут, мутят, ух, как противно. Бедный генерал Кутепов — вот он был чистый, честный... знали, кого брать те каналы, и жив ли он еще, несчастный. Сколько должны были мучить его — страшно подумать. Думаю, что он в Москве, что пытали его — ну, Бог знает, выжил ли или Господь взял его душу к Себе. Несчастливая его жена — как она не сошла с ума!

Огород наш работаю сама, т.е. все сажаю, копаю — и хватило на всю зиму, запасов много: огурцы, квашенную капусту и все такое хозяйственное. А готовит все это Авака, если вы помните — няня де-

тей. На кухне же оборудывает Маша. Эта самая Мария Степ. Съездила как ни в чем не бывало в Питер 2 года тому назад, побывала у себя месяц-полтора, видела, как ужасно все, какой голод наступал там, какой народ страшный, и махнула обратно — туда и назад морем, и прямо замечательно, что ее выпустили!

После нея поехала такая же кухарка — и несчастная Феня, попав туда, не была выпущена, все у нея отняли: деньги, вещи, которые везла, все — назад хочет, отсюда деньги посылали ей, но просто запретили выезда, и конец.

Страшно все это. Ведь они знали, что она живет в Нвидоге и все. Когда мы провожали ее на пристани, видали, как все время следил за нашими проводами агент из «миссии» большевиков... Может быть, ее пропустили назад в виде поощрения для рекламы, так сказать. Кто их разберет.

Леса здесь позеленели, под ними белый ковер анемон! Наверно, вы в Данию не попадете в 1931 году. Да, далеко мы и не по дороге, как пишет мне моя сестра. (Вел. Кн. Ксения Александровна. — *О.Н. К.-Р.*). Вот уже 1,5 года поэтому не встречаемся, ибо я туда не еду, а она сюда. Она в Париже. Андрей, Ирина, Феодор и Никита там, а младшие три сына в Америке (дети Вел. Кн. Ксении Александровны. — *О.Н. К.-Р.*).

Великая Княгиня Ольга Александровна также была в контакте со всем миром, ведя обширную переписку со старыми друзьями, с офицерами Гвардейского экипажа, конвойцами, кирасирами, ахтырцами, стрелками полка Императорской Фамилии и многими другими. Тогда же был по-настоящему оценен Ее художественный талант. Она

выставляла Свои картины не только в Дании, но и в Париже, Лондоне и Берлине. Значительная часть денег, вырученных от продажи полотен, шла на благотворительность. Но иконы, написанные Ею, в продажу никогда не поступали. Она их дарила Христа ради.

Мирная благополучная жизнь Дании прекратилась девятого апреля 1940-го года после захвата ее Германией. В течение пяти лет оккупации Великая Княгиня Ольга Александровна продолжала помогать русским, попавшим в беду в зарубежном изгнании. Несмотря на ограничения рационных карточек и опасность столкновения с оккупантами, с Ее помощью через лагерную проволоку передавались разные продукты голодающим узникам. 5 мая 1945 года немецкие вооруженные силы сдались союзникам в Голландии, Дании и Северной Германии. Но русским изгнанникам легче не стало. Охота началась с другого конца. И опять Великая Княгиня делает все, что в Ее силах, чтобы помочь несчастным. Получив письмо от казачьего атамана генерала Петра Краснова, которого Великая Княгиня знала лично, Она поехала к своему двоюродному брату Датскому принцу Акселю — самому выдающемуся и дельному из всей Королевской Семьи. Он обещал помочь, чем сможет, людям, оказавшимся меж двух огней. Но судьба казаков и других русских, выдаваемых советам, была уже давно решена. Беглецы же, являвшиеся к Великой Княгине в единоличном порядке, скрывались в Ее доме, откуда их забирал знакомый датский

полицейский и сажал на датские корабли, шедшие в Южную Америку.

Эти дела милосердия и стали причиной переезда семьи Великой Княгини за океан. Советский Союз предъявил датскому правительству ноту, где Великая Княгиня Ольга Александровна и католический датский епископ обвинялись как главные сообщники, помогающие «врагам народа» бежать от «праведного» отмщения. Принимая во внимание шаткое положение самой Дании, наличие советских войск в нескольких километрах от границы и присутствие советских агентов, рыскавших по Дании и похищавших невозвращенцев, было очевидно, что нужно уезжать. Семья Ольги Александровны переехала в Канаду.

Будучи глубоко религиозным человеком, Великая Княгиня ощущала красоту природы как одухотворенного творения Божия. Молитва и посещение храма давали Ей силы не только преодолевать выпавшие на ее долю новые трудности, но и продолжать рисовать. Этим чувством благодарения Богу были проникнуты не только иконы, созданные Ольгой Александровной, но и Ее портреты и натюрморты.

Переехав в 1948 году в Канаду и приобретя небольшую ферму недалеко от Торонто, Великая Княгиня стала обустраивать свой дом, украшая его собственными живописными и художественными работами, что сразу придало ему уютный и родной вид.

Как вспоминала Ольга Александровна:

«Вчера были дети и внуки — ночевали с субботы — гуляли, ели, помогали разбирать 2 ящика на веранде — нашли чашки мои последние с синими анемонами (но блюдец не нашли). Картины собственного производства повесила по всей лестнице наверх — т.ч. уютно очень стало — все картины из Папиного кабинета. Труднее вешать большие картины, ибо мало стен, т.е. простенок, очень мало окон и дверей, и так как мебели еще нет, и не знаю, что достанем, и как будет стоять — не хочу зря вешать картины и портить дырками стены.

Я два дня усиленно рисовала. Я тут плохо рисую — нет своего угла — да и на воздухе тоже дело не лучше!»

Требовалось время, чтобы как следует обустроиться, отдохнуть от тревожений переезда из Европы, создать необходимые условия для творчества. Новый, 1949-й год, семья Великой Княгини Ольги Александровны встретила уже в Канаде. С щемящим чувством утраты они прислушивались к своеобразной радиоперекличке из разных стран: из Дании, Швеции, Бельгии, Англии и Франции передавали пение церковных хоров и перезвон колоколов при встрече Нового года. Слышимость была прекрасной, но разделяли их теперь с милой сердцу Данией и Европой тысячи миль и несколько часовых поясов. В Канаде было 8 часов вечера.

Великая Княгиня чудно провела утро Нового года: рисовала маслом картину с этюда, сделанного осенью в лесу, и кончила другую большую, заброшенную тоже осенью.

Как вспоминала Ольга Александровна:

«Первая Пасха в Канаде в 1949 году была вполне светлая — слава Тебе, Господи!.. В Чистый Четверг все приобщались, встав не раньше, но уехав раненько из дому... Это было радостно. Из Церкви попали к Гурю и покушали немножко. В Пятницу были утром в Церкви и в Субботу утром приложились к Плащанице... Столько цветов было вокруг Плащаницы — в горшках и вазах — так красиво и солнце заливало Церковь. Много было причастников. Один молодой человек встал около меня под конец, и я его поздравила и дала руку — моя рука оказалась такая холодная, что он положил левую руку сверху — невольно и сказал: «Какая холодная рука», — и я, конечно, ответила: «Да, но сердце теплое», — с чем он согласился из вежливости! Без всякого рецепта мои пасхи вышли замечательные».

На Троицу в тот год выпала сильная жара. Утром вся семья отправилась в церковь. Поехали к Обедне в Toronto в 9 часов из дому.

По воспоминаниям Великой Княгини:

«...Было чудно и радостно, как всегда, в этой особенной Сельской Церкви. Хор чудный, поет с таким увлечением, громко — четко и мотивы настоящие, а не концерты. Хор смешанный, голоса молодые — и чистые — регент красавец-бас (хорошо, что они на хорах, а не внизу). Продолжалась Обедня до 1 ч. 10... Толпа большая — был прежний батюшка — нас пригласили всех вниз в подвалы пообедать, но Папа устал и не хотел, что было жалко».

Суровые канадские зимы, в чем-то сродни русским, и отдаленность фермы от города создавали

дополнительные трудности для выездов в церковь. Случалось, они не могли выбраться в город из-за снежных заносов:

«У нас весьма холодно, и все застревают около нас в снегу. По шоссе же ехать пока можно, но не всегда. Например, мы собрались было в Сретение в церковь, но увы! Второй год в этот день не выбраться было со двора... Градусов 20 и ветер вот уже 3-й день совсем, как в России», —

с горечью констатировала Ольга Александровна.

«Сегодня среда — мы опять собирались в церковь, но опять такой снег выпал и у нас, а главное, в Торонто, что звонили оттуда, что непролазно... Мы в полосе невероятного невезения... Гуляла я по глубокому снегу. Не знаю, как удастся вылезти завтра, но хотим попробовать. Редко рисую, но хочется, и то приятно...»

Когда же представлялась хоть малейшая возможность, эти своеобразные «паломничества» обязательно совершались, хотя для этого и приходилось прилагать титанические усилия:

«Мы еле-еле выбрались сегодня в 8 часов утра, чтобы поехать в Церковь к обедне и панихиде несколько раз заказывали. Сугробы такие, что работники Павло и Вацлав лопатами нас выгребали и пихали, пока вышли на проезжую дорогу. Как-то бывает так чудно тут в Церкви и молится и верится так легко-легко. Одна дама причащалась, и больше не было никого. Затем приехал Гурий, а Тихон, бедный,

подошел к "со святыми упокой" — его мотор замерз, и он бился часа 2 и приехал весь грязный и расстроенный — так жалко, а он именно так хотел! Гурий нас очень звал и настоял, чтобы мы вернулись и позавтракали у них, что мы и сделали, и было уютно».

Со временем старший сын Великой Княгини Ольги Александровны Тихон Николаевич вошел в церковный совет местной русской церкви и, естественно, связи семьи с клириками и прихожанами только укрепились.

Как вспоминала Ольга Александровна:

«Езжу с Тихоном часто в город — к каждой Преждеосвященной обедне. Когда хорошая погода, я хожу всю дорогу пешком — берет час, а по дороге гляжу жадно в окна магазинов, где много пасхальных разных яиц шоколадных и т.п. Если проголодаюсь, захожу и выпиваю горячий какао — с 2 грёнками с мармеладом апельсинным — все за 15 центов! Имею знакомого безногого нищего, сидящего на солнце — которого знаю все эти 6 лет, и мы рады друг другу. В Церкви то 2 причастника, то много, как придется. Поют слепцы (так выражается Папа), но если служит Владыка, то поет с ними батюшка и весьма помогает... У него голос хохлацкий и красивый... Тихон сидит в церковном совете и иногда рассказывает очень забавно о их собрании».

Очень тепло отзывалась Ольга Александровна о местном священнике:

«Мы с Тихоном поехали ко всенощной, после чего праздновали нашего батюшку: 25 лет священства,

25 лет свадьбы и 50 лет отроду. Собрали ему на подарок серебро. Пир горой был в подвале, 5 длинных столов, больше 150 человек, шум был большой. Ужин холодный, и надо отдать справедливость нашим милым “сестрам” — замечательный! Речи были всякие, но гораздо лучше всех говорила одна жена сапожника Соловейко... Она так от сердца сказала все, что думает о батюшке и матушке, что всех, произносивших банальные речи, заткнула за пояс. Сколько они помогали людям, как батюшка удержался тут после 5-ти священников, которые ничего не могли сделать, и по очереди — бежали все. А он собрал по копейке, купил в доме нынешнюю нашу церковь — он и его добрая помощница матушка. Да, бывают такие тихие незаметные люди, которые столько добра приносят другим. Сердце радовалось слышать все это. Сидели мы за столом до 12 часов, все съели и все выпили... Тихон и я поехали домой очень довольные...»

Посетила однажды Великая Княгиня и сербскую православную церковь, памятуя, сколь много добра сделали братья-сербы для русских людей, приютив большое количество беженцев после революции. Однако это посещение оставило у нее двоякое чувство:

«В Воскресение, мы с Тихоном в 8 ч. утра отправились в конец города на освящение сербской церкви... Чудный перезвон нас удивил — оказалось — граммофонная пластинка — замечательно громко! Служат по церковнославянски, но как-то “около” вся служба. Церковь маленькая, священников много, они спотыкались — у одного загорелась риза снизу, т.к. у сербов свечи на полу стоят в ящиках с песком. Толпа, духо-

та, и как мы были рады убраться домой и попасть на свежий воздух, к запаху сирени и ландышей».

Стремление на волю, на свободу, к природе было всегда свойственно Великой Княгине. Здесь она находила отдохновение и источник для своего художественного творчества. Ее словесные описания канадских ландшафтов, цветов, деревьев — удивительно точны и красочны. Они особым образом дополняют ее картины.

Вот как описывает Ольга Александровна свои впечатления от канадской природы:

«Тепло опять стало после 3-х холодных дней. Леса полны цветами: 1) белые — в типе датских белых Алетопе — но гораздо более крупные и жирные, выходят они из одного аппетитного свернутого листа — совсем (но меньше), как виноградный лист; 2) желтые — похожи на лилию — красиво очень. Ну, и наши “перемески” (*Нератика*); 3) есть еще мелкие цветочки розовые — ковер их под ногами... И представьте себе все это в лесу, все вверх и вниз среди больших и поменьше камней вроде скал... Я иногда (каждый день) стою, смотрю и оторваться не могу — от этой красоты».

«Был чудный вечер, все благоухало — в лесах пахло, как в России, — березой и цветущими деревьями всякими... И мы, проезжая мимо дома и сада одних друзей, увидали их — и вышли. Такой чудный сад! Ландыши, сирень и все пахло, и обошли мы дом, а с той стороны — глубокая “чаша” вся в лесу и далеко видно... очень прекрасно. Я была рада видеть все это, и люди милые (он судья), они копались в саду и вынимали свои отцветшие тюльпаны — были гряз-

ные и довольные своим вечером... Мы вернулись домой только в 10 ч. и легли спать. Так было приятно видеть нечто новое — хотя я наслаждаюсь ежедневно дома и даже рисую — все цветет и так прекрасно! Что тут странно и поражает — это то, что можно далеко войти в лес и там встречаешь массу красивых цветущих яблонь, сирень вдоль дороги, где никто не живет, и все такое удивительное! На днях Папа повез Мимку и меня на так называемую “старую ферму”, где нас оставил... Я рисовала мое любимое место, а Мимка впервые там была — и с палкой в руках ходила любовалась на те огромные 20 старых яблонь и на огромный куст сирени — вблизи руины дома, где когда-то жили люди, — лет 40 тому назад... Людей уже нет, а часть их сада стоит — колодец с студеной водой и старый огромный сарай... Это мое любимое место».

«На веранде чудно цветут красные герани, прилетает птичка “Колибри” и сосет мед из них — так забавно — а душкинский зверек полубелка (*chipmunk*) желтенькая с полоской прибегает съедать все остатки груш, персиков и винограда — сидит на задних лапках и держит еду передними. Он нас не боится — только собаки. Цикады все еще поют, но зато птицы разные начали готовиться к отлету: поют и свистят, летают стаями и т.д. У нас, оказывается, курник — бывший “Kro” (постоялый двор, с дат. — *O.H. K.-P.*) — пользовался такой ужасно дурной репутацией, что, наконец, его закрыли и перетащили на нашу ферму; он деревянный — внизу место для плуга и т.п., а наверху курник (где раньше были *NoNo*) (т.е. “номера”, отдельные комнаты. — *O.H. K.-P.*), назывался “Содом”... Я теперь смотрю на этот сарай

с почтением — ибо видал виды! Я его уже нарисовала, так как он красив в своем роде».

«Было три целых дня свободных, и Тихон наслаждался. В первый день мы с ним поехали в новое для меня место — очень красивое, где у профессора Страховского маленький деревянный домик. Всего там 3-4 домиков местных. Пока Тихон с ним разговаривал, я с собаками гуляла по красивой тропинке — лес, вода и поля — да речка журчащая... Наконец, подошла к садику и домику, где я стояла и любовалась, думая, что необитаемо — вдруг из домика вышел маленький глухой старичок, подошел ко мне, я извинилась, но он отворил калитку, пригласил в сад, затем в дом чай пить! Рассказал, что его домику (сруб) лет 150 — времен диких индейцев, но тогда дверей не было, а только люк в крыше... Потолок низкий, а в середине простая дробина на чердачок — для спанья. Очень симпатичный старичок и старушка — живут зимой и летом там...

Я опять стала рисовать — цветы (акварелью), желтый шиповник, сирень, яблони и все, что красиво и что можно комбинировать красиво вместе...»

«Получила (в подарок) горшок с филодендрон. Он мне напоминает Новоминскую, где у всех себя уважающих казаков росло это растение до потолка и вокруг всего. Надеюсь, что и моя сделает так же.

Я стала вдруг рисовать довольно большие акварели — цветы все. Я их собираю и потом в вазе рисую. Одна у меня с ромашкой и этими длинными синими (колючий ствол), которые Mr. Clerc называл "Воггаспе", кажется, "синьки" по-русски, и пчелы любят. А рггорос пчел, к нам прилетает красивый колибри и шумит крылышками — стоит в воздухе над

моими цветами и улетает опять — он не намного больше пчелы сам».

Когда же выпадало немного времени между хлопотами по хозяйству и рисованием, Великая Княгиня читала книги, в основном духовного содержания или же те, что представляли семейный интерес:

«Читаю чудную книгу о преподобном Серафиме Д-ра Анатолия Тимофиевича, он живет US в монастыре Ново-Дивеевском. Говорят, там такая благодать, чувствуется любовь отца Серафима...»

«У нас очень жарко — такое благорастворение воздуха! Все пахнет после гроз и, наконец, выпал дождь сильный и короткий... Весь огород сразу вылез из земли. Спаржа уже кончилась. Читаю потихоньку книгу Гавриила Константиновича “Мраморный дворец”. Иногда я читаю кусочки вслух Тихону, и мы катаемся со смеху, ибо у него так иногда смешно и совсем по-детски выходит. Например: “Когда моя матушка рожала, отец всегда надевал белый китель...” Ужас как смешно! И много вещей подобных».

«Только что прочла замечательную книгу, написанную жидом — о святой Bernadette (в Лурде). Так идеально, интересно и, можно сказать, духовно все описано, что поразительно. И пишет, будто знал ее жизнь, ее самую и все трогательные события лично. Раньше читала, но все было так “католически” написано, а тут — только просто и духовно. Называется “Песня о Бернадет” (по-английски). Читала, плакала

и умилялась. Она ведь была совсем не умная и весьма плохо училась в школе — ее семья была очень бедная, они жили в одной “cachot” старой упраздненной тюрьмы и были почти всегда голодные... Сперва никто ей не верил, притесняли всю семью из-за нее... Очень трогательно. Написано в 1941, когда из Германии бежали евреи, и этот вот жил в Lourdes и поразился этой историей...»

«Я усиленно читала книгу отца Леонида и кончила. Такую книгу надо без конца перечитывать, чтобы не забывать о загробной жизни, пока мы еще на этом свете и можем исправить нашу жизнь и молиться и каяться о грехах наших», —

таков был духовный настрой и читательский интерес Великой Княгини.

Постепенно, по мере того, как расширялся круг канадских знакомых Ольги Александровны, рос ее авторитет как художника в глазах окружающих. Не забывали ее и датчане. Оттуда приходили письма с заказами на новые картины. Это давало дополнительный стимул для творчества:

«У нас — а главное — у меня завелось много новых знакомых — очень симпатичных и интересных. Один канадский художник, который в этом году в марте месяце был в нашей родине и много интересного рассказывал. Их возили даже на Кавказ — все воздухом — поездов не видал близко. Все музеи видал, Эрмитаж в Питере, в восторге от старых художников, но наоборот от новых, которым почему-то не позволено рисовать то, что им хочется — и от этого таланты пропадают...»

«Все новые и новые знакомые! И все такие милые и симпатичные... Много среди них старушек наших лет и интересные люди всякие. Прямо поражаюсь, что как было в Дании, так продолжается тут: перед тем, как продала картину, нахожу монету! Недавно подняла копейку — продала 7 картин через 3-4 дня. Сегодня опять: гуляю, нахожу тоже медяшку... Интересно, что будет?»

Дочка Эрика написала мне, просит, чтобы я скорее прислала ей 6 картин — полевых цветов и в этом роде... Я в 2 дня нарисовала уже 2... Принесла полузамерших «Иван-да-Марья» из соседского сада — это одна, а вторую я скомбинировала с имеющегося у Тихона и еще другого рисунка (мои же), вышло не дурно. Такой заказ меня сильно «влечет вперед» и я с великой охотой кидаюсь на работу».

«Сегодня неожиданно выпал совсем летний, чудный день (а утром был мороз). Я весь полдень рисовала и так наслаждалась. Тепло и очаровательно в лесу. Я отправила всего 10-22 картин в København, т.к. все остальное за эту осень тут продала (это было мне гораздо выгоднее, конечно, но в Дании лестнее для моих чувств!)».

«Оказывается, я продала 10 картин... Как я рада, мы считаем все, что это весьма удачно и хорошо. Кроме того, я получила много писем, любезных писем от неизвестных лиц, хвалящих мои картины, и даже приезжают знакомиться со мною (и кофе пьют у нас!) разные дамы средних лет... Очень весело!», —

вспоминала с добрым юмором об этих визитах Великая Княгиня.

Надо сказать, что по своему характеру Ольга Александровна не очень жаловала светские приемы и была вынуждена очень редко бывать на них — больше из вежливости. И когда такое случалось, она говорила, что эти приемы «что-то из другого мира».

Хотя однажды, в сентябре 1954 года, один такой «высокий» визит и помог Великой Княгине для укрепления ее авторитета в глазах наивных окружающих:

«У нас была Марина, Герцогиня Кентская (дочь Елены Владимировны). Действительно, красивая и очень милая. Она звонила, что хочет приехать 4 сентября в субботу в 10. 30. До ее приезда Тихон с Агнетой почистили наш дом (чему я была довольна, т.к. знаю, что запускаю!). Наехало много полицейских, разбрелись по кустам и по полям и у нас по саду. Мои дети были так довольны ее приезду — прыгали вокруг, угощали рюмочкой вина и не давали нам как следует поговорить вместе, а много хотелось. Она сказала, что Ксения ничего себе, а я знаю, что Ксения очень любит Марину и радуется, когда та ее навещает. Ну, вот и мы порадовались, и наши ближайшие соседи порадовались и полюбовались ее красотой. Мои акции очень поднялись: с тех пор незнакомые дамы, когда я, гуляя, прохожу мимо их садилов, зовут меня в сад и расспрашивают о родстве с высочайшими особами. Один хозяин магазина, где я уже 3 года торгую, спросил меня: "Вы должны чувствовать себя очень гордой, что настоящая герцогиня посетила ваш дом?" Тихон так смеялся и радовался и придумывал всякие ответы, которые я не сказала!!»

Конечно, наивные канадцы и представить себе не могли, что живут рядом с Великой Княгиней, багрянородным ребенком Всероссийского Самодержца Александра III, родной сестрой последнего Русского Царя Николая II, которая по рождению уж никак не уступала английской герцогине. Но скромность Ольги Александровны была столь велика и столь естественна, что простолюдины принимали ее за ровню, и только близкие и русские эмигранты понимали истинную картину вещей.

Именно из-за своей нелюбви к светским раутам и приемам Ольга Александровна предпочитала свои картины отправлять в Данию, чем выставлаться в Канаде, так как местные нравы требовали сначала создать вокруг своего имени некое общественное «паблисити», а это отвлекало от творчества:

«Я стала много рисовать — появилось желание, а толчок дало мне письмо из Дании от одного из этих молодых людей из City, который просит прислать картин. Тут трудно устроить. Очень странно: чтобы делать выставку или чего-нибудь в этом роде, надо написать приглашения множеству дам, сделать большой чай, поговорить о “будущей выставке”, и тогда только делать... Я не могу это делать — слишком глупо как-то! Гурий уверяет, что так все делают, и единственный способ начинать какое-нибудь дело», —

вспоминала Великая Княгиня.

Как бы там ни было, к ней пришло признание как к художнику по обе стороны океана. И хотя

сама она не любила выезжать в канадский «высший свет», люди уже со всего света разыскивали ее и посещали ее гостеприимный дом, чтобы выразить признание и засвидетельствовать свое почтение. Иногда доходило до смешных курьезов: у Ольги Александровны и не знакомых прежде с Великой Княгиней посетителей обнаруживались общие знакомые! Тогда ее младший сын Гурий любил повторять: «Не говорил ли я всегда, что Дания большая, а мир маленький?»

Да, воистину — узы любви и художественного творчества связали русскую Великую Княгиню и внучку датского короля со всем миром!

Однако ведение собственного хозяйства не сложилось так, как это было в Дании, и поэтому ферму вскоре поменяли на домик в предместье Торонто.

Здесь Ольгу Александровну посещали родственники: Ея Высочество Княжна Вера Константиновна, Его Высочество Князь Василий Александрович. Из Англии Ее навестили герцогиня Марина Кентская, Лорд Маунтбаттен с супругой, а королева Елизавета II пригласила Великую Княгиню с сыном Тихоном Николаевичем на завтрак на свою яхту «Британия».

Дома у Ольги Александровны в 1951 году отмечалось 300-летие основания Ахтырского полка. Старые офицеры съехались со всех концов Канады и Соединенных Штатов. В этот же период Великая Княгиня стала покровительницей Объединения кадет в городе Торонто.

Великая Княгиня скончалась 24 ноября 1960 года. В ту же ночь Тихон Николаевич отправил письмо в Данию старинной знакомой семьи — Александре Михайловне Искре:

«Дорогая Тетя Саша!

Итак, этой ночью скончалась наша милая, дорогая, незабываемая Мама. И слава Богу за все. Ибо последнюю неделю она сильно страдала, и было видно, что чем скорее конец, тем лучше для нея. Было внутреннее кровоизлияние. Она была так слаба, что не говорила. Последние два дня, не знаю, была ли она в сознании или нет. Но до этого успела дважды причаститься. Перед самой смертью она внятно позвала Папу. В среду будут похороны.

Твой Тихон»

Великая Княгиня Ольга Александровна была похоронена на русском кладбище «Норт Йорк» рядом со Своим горячо любимым мужем Николаем Александровичем, умершим всего на два года раньше Нее.

Обычно Тихон Николаевич, заканчивая свои устные или письменные выступления о Матери, вопрошал: «Какой же завет оставила нам Великая Княгиня Ольга Александровна?» И тут же отвечал на него:

«Как и царственные Новомученики, она всей своей жизнью дала пример глубочайшей веры в Бога и безграничного доверия к Нему, способствующего все в жизни принимать безропотно. Она также дала пример безусловной и всепоглощающей любви

к России и к русскому Человеку, волею суровой судьбы оказавшемуся покоренным носителями чужеродной идеи, но стремящегося к общей цели — освобождению России от власти безбожников.

Да будет Великой Княгине Ольге Александровне вечная память».

Когда созрели условия на родине, мы с Тихоном Николаевичем решили воплотить память Великой Княгини Ольги Александровны в осязаемые дела и основать благотворительный фонд ее имени. Идея создания Благотворительного Фонда помощи России имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны происходит как бы из самой судьбы этой скромной, но величественной Женщины. Христианские начала помощи ближнему, воспитанные Великой Княгиней в Своем старшем сыне Тихоне Николаевиче, были источником вдохновения в нашем труде. Подробно о деятельности Фонда я рассказываю в своей книге «Под благодатным покровом», вышедшей в России в 2000 году.

Другую сторону ее дарования — талант художника — показала выставка «Искусство Великой Княгини», организованная Фондом. Первый раз она прошла в ноябре 2001 г. в российском посольстве в Вашингтоне и была приурочена к 10-летию основания Фонда. В честь 120-летия со дня рождения Великой Княгини Ольги Александровны выставка была организована в октябре 2002 года в Москве. На ее открытии 3-го октября, обращаясь к собравшимся, я сказала:

«Рада приветствовать вас в преддверии очень важного для меня и, надеюсь, для вас предстоящего события. Его я готовила многие годы. Прошлой осенью я со своими друзьями организовала выставку акварелей Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны в Вашингтоне — в резиденции Российского посла, построенной еще при Святом Императоре-Мученике Николае Втором для Русского Императорского посольства в Северо-Американских Соединенных Штатах. Эта выставка была приурочена к десятилетию деятельности нашего Благотворительного Фонда в России.

И вот теперь открывается выставка художественных работ моей Свекрови — Великой Княгини Ольги Александровны в Москве.

Безусловно, и Сама Великая Княгиня желала, чтобы о Ее творчестве знали у Нее на Родине, Ее соотечественники. Но при жизни Она об этом не могла и мечтать. Россия для Ее совершенно профессионального живописного таланта была недоступна. И вот теперь эта надежда воплощается. Сердце мне подсказывает, что душа Великой Княгини Ольги Александровны будет ликовать в селениях праведных вместе с нами этому знаменательному событию.

В Царственном Роде Романовых было очень много одаренных людей, обладающих и художественным образным видением, мышлением, и умением его воплощать в различных видах искусств, в художественном творчестве.

Но особенностью Великой Княгини Ольги Александровны было то, что Она посвятила себя художественному творчеству, особенно начиная с 20-30-х годов, фактически профессионально, а уже в Канаде, в сороковые и пятидесятые годы плоды Ее творчест-

ва были одним из существенных источников существования Ее Семьи.

Именно этим Великая Княгиня Ольга Александровна выделяется в Царственном Роде Романовых — Ее художественное творчество имело общественное признание как в дореволюционной России, так и в эмиграции.

Акварель и живопись Великой Княгини Ольги Александровны созданы в русле подлинно русской реалистической школы. Ее творчество выражает собой традиции и вкусы, которые культивировались в Императорской Фамилии, в Царской Семье. Да и самим титулом Своим — Багрянородная — Великая Княгиня свидетельствует о принадлежности к Царскому Роду.

Это очень важно для восстановления исторической справедливости по отношению к Роду Романовых, который, благодаря сначала усилиям либеральных общественных деятелей в Царское время и тем более в советскую богоборческую эпоху, изображался исключительно карикатурными приемами — как скопище “бездельников, бездарностей, самодуров и эксплуататоров трудового народа”.

Выставка побудит многих ее посетителей проявить интерес к быту Императорской Фамилии, к более глубокому пониманию человеческой стороны их бытия, к его национальному и духовному содержанию. Это и есть путь восстановления исторической справедливости по отношению к оболганному, оплеванному и оскверненному клеветой Царственному Роду.

Сам кроткий, целомудренный и благородный образ Великой Княгини Ольги Александровны по-своему служит делу духовного прославления подвига Святого Царя-Мученика Николая. Она волей или не-

волей свидетельствует о христианском достоинстве Царской Семьи Императора Александра Третьего, о добром нраве Своего Августейшего Брата, которого Она бесконечно любила как родного Ей человека и вместе с тем как подданная Российской Империи трепетно почитала в Нем сан Государя, безпрекословно подчиняясь Его Августейшей Воле.

В настоящее время в российском национальном сознании происходит восстановление истинного благочестивого образа и доброго имени Царской Семьи и наиболее достойных представителей Императорской Фамилии. То, что произошло 20 августа 2000 года в сознании церковного народа — я имею в виду восстановление доброго имени Царской Семьи при их прославлении в лике святых страстотерпцев на Архиерейском Соборе в Храме Христа Спасителя — теперь должно произойти в сознании миллионов россиян.

Еще один аспект знаменательности этой выставки. Она является итогом одиннадцатилетней деятельности Благотворительного Фонда "Программа помощи России" во имя Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. Деятельность нашего Фонда является духовным продолжением жизненного подвига милосердия и помощи ближним, которому так была привержена моя Августейшая Свекровь. К великому моему сожалению, дело безкорыстной христианской благотворительности в современной России, несмотря на возникновение множества фондов, до сих пор находится в плачевном состоянии. С одной стороны, осмысление христианской благотворительности должно найти понимание у народа России, с другой стороны, необходимо наконец преодолеть законодательные препоны, непонимание и сопротивление властей, кото-

рые пока не только не поощряют благотворительность, но чинят ей различные препятствия. Надеюсь, что высокие гости, которые, возможно, посетят открытие этой выставки, крепко задумаются об этом.

Таким образом, первая в современной истории России выставка художественных работ члена Императорского Дома действительно представляет особо уникальное и знаменательное явление...»

Зрительские отклики превзошли все ожидания. Привожу только некоторые краткие выдержки из Книги отзывов:

8 октября 2002 г.

В суете и неустройстве современности главное для любого человека — сохранить душу живую. Это дается не каждому. В этом большая роль искусства, воистину «искры Божией». Работы Великой Княгини Ольги Александровны пронизаны Любовью, и это чувство передается каждому, кому посчастливилось побывать на этой выставке. Чистота, благожелательность, истина — вот, что воскресает в душах посетителей. Ее работы вселяют в души радость, надежду на жизнь справедливую и веру православную.

Большое спасибо за труды всем, кто потрудился, чтобы ознакомить нас с этой прекрасной живописью. Да хранит их Бог.

*Руфова Вера Андреевна,
Ветеран труда, г. Москва*

10/23.10.2002 г.

День памяти Оптинских старцев

Святая Русь запечатлена в акварелях, рисунках, живописи, фотографиях, архивах Великой Княгини

Ольги Александровны! Особенно дорого увидеть родные места — Воронеж, Рамонь, Ольгино, Березово, Задонск и другие — родные леса, и поля, и сады, и дворцы, и дома, и любимых, дорогих, святых Русских людей! Слава Богу за все!

Сердечная благодарность Председателю Благотворительного Фонда имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны Ольге Николаевне Куликовской-Романовой, и всем организаторам замечательной, исторической выставки, и всем сотрудникам музея.

Желаю всем здоровья, духовной радости и передаю самые сердечные пожелания и приветы от своей семьи и православных мирян Москвы, Воронежа, поселка Рамонь, Ольгино, Березово.

С любовью о Господе,

*раба Божия Нина Дмитриевна Родионова
и другие паломники и богомольцы*

17.11.2002 г.

Искусство Великой Княгини есть вечное искусство творчества, исходящего от Творца. Ибо оно излучает любовь, которую чувствует и крестьянин, и Царь.

Я — крестьянский сын, и для меня непередаваемо трогательно видеть мир, который видит и любит Великая Княгиня Ольга Александровна и который передает в своем творчестве с необычайно тонким профессионализмом и радостью. И если учесть годы Ея творчества, трагичные времена 20-го века, то радость и любовь, которые излучают Ея работы, несомненно, помогли удержать равновесие самой нашей планеты Земля. И в любые времена Ея видение мира будет великим утешением и материнским заветом Любви, Красоты, Простоты и Радости. Ибо эти по-

нятия, переданные в творчестве Великой Княгини Ольги Александровны, — Божественны.

Н. Детков, режиссер

17.11.2002 г.

Поистине эта чудесная выставка живописных работ Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны явилась для всех нас в России, ныне буквально заливаемой потоками всякой антикультуры и гнуснейшей содомской нечистоты, благодатным откровением Чистоты, Красоты, Простоты, которые одни только и сокрушают все дьявольские козни и мерзкие горы бесовского господства.

Вся великая душа Художницы отразилась, как в зеркале, в сих восхитительных картинах, где в каждом трепетном прикосновении кисти читается любовь к Богу и Его творению, в котором Он отражается для тех, кто любит Бога.

С какой нежностью и теплотой изображены не только величественные храмы или пейзажи, или жанровые сценки, но даже простые дворики или уютные уголки комнат с обыкновенной геранью в глиняных горшках на окнах, что любая картина становится песней, священным гимном Жизни.

Благословенна Та, что подарила людям столько радости через свои картины, вечная Ей память, Царствие Небесное!

Низкий поклон столь многими любимой нашей Ольге Николаевне за ее любовь к родной России и великое усердие в делах благотворительных и за эту восхитительную выставку.

С любовью во Христе Иисусе,

*Схимонахиня Мария,
Алтарница храма Рождества Богородицы
во Владыкине, г. Москва*

Такова была реакция благодарных посетителей на эту уникальную выставку. Здесь представлены только наиболее яркие из отзывов. Полную копию нескольких альбомов, в которых нашли отражение зрительские впечатления, я увезла с собой в Канаду как своеобразный «отчет» перед Свекровью.

Хотя телом своим «багрянородная» Великая Княгиня Ольга Александровна продолжает почивать рядом с любимым ахтырским гусаром Николаем Александровичем в далекой канадской земле, духом, плодами трудов и любви Она вернулась на родимую русскую землю, чтобы не покидать ее уже никогда.

Часть третья

Достойный внук и сын

Рождение Тихона Николаевича было отмечено не салютом орудий Петропавловской крепости, как это было принято в Российской Империи, а пушечной канонадой и винтовочной пальбой на полях «революционных сражений».

В марте 1917 года Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна с дочерьми Великими Княгинями Ксенией и Ольгой и их мужьями, Великим Князем Александром Михайловичем и полковником Н.А. Куликовским, переехали в Крым. Здесь Вдовствующая Императрица находилась в течение двух с половиной лет, до апреля 1919 года, сначала в Ай-Тодоре, затем в Дюльбере и Хараксе. Пребывание в Крыму под строгим наблюдением «революционного народа» стало для них, можно сказать, заключением, полным нескончаемых оскорблений и унижений, голода и холода.

Большим утешением для Вдовствующей Императрицы было общение с внуками, особенно с маленьким Тихоном, сыном Великой Княгини Ольги Александровны. Как свидетельствовал лейб-казак Тимофей Ксенофонтович Ящик, продолжавший верой и правдой служить опальным членам Династии Романовых, Императрица Мария Феодоровна «изредка получала от сына короткие письма или почто-

вые открытки. Императрица была им очень рада, хотя, естественно, они не могли много рассказать о том, что в действительности происходило в Тобольске, где находилась Императорская Семья.

В ноябре 1917 года она написала письмо Императору Николаю Второму в Тобольск, где помимо прочего, говорилось: «Мой новый внук Тихон нам всем приносит огромное счастье...»*

Работники Государственного архива Российской Федерации любезно предоставили мне копию письма Великой Княгини Ольги Александровны своему Брату — Государю Императору Николаю II, в котором она, живописуя картины их нынешнего положения, в частности, пишет и о маленьком сыне Тихоне. Приведу выдержки из этого письма:

«Ай-Тодор. 1917. 28 ноября

Спасибо, милый, дорогой Ники, за твое хорошее письмо! Ужас, как я была рада его получить. Мама и Ксения тоже страшно обрадовались твоим письмам. Самое интересное письмо — было Ксенино — из которого мы узнали разные подробности из вашей жизни в Ц.С. Теперь наша жизнь чрезвычайно однообразна, и мы никого не видим, даже Соню... Погода испортилась и горы покрыты снегом — и довольно низко лежит снег. Недавно уехали мои подруги госпитальные — две сестры Веры. Им очень не хотелось ехать обратно; теперь работать очень тяж-

* ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1297. Л. 131. Императрица Мария Феодоровна — Императору Николаю II. 21 ноября 1917 г./ На русск. и фр. языках.

ко — нравственно приходится много переносить и приходится сестрам очень сдерживаться.

Мама была недовольна мной, что я писала об Апрак. тебе — но правда ведь она была несносна — а я привыкла писать вам все, что думаю! Теперь она сильно сократилась, и мне ее иногда даже жаль, т.к. она почти всем надоела и никто не хочет больше с нею сидеть или гулять...

Теперь она все хочет со мною идти гулять и собирать со мною сосновые шишки. Придется сегодня ее взять...

Татьяна Андр. почти никогда днем не гуляет, предпочитая сидеть у нас и нянчиться с Тихоном, пока он один, без нас; но вот один раз в сильный дождь она объявила мне о своем намерении сопровождать меня и одну из Вер на нашу прогулку. Мы стали ее отговаривать, но — желала во что бы то ни стало. Я имею зюйвестку — для гостей (кроме своей собственной желтой) — ну а третьей не было для нее, и вот мы пошли с корзинами, но Татьяна Андреевна по близорукости около самого дома (где еще не начали расти сосны) нагнулась и с жадностью схватила, что ей показалось — шишку! Увы! — оказалась вовсе не шишка — и ты можешь себе вообразить что! Она долго вытирала руку о сырую траву и мрачно шла за нами, спрашивая: "Долго ли еще идти?", а потом, когда дошли до сосновой рощицы (где "капище" стоит), она объявила, что хочет домой — и ушла! Совсем как маленький ребенок.

А на днях еще она потеряла дорогу от свитского дома к нам вечером; тоже был дождь и, конечно, темно. Она целый час блуждала по большой дороге и наконец набрела на казарму, где живут около оранжереи — рабочие. Отсюда ее доставили к нам, но в таком виде, что пришлось раздеть ее на кухне и

сушить до ужина!.. Она сидела в моем халате, подпоясанная полотенцем, т.к. халат ей был велик и висел вокруг нея до полу и на полу. Теперь же она достала себе фонарик и без него вечером не пускается в путь. Она по вечерам от 6-7 ч. читает вслух Маме, а оттуда торопится к нам, чтобы успеть видеть Тихона в ванне, после чего мы с нею ужинаем. Едим только какую-нибудь кашу — и молоко: сытно и вкусно. На днях приезжал на три дня по делам брат Ящика — тот самый, который в 94 году был у тебя... Я его узнала. Он теперь старый, седой и торчат уши. Привез очень вкусный сыр и масло. Последнее — очень трудно доставать здесь — и за очень большую гадость приходится платить теперь до 10 р. фунт. У вас, вероятно, хорошее масло и молоко. А молоко хорошее мы покупаем у муллы. Я тоже читала трилогию Мережковского — даже два раза и последний раз, когда стояли в Проскурове.

Прочти "Человек из ресторана" Ив. Шмелева. Удивительно написано и, наверно, тебе понравится. Я тоже 2 раза прочитывала, и оба раза с громадным удовольствием. Затем перечитывала теперь в Киеве "Братья Карамазовы". Вот тяжелая вещь, но удивительная — такая вещь, что кончая ее — можно почти сразу снова начинать. Читали ли дети? Я первый раз читала с Диной вслух лет 15 тому назад; конечно, только теперь понимаешь многое, но и тогда она сделала глубокое на меня впечатление. Затем для чтения вслух по вечерам прелестные вещи Апухтина: "Дневник Павлика Дольского" и "Архив княгини Н". Может быть, вы уже все это читали вместе? Я тут много прочла английских книг. Были очень хорошие между ними. Если вы можете выписывать себе книги из магазина, то могла бы написать список самых интересных. Сегодня 28 ноября — уже полгода

со дня смерти прелестной Ирины Долгорукой. Время ужасно быстро летит. Ея могила на очень красивом месте — крест лицом к морю стоит и оттуда вид на их дом, а сзади маленькая роща кипарисов и Ай-Петри. Мы с Ксенией туда ходили пешком — приблизительно месяц тому назад, через Мисхорский виноградник и оливковую рощу... Мама получила из Аничкова тот чудный портрет Папа, который у нея висел наверху, но стекло было сломано дорогою, и она так боялась, что тут, меняя стекло, как-нибудь не повредили бы портрету, что держала все у себя, не решаясь предпринимать шаги. Портрет сделан *pastel'ю*, т.ч. очень опасно держать его без стекла. Наконец, я попросила позволение сделать сама эту операцию — а получив разрешение, очень сама боялась, что испорчу, так как Мама меня пугала все время... Пока Мама пошла погулять, я все сделала с помощью Никиты и Васи — помощи которых я больше всего опасалась — и все кончилось благополучно...

В нашей квартире холодно, не больше 10-12 градусов, а утром и того меньше. Бедный маленький спит хорошо, но иногда ручки ледяные, когда ночью просыпается, и я беру его к себе в кровать, чтобы согреть. Боюсь с ним спать, чтобы не придавить какнибудь. Днем он в фуфайке и до половины завернут в одеяльце, так что тепло совсем. Вася опять простужен и 3 дня лежал в постельке и был очень весел и доволен, играя целый день с игрушками.

Больше пока ничего интересного, да и то неинтересно, что пишу! Итак, милый, дорогой, кончаю письмо. Скоро опять напишу одной из девочек.

Целую тебя крепко и всех остальных любимых.

Храни вас Господь Бог.

*Всегда любящая тебя твоя старая сестра Ольга**

В семейном архиве сохранилась также уникальная выписка из метрической книги местной церкви, где крестили Тихона. В документе читаем:

«О родившихся за 1917-й год.

Выданная Корлизской Вознесенской церкви, Ялтинского уезда, Таврической епархии.

Месяц и день рождения — август 12

Месяц и день крещения — август 21

Имена родившихся — Тихон, в честь св. Тихона Задонского, празднование 13 августа.

Звание, имя, отчество и фамилия родителей, и какого вероисповедания — Ротмистр 12-го Ахтырского гусарского полка Николай Александрович Куликовский — из дворян Воронежской губернии и законная жена его Ольга Александровна, урожденная Великая Княжна, оба православного вероисповедания.

Звание, имя, отчество и фамилия восприемников — Великий Князь Александр Михайлович и Вдовствующая Государыня Императрица Мария Феодоровна и Генерал-Майор Александр Никанорович Куликовский и Великая Княжна Ольга Николаевна.

Кто совершил таинство крещения — протоиерей Василий Попов с псаломщиком Лукою Лавриненко.

Подлинность настоящей выписи из метрической книги Корлизской Вознесенской церкви, Ялтинско-

* Письмо Государю. ГАРФ. Ф. 601, Оп. 1. Д. 1316. ЛЛ. 135-136, 196об.-198.

го уезда, Таврической епархии, за 1917-й год удостоверил Протоиерей Корлизской Вознесенской церкви Василий Попов.

Корлиз, № 56, 1919 года Декабря 5 дня»

С первых дней появления Тихона на свет его мать, Великая Княгиня Ольга Александровна, вела дневник, в котором записывала мельчайшие детали из жизни своего первенца. Одна из тетрадей, датированная ноябрем 1919 года, чудом сохранилась, пережив гражданскую и мировую войны. Вот что записывает счастливая мать о первых шагах маленького Тихона и о том, что творилось кругом.

«Тихон родился 12-го августа 1917 г. в 10 ч. 15 м. вечера в Ай-Тодоре "над погребом". Весил 8 фунтов, длина — 52 сант. В 8 года весил 22 ф., а в год 27 ф. — рост 74 сант. Начал ползать и подниматься в 7-месяцев, когда мы жили в Хараксе в квартире в Феодоровском доме; а начал ходить, когда было ему 1 год и пять дней, увидя, как ходит на задних лапках маленький белый наш пудель новый — "Лок", над которым он целый день смеялся. В это же время стал говорить "Мама", "Папа" и "Тпрр". Уже очень любит лошадей и оборачивается и глядит вслед каждой встречной лошади. Даем в ручки вожжи — он дергает ими и кричит "тпрр" — и весь тянется вперед! В 1 год 2 мес. начал любить смотреть картинки в книжках, перелистывает их и узнает животных. Коров называет "му".

Ходит "на маяк" и обратно пешком и во "дворец" к Бабушке — и тоже обратно (из "барака", где мы живем теперь).

Первый зуб (прав. нижн.) 28-го марта, 2-й вышел через 10 дней. В 1 год 2 мес. имеется 8 зубов. Очень любит покушать — лезет сам в шкаф искать хлеба. Любимое — рисовый густой отвар и пюре из моркови. Сосет разные каши из рожка и сырое козье молоко. Я его кормила сама почти до года.

Как-то удивил нас требованием, чтобы его подняли к двум образам, висящим около нашей кровати, и очень серьезно к ним приложился. С того дня почти ежедневно требует их целовать. Нигде он этого не видал. Вероятно — атавизм! Тоже стал бегать за нами с палочкой и пугать: смешно так — наступает из-за угла, приседает и держит двумя ручками палку перед лицом! По вечерам в прятки играет и бегает с криками по коридору и забегает в комнаты. Любит помогать одевать меня — и подает вещи сам: туфли, чулки и т.д.

ДЕНЬ ТИХОНА

В 5 ч. утра просыпается. Его забирает из спальни нашей Эмилия Ивановна и они исчезают в темноте. В гостиной при свете свечи они рассматривают картинки в книжке. В 7S мы пьем кофе, а Тихон сидит рядом за столом на подушке, в руке держит сухарь и получает S моего яйца. Затем тут же, откинувшись поудобнее на подушках, сосет свой первый рожок. После этого он идет в колясочке на воздух и там быстро засыпает часа на 1S или 2. В 12 ч. завтракает с большим удовольствием, получает пюре из овощей на первое, а на второе кашу какую-нибудь в чашке, сухарь грызет и допивает молоком. Вскоре после этого опять ездит по саду. Теперь ноябрь, так что холодно, и он лишь раз в день пешком ходит. Спит опять часа 1S и в 3 часа получает молоко одно.

После этого или ходит пешком и собирает в корзину шишки для растопки или опять его в коляске катают. До шести часов мы с ним возимся в комнатах, а в 6 ч. я его купаю, и он обыкновенно быстро засыпает.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ — НА КУБАНЬ

1-го января 1919 г. ст. ст. Папа, Мама, Тихон, Эмилия Ив., С. Можяева, Маша, "Лок", "Хлойка" — и Тимофей Ящик, Комов и еще Булыгин и Грамотин — вышли из Ялты днем около 4-х час. на пароходе "Константин". Народу было в 2S раза больше, чем мест. Спали вповалку всюду, даже на трапе! У нас была хорошая каюта с широкой койкой, на которой Папа, Мама и Тихон удобно размещались. На узком диванчике у нас же спал П.П. Комов.

На следующее утро какой-то чужой старый господин попросил позволение у нас помыться — и весьма тщательно это сделал, после чего поздоровался с Тишенькой за ручку и ушел!

Молоко скисло к вечеру второго дня, и кормили Тихона консервированным молоком. С 2-го на 3-е стояли у входа в Керчь в тумане. Погода была очень тихая. На следующий день к вечеру часа в 4 вошли в Новороссийск. Оставались на пароходе часов до 8, слушали пение некоторых пассажиров, а затем, разбудив и тепло закутав Тихона, поехали на вокзал. Там комендант пригласил нас подождать в его канцелярии. Тихон улыбался и весело глядел на всех, несмотря на то, что мы его недавно подняли с постели. Затем нас повели и посадили в губернаторский вагон. Страшно было удобно и приятно. Сам Кутепов зашел поговорить, а затем мы легли спать. Поезд должен был уйти в 11 ч. 40 м., поэтому мы только тронулись в 5 час. утра. Около 10 час. наш багаж-

ный вагон, который был прицеплен за нашим, соскочил с рельс и галопировал по шпалам. Я ужасно испугалась, тем более что ни тормозов, ни веревок для остановки поезда не было!.. Прошло некоторое время, пока удалось остановить поезд — все высовывались из вагонов и кричали, пока не дошло до машиниста — через 24 вагона.

Вагон отцепили, но на следующей станции — Крымской — он и Ящик благополучно нас догнали. Тихон целый день все смотрел из всех окон и радовался! Опять пришлось его разбудить до приезда на нашу станцию Албаши, и он весело встал, улыбался и удивил нас всех своей покладистостью. В 11 ч. ночи мы приехали. Александра Михайловна Искра с мужем нас встретили, и при яркой луне, морозе и сильнейшем ветру мы доехали до дому, т.е. до квартиры Тютюновых на площади у старой церкви. Было жарко натоплено, и на столе стоял ужин: гусь, сметана, молоко и пирожки! Закусив, мы все легли спать. Приехали 4-го января.

БОЛЕЗНЬ ТИХОНА

Прожили первые три дня благополучно. Тихон много бегал по дому, ездил на деревянной лошадке своей и на дворе в новых ботинках гулял и радовался птицам и свиньям... 7-го января Папа поехал в Екатеринодар на два дня. Утром Тихон съел свое яйцо, как всегда, и удивил меня тем, что сразу попросился обратно на мои колени и лег. С этой минуты он больше не разговаривал весь день и пролежал на руках, еле открывая глаза, когда его кормили. Днем поднялась температура, а к вечеру он сильно горел. Ночью в 3 часа его пронесло — совершенно ярко зеленым: очевидно, он отравился кусочками мыла, оставшимися в медной мыльнице, с которой

он накануне играл... Температура спала. Желудок расстроился совершенно. Он сильно тужился и по-видимому страдал очень. Ужасно было видеть его в таком состоянии. Мы наконец решили позвать местного доктора К.А. Хабахпашева; он оказался очень симпатичным. Он определил, что это дизентерия, отменил всякую еду и в первый день применил полную голодовку. Молоко запретил совершенно, и жил наш Тихон на одном отваре риса и яшневой. Но и без того у него не было аппетита. Так продолжалось у него недели две еще. Давали ему бисмут. Похудел страшно и глаза провалились и имели далекий взгляд. Ботинки желтенькие, которые не сходились вокруг его толстенькой ножки еще в сентябре, теперь стали ему широки. Постепенно, после третьей недели, наступило улучшение, и стали опять кормить его кашками с "toast" (сухарики). Аппетит огромный — все плакал о еде, а давать, понятно, много нельзя. Только 14-го фев. желудок совсем можно считать поправившимся и Тихона здоровым. Он давно уже выносился на воздух ежедневно и 2 раза катался с нами и был у бабушки.

Переехали на новую квартиру 12 марта к казаку Любарцу. Грязь на улицах была липкая и глубокая, и мы ехали на линейке, подобрав ноги... Новая квартира всем понравилась — и устроились очень уютно. Сразу стали копать и сажать огород, в чем Тихон очень хотел помогать и вертелся все время. Скоро подружился с детьми Любарца: Михайлой, Егором, Федькой, Антоном и Дунькой. Дуньку он называл "Каля" — и всех девочек так называет. Раза два ездили в степь с Тишкой слушать, как поют жаворонки, и собирать фиалки. Распрягали лошадей (Зурна

и Ковыль), и мы бродили между кустами фиалок, росших, как в клумбах, ножом вырезали с корнями и землей, чтобы у себя их пересадить. Долго жили, цвели и пахли в ящиках у нас в комнате. 8-го апреля была Пасха — ходили к бабушке. Там пасху с куличом ели — и были все маленькие Цуриковы: Саша, Котик, Оля и маленькая.

10-го апреля утром я рисовала из окна, как шли казаки с семьями друг другу в гости. Цвели черешни и жардели. Гуляли днем с Тихоном в саду около речки, где квакали на берегу лягушки и прыгали в воду, когда мы слишком близко подходили. В 6 час. Тишка купался, как всегда, и Мама его мыла, а затем в первый раз не спал у Папы и Мама, а его кровать переехала к Аве... В 10 час. вечера родился маленький брат Тихона — Гурий. На другое утро, когда Тишка прибежал посмотреть, что делают Папа и Мама, он увидел крошечного братца и очень смеялся и был доволен.

Через день после этого приехал дядя Аглашка, чтобы окрестить Гурия. Батюшка и псаломщик приехали и привезли купель. Пришла бабушка, тетя Саша, дядя Саша и Дуся... Мама лежала в кровати, на краю которой сидел Тишка и смотрел, как в другой комнате окунали Гурия в воду, как стригли ему пушок на голове и все такое. Затем вдруг Тихон заплакал и ушел, сам не зная почему. В тот же вечер уехал обратно на фронт дядя Аглашка.

Недели через три мы на целый день ездили в степь, беря с собой Тишку и Гурика. Пололи свою картошку. Было очень и очень жарко. Гурий лежал и спал в яслях в тени хатки, а Тихон все больше хныкал, просил пить и бегал за Дунькой, которая в свою очередь бегала за гусятами или за коровами. Скоро пришла пора сено косить, иногда нас с детьми брали, но большею частью детишки и я остава-

лись дома, в огороде, где в старой детской колясочке (подарок докторши) спал маленький, закрытый от мошкары кисей, а Тихон играл под старой большой грушей, где похоронили собачку Хлойку. Тихон называл это место, "где Авава байбай" или, "где амки бух" (в переводе "амки бух" означает, "где груши падают"). Как ни странно, но стоило только Тихону подойти под дерево, как начинали падать груши к его ножкам: "На счастье", — как мы смеялись. Клубники было порядочно у нас на огороде, и Тихон там просиживал каждое утро, наслаждаясь...

Под вечер к нашим воротам собирались хлопчики с нашей улицы — Емелька Чернобай приносил гармошку, и мы сидели на лавочке и на стволе огромного сваленного дерева, разговаривая и слушая его игру. Тихон очень веселил всех и все с ним возились, а также с нашей собачонкой "Локк", который пел под музыку.

В мае была клубника, редиска, салат, огурцы с собственного огорода. Затем черешни, вишни, сливы, шелковица, груши и лишь немного яблок. Наши соседи, молодые братья Черный, довольно часто перелезали через забор и вытаскивали нашу морковь и свеклу, но так ловко, что никогда не могли словить их. Сын старшего брата — ровесник нашему Тихону — Петька. В июле поспели жардели в таком изобилии, что я ничего подобного не видала. Наши куры даже не могли больше есть — до того много было...

Вечером, после жаркого дня, когда стемнеет и дети уже спят, я накрывала ужин на ступеньках вне дома и там же сидела, ожидая Папу с поля, где он с Петром и Алексом (два мадьяра) работал целыми днями, возвращаясь часов в 9–10 вечера. На этой лестнице (бетонная) я сушила фрукты и шпинат, т.к. от солнца она накаливалась и великолепно все сохло.

За это лето к нам многие приезжали: часть гостей — наши старые друзья и знакомые (бывшие офицеры Конвоя), дядя Робби 2 раза гостил 2-3 дня, затем раза два Шкуропатский. Приезжал познакомиться с нами адъютант генерала Драгомирова — мичман Розе. Он скоро к нам привык и мы к нему, и к концу лета он стал уговаривать нас бросить наше хозяйство и покинуть Кубань, т.к. становилось трудно из-за разных вопросов нам там оставаться. Сперва мы очень неохотно соглашались с ним, но уже осенью видно было, что оставаться нам дольше невозможно... Штаб генерала Деникина и все перешло в Ростов; Кубанская Рада открыто шла против Добровольческой Армии. Розе все устроил, чтобы мы с хозяйством переехали в Мелитополь, и ждал лишь, чтобы мы кончили молотьбу, чтобы помочь нам с переездом. Такой добрый мальчик.

Когда Гурию было лишь 6 недель, к нам приехала погостить, скорее к Аве, одна молодая сестра милосердия. Она нас поразила безцеремонностью своей. Сразу, как приехала, пошла мыть волосы на кухню и все утро ходила по дому и по саду босиком, с распущенными волосами, напевая песенку. Все-таки сама по себе она была милая особа, весьма разговорчивая, веселая и незастенчивая. На другой или третий день ее приезда мы сидели на балконе, а Гурий маленький спал в комнате на большой кровати, к кровати я приставила венский стул спиной и еще подушкой заложила, чтобы ребенок не мог упасть. И часто то я, то Эмилия Ивановна ходили посмотреть, не проснулся ли он. Пошла я опять в спальню — вижу, к удивлению моему, пустую кровать, чуть отодвинутый стул — ни подушки — ни маленького! Побежала я к Эмилии Ивановне, спрашиваю: "Вы взяли Гурия?" Не дожидаясь ответа, лечу обрат-

но, задыхаясь от страха и отчаяния. Отодвигая стул, вижу неподвижную фигурку лицом вниз. И так я крикнула не своим голосом, что все прибежали. Схватила его, перевернула, и — о, счастье, он улыбнулся мне!!! У души маленького слезы были на щеках, но он уже не плакал... Не понимаю, как никто из нас не слышал его голоса... Раздела я его, но никаких синяков или ушибов, слава Богу, не было на его маленьком любимом теле. Как раз в это утро мы с ним ходили в церковь и он причастился в первый раз... Долго после этого падения я все боялась каких-нибудь последствий и ругала и ненавидела себя — какое несчастье могло бы быть!

От сыпного тифа умер наш милый жизнерадостный молодой врач Хабахпашев. Вся станица горевала о нем. Его брат заехал к нам, чтобы объявить о его смерти и пригласить на панихиду в 3 ч. Мы с Николаем Александровичем собрались. Сели на тачанку и по страшной жаре поехали. Перед больницей стояли уже много тачанок и линеек, хотя было рано. Мы вошли в знакомую переднюю и открыли дверь в бывшую его спальню. Прямо перед нами стоял гроб и над ним согнутая фигура бедной Наталии Андреевны. Столько цветов, венков и народу никто в Новоминской не помнит. На руках понесли его гроб на станцию — добрых 3 версты.

“Дядя Роби” погостил у нас три дня на Троицу. Всегда такой же прелестный, порядочный и честнейший человек. Так хорошо его видеть всякий раз. Он теперь работает на фабрике, т.е. химическом заводе, где он пайщиком состоит. Ава и я практиковали много после смерти доктора и часто зарабатывали то утку, то петуха или кавуна огромного, банку меда и т.д. По утрам на кухню приходили больные — с костоедами, нарывами и т.п. Затем у меня была

моя пациентка — Ольга Черный, у которой родилась дочка — очень неблагополучно и она совсем умирала. Ее маленький ребенок умер через 4 дня — я редко видала такого сильного ребенка с таким умным выражением глаз. Нарочно дали умереть девочке — не кормили ее... Анисья Васильевна (бабушка) сама захворала рожей на ноге, и мы ее также лечили компрессами. Я очень любила семью Черных. Вообще у нас почти со всеми были хорошие отношения, и мы много-много чему выучились на Кубани за этот год.

Два раза заезжали к нам английские офицеры: один — с Мальты — Pelham Burn, он привез письма от Мама и разные весьма нужные вещи от Ксении. В письмах описывался их ужасный выезд из Крыма. Слава Богу, что мы раньше уехали! Мой Гурий бы родился в море, где-то между Константинополем и Мальтой. У нас чувство, что нас Бог хранит, и, когда минута настает, что мы должны предпринять какой-нибудь важный и решающий шаг, мы всегда одинаково решаем этот вопрос. Например, выезд наш из Крыма. Очень тогда было тяжело и трудно из-за Мама, которая так безумно сердилась на нас за этот шаг и никогда не простила Николая Александровича...

Раза четыре были мы в Латышском поселке версты за две от Новоминской у добрейшего толстяка и его толстейшей хозяйки Лениск. У них хороший каменный дом, сад и большая сыроварня. Они всегда нас поили чаем и кормили свежим сыром. Маленький Гурий раза 2-3 тоже ездил с нами, а Тихон раз был. Обедня по Воскресным дням и праздникам была в 6 час. Мы ходили, а затем напротив, у наших бывших квартирохозяев Тютюновых, пили утренний чай на веранде с ними. Ольга Аркадьевна такая ласковая и добрая, всегда называла меня "милочка", а мужа "Иустинечек"!

Много можно было бы писать о жизни нашей. В общем у нас такие хорошие воспоминания.

К концу лета из-за разных слухов часто становилось жутко по вечерам. Раз пришла к нам в дом партия казаков спрашивать, не спрятаны ли у нас офицеры. Я одна была дома, со мною казаки были вежливы, даже приветливы. Я попросила их обыскать дом, если они моим словам не верят, но они поверили, что никого не прячем — и ушли. Иногда ночью страшно делалось, когда разбудят невероятной пальбой на улице: все думала, что что-то случилось, но это были лишь пьяные казаки, выходящие из дома Коханки напротив. Шум, брань, песни и пальба — всегда будила нас накануне всех праздников. Дом Коханки притягивал всех!

Сентябрь приходил к концу, и мы все понемногу укладывали и готовились к отъезду втихомолку. Лишь в последний день сентября Розе за нами приехал и начали грузить коров, коней и все наше добро. Нам дали трехвагонный экспресс-поезд с офицерским составом — человек 8. Кончали грузиться лишь к 12 ч. ночи, и тогда мы простились с нашими добрыми хозяевами Любарцами; он был вдребезги пьян, все целовался с нами и жалел, что мы покидаем их. Самое трудное — было ловить наших кур. Днем прямо невозможно было, а пришлось дожидаться вечера и при свете свечей ловить их сонных в курятнике при душераздирающих криках. Пыль ужасная была, и свеча много раз тушилась во время борьбы с курами... Была чудная лунная прохладная ночь, но почему-то я боялась этой поездки — мне казалось, что нас где-нибудь по пути остановят, имущество отберут. Ведь время такое, что вывоз чего бы то ни было с Кубани был строго запрещен. Ничего не случилось, мы благополучно проехали мимо боль-

шой толпы казаков с девушками на мосту, где гармошка играла, плясали и что-то нам кричали. Гурий проспал всю дорогу, а Тихон проснулся и лежал на руках у Авы, тихо глядя вверх на луну. Куча офицеров нас приветствовали тихо и помогли в вагоны влезть. Около 15 ч. ночи мы тронулись.

Офицеры сами немного опасались границы Кубани, где могло быть столкновение, но все прошло гладко, и на другое утро мы уже стояли на боковой линии в Ростове. Слух разнесся, что Мелитополь в руках Махно и что поэтому нельзя нам дальше ехать. Розе поехал в город к своему начальству узнать, что делать. Ответ пришел: "Ехать. Пока доедете, все будет ликвидировано". У меня на душе стало беспокойно, я чувствовала, что не надо ехать. Через часа два вдруг вошел в вагон молодой человек в казачьей форме, представился — Петр Васильевич Карташев — и сразу успокоил меня словами: "Вы, конечно, отсюда дальше не тронетесь. Я все устрою. Найду вам пристанище в городе". Он много еще говорил, спрашивал, довольны ли мы его офицерами, которые нас везли, поиграл с детьми, представил своего брата Тихона Карташева, сказал, что они Воронежские и исчез.

Розе был в диком восторге, что остаемся. И слухи о Мелитополе подтвердились. Часа в 4 приехал за нами мотор и повез нас к вдове табачного купца К. Дали нам 2 комнаты, и все поместились и хорошо жили у доброй женщины. Кормились мы с нею и ее 2 детьми. Часто баловал нас ее покровитель Ананий Сиуанов — свежей икрой и т.п. Был за домом садик, и там сидели с детьми. До 5 октября жили тут, затем помогли нам выехать за Ростов в так называемое дачное место "Армянский монастырь". Много пустых разоренных дач без окон и с вырванными дверьми стояли в "парке" — сады, заборы и сами дачи заросли диким

виноградом, листья коего были уже ярко красными, как кровь, и давало неудобные мысли... Наша дача стояла над парком, уже в степи рядом с пустынным армянским монастырем. Окна все были разбиты, но мы заткнули их старыми мешками с соломой. Одна большая печь топилась и грела все 4 комнаты, и стало довольно уютно. Раз днем посетили 2 члена Рады, пили чай и смеялись, когда я на их вопросы ответила, что очень уютно живем! 23 октября, в день рождения Николая Александровича, провела с нами день милая Бабушка Ев<докия> Ник<олаевна> Куликовская (урожденная Харина. — *О.Н. К.-Р.*) — это было последний раз, что мы виделись на этом свете!»

В декабре 1919 года Великая Княгиня Ольга Александровна пишет письмо своей матери Вдовствующей Императрице Марии Феодоровне в Данию, которое как бы дополняет и продолжает дневник. Маленький Тихон продолжает расти и еще не понимает, как сгущаются тучи над его крохотной головкой и головами его любящих родителей. Письмо написано по-английски, в присущей Великой Княгине афористической манере, поэтому при переводе я постаралась в первую очередь донести смысл письма, чтобы читателям было понятно.

*«Ростов, 19-го декабря 1919 года.
Армянский монастырь*

Моя дорогая Мама!

От всего сердца благодарю тебя за твое второе письмо из Хвидера (от 5-го октября). Оно шло ровно месяц. Теперь я надеюсь, что к этому времени ты получила все мои? Во всяком случае то, которое

я послала с Поляковым, так чтоб ты по крайней мере знала, где мы. Это была большая радость получить весточку от тебя...

После такой теплой погоды в ноябре, 8-10 градусов тепла, вдруг заморозило, и сегодня 14 градусов холода. Нет снега, а теплое солнце. Странная погода! Я надеюсь, что Ящик на днях появится. Итак, ничего не получилось из наступления Юденича, от которого все петербуржцы до сих пор ждут избавления. О! Это ужасно. Все рухнуло, и чувствуешь себя беспомощным и грустным. И я надеюсь, что не буду себя так же плохо чувствовать в дальнейшем. И человек себя иногда чувствует изнуренным.

Мы часто сидим с "Кукушкиным" (Н.А. Куликовский. — *О.Н. К.-Р.*) и вспоминаем былое: Гатчину, наш полк, наши поездки, пикники и каждую мелочь. В письме, которое я послала тебе с датским консулом, я вложила три фотографии детей и рисунок Тихона. Я надеялась, что ты получишь это к Рождеству, но, конечно, ты не получишь... Итак, Аксель целует свою жену все время! Так же как когда-то Ксения и Сандро. Мне это не нравилось, когда я была маленькая, и обещала себе никогда этого не делать "*devant les gens*" "на людях" (публично), и мы этого не делали, не так ли?! Почему Aage — датчанин — пошел и поступил на службу в Мец во французский полк? Ты говоришь, что он счастлив, что он пошел туда служить. Я бы этого не сделала, т.к. там нет идеи и мог бы сидеть себе уютно дома в своей собственной стране. Кики пишет, что сейчас похолодало в доме, и ты обогреваешься электрической печкой. Это ужасно.

15 декабря

Я давно начала это письмо, и все летит в там-тарарам с тех пор. Вожди потеряли головы,

и впечатление такое, что они даже не скрывают этот грустный факт. Говорят, что большая паника в Ростове, но здесь в тихом монастыре мы иногда получаем новости через мячмана Розе. Итак, мы опять сидим все запакованные на наших сундуках в наших пустых солнечных комнатах, ожидая последние новости. Одеться и ехать на станцию (если мы получим вагон) или, если не сможем, то у нас все-таки еще есть лошади и телеги. Как все рухнуло за такое короткое время — поразительно! Как-то я даже не верю и не чувствую этого вовсе. Какое ужасное впечатление от эвакуации в Ростове должно произвести на каждого... Мы все болеем простудой — даже бедные дети. Началось с сильнейшего кашля, температура и потом жуткая головная боль и было трудно дышать. Ужасно! Мое ухо болело всю ночь, и я себя ужасно чувствовала. Как раз не вовремя, когда я должна себя хорошо чувствовать, быть готовой к любой экстремальной ситуации. Слава Богу, дети опять выздоровели. У Тихона была температура только один день, и маленький тоже только один день чувствовал себя грустным. У него уже второй зубик и кашляет только по утрам. Конечно, очень тяжело младенцу откашливаться. Мы должны были продать наших коров... Мы до сих пор держали две. И я не знаю, что мы будем делать, т.к. мы не знаем, куда мы идем. Лукомские хотят, чтобы мы поехали в Крым, но не приветствуем это, т.к. там мы ничего не получим.

Но мы все-таки надеемся на возможность поехать на Кубань..., так по крайней мере можно себе заработать на хлеб насущный, и это на сегодняшний день все, что человек может желать... Как я благодарна и счастлива, что мое волнение меня покинуло.

Однако положение просто ужасно.

Тихон делается милым и более компанейский с каждым днем. Он задает невероятное количество вопросов и когда он не совсем понимает — он делает гримасу, качает головой вверх-вниз и говорит: “Да-да-да”. Он очень осторожен со своим маленьким братом, говорит ему, что он не должен класть в рот то или другое, потому что у него заболит живот. И Тихон такой осторожный человечек, что мы позволяем ему носить стаканы; даже ножи и вилки и наши драгоценные несколько тарелок, т.к. он так осторожен. Даже если есть какой-нибудь беспорядок в комнате, он сразу же исправляет — или если он не может, он зовет кого-нибудь помочь ему. Душка!

Кто-то только что бежал из Харькова и привез застарелое письмо от бедной бабушки “Кукушкина”. Она посылает нам свои любимые старые фотографии ее детей, чтобы мы их сохранили и кое-какие документы. И говорит, что там (т.е. в Харькове) большевики. Лицо, которое приехало оттуда, говорит, что поскольку там остаются немецкие офицеры, то они сдерживают бесчинства большевиков. Нас ожидают еще много сюрпризов, и все, конечно, неприятные, я бы сказала... Ох! Пройдут годы и годы, прежде чем наша страна отойдет от этого потрясения и удара, которые перенесла в эти последние годы.

Наш друг Комов продолжает быть странным и сам не свой. Вместо того, чтобы помочь, он только создает трудности: заставляет Можаяву (няня детей. — *О.Н. К.-Р.*) убирать его комнату, которую он мог бы убрать сам, и все время плачется, что он должен сам чистить свои собственные сапоги. Если мы в эти дни все будем сидеть и жаловаться вместо того, чтобы переменить наши привычки и приспособиться к жизни, которую мы ведем, ничего не будет сделано вообще. Я в восторге от Эмилии (Мимка —

другая няня детей. — *О.Н. К.-Р.*), она замечательная. Иногда я стыжусь, что я ее втянула в такое положение, но такое впечатление, что она ничего не имеет против, и она всегда такая веселая!

В настоящий момент она и я мы настолько глухи, что мы слышим только половину того, что нам говорят. Оно, конечно, скучно, но мы все втроем надеемся, что это все пройдет (мы не в отчаянии). Мы слышали, что мы, может, попадем на Кубань, и мы, конечно, очень рады (в восторге). Генерал Д. и его окружение наступают опять на Екатеринодар. Лукомский со своими помощниками и министрами идут на Новороссийск. А другая часть идет на Крым. Вообрази, как они смогут работать, когда между ними будет море. Вчера после обеда части кубанских казаков взяли армянский поселок, и теперь всякие беженцы проезжают мимо. Чтобы было больше похоже на войну, пришли офицеры и заняли позиции. Странно и как невероятно — так близко к Ростову, будет ужасно, если Ростов будет взят, но как-то мне не верится, что это может случиться. Сегодня понедельник, и в четверг мы думаем двинуться.

19 декабря

Я продолжаю мое письмо. Очень холодно и много снега. Мы не послали наших лошадей и вещи в город, и ждем завтрашнего дня. "Кукушкин" отморозил одно ухо, и оно распухло и страшно болит. Масса беженцев пронеслись мимо них по дороге, и они не знают, куда идут. Мы собрали все наши вещи в две комнаты, а остальные две комнаты предоставили куче бедных людей. Всего 23 человека из Харькова оказалось в нашем поселке, и 12 из них с женщинами и детьми разместились в двух наших комнатах. Вокруг нашего дома — бедные жалкие ло-

шади, привязанные к телегам и саням, и их более несчастные извозчики, которые были мобилизованы, у многих из них отморожены ноги и руки! Никто их не кормит и не поит, и они спят всю ночь на морозе. И таким способом из бедных людей делают большевиков, так как они говорят, что их третируют как собак, пока господа устраиваются в теплых комнатах. Все жалкие остатки из конезаводов из Харькова привели сюда, бросили на морозе, не дали есть, пить. "Кукушкин" ухаживал за лошадьми, а теперь заботится о людях. Он, конечно, отдаст все наши последние остатки картошки и кукурузы (не может человек оставить голодными полузамерзших людей, и говорит, что это очень трудно — брать мешки с собой... Говоря, что на Кубани можно купить дешевле, я чувствую себе так благоустроенной и так стыжусь того же, когда я смотрю на этих бедных людей, которые разорились и оторвались от своих домов и детей. Итак, мы завтра двигаемся, и я тороплюсь закончить мое письмо тебе, дорогая мама, и отошлю его до того, как мы уедем. Неизвестно, когда будет еще возможность написать».

На этом письмо прерывается. Затем Великая Княгиня продолжает его, видимо, находясь уже в пути:

«Возможно, что мы проведем Рождество в вагоне, стоя на каком-то полотне, т.к. все загружено и поезда стоят днями и днями. Постоянно люди открывают двери и просят кусок хлеба. Даже начальник эшелона — офицер только что вошел и, смотря на меня, просит: "Может быть, полковничья жена (т.е. я) даст мне кусок хлеба. Я тоже голоден". Это ужасно, т.к. мы взяли с собой припасов только для

нашей поездки, но тем не менее нельзя отказать голодным людям. Тихон страшно удивлен, и даже смеется, видя такие вещи. Снаружи снег лежит как подушки на каждой ветке, и деревья и все это в ярком солнечном свете. Замечательно красиво! Но ветер и температура приблизительно 18 градусов мороза. "Кукушкин" пошел в город с нашими вещами, привязанными к телеге и саням, я замотала его ухо, которое потрескалось и пошло большими волдырями, как ожог, и он похож на раненого в голову. Тихон развлекается, играя с кусочком веревочки. <...> Маленький спит, т.к. его разбудили солдаты, когда вошли выносить наши вещи, и он был сонный и ослабленный все это время, пока он не заснул приблизительно в 10 часов утра. Сейчас после полудня я только что гуляла с собакой и посетила в последний раз красивый парк — весь под снегом. Солнце садилось, и все было залито желтым и оранжевым светом. Наши новые соседи — они очень шумные и слышно каждое слово. Лошади настолько устали, что они валяются на снегу и спят. Наша кухня была завоевана и отобрана ("взята в плен"). Между прочим, вчера квартирмейстер хотел выкинуть семью "Кукушкин", но мы не поддались. Через два дня будет Новый год за границей. Интересно, что этот Новый год нам всем принесет? Счастье, что никто не знает заранее. Тихон был очень мил со мной эти дни. У него очень хороший и добрый характер и он очень добр, слава Богу. Он всегда полон внимания и старается помочь, где только можно. И он нас смешит. Особенно если кто-то несет что-то тяжелое, он бежит и держит это тоже с серьезным лицом, думая, что оказывает большую помощь. Он даже не думает забыть тебя, и вчера он опять говорил о тебе и вспомнил что-то в Крыму. Ты думаешь, что он

действительно помнит вещи до 2-х летнего возраста? Есть люди, которые помнят. Но действительно такие люди очень редки. У меня нет времени писать Ксении, то, пожалуйста, передай дорогой мой привет, любовь и поцелуй ее. У Гурия режутся зубы, и он был очень грустный и держал голову на моем плече и палец во рту. Вероятно, верхние выйдут на сей раз. Фронт приближается, и я довольна, что поездка в город с моими детьми, с одной стороны пугает меня, но с другой, когда я посмотрю вокруг меня, я вижу, как у других людей то же самое и даже хуже. Помогите им, Господи! И я успокаиваюсь и надеюсь на лучшее. Можаява меня насмешила. Она посмотрела на двоих детей и с самой серьезной миной сказала: "Как же мы вас возьмем с собой, если вы как набитые кукулы?"

Вечером вдруг открылась дверь, пока мы ужинали, и с извинением вошел офицер инженерных войск с сопровождающим — их послали делать окопы. Но они остановились здесь на ночь и просили нас приютить их на ночь в углу. Мы их накормили, они были очень милы, выпили 4 стакана чаю и много говорили, они спали в углу на сене в маленькой кухне. Между прочим, мы тоже спали две ночи на сене, и это очень удобно и мягко. Мы послали наши кровати, т.к. они очень тяжелые, и неизвестно, можно ли их было бы взять с собой в последнюю минуту. Два этих офицера вернулись из Сибири от Колчака после того, как он был разбит этой весной. Один, молодой, имеет снежно-белые волосы (седой) и очень старое лицо, видно, бедняга, пережил много. Ох! Вчера мы получили сообщение, что в марте отец "Кукушкина" умер в Германии, а мы все это время ничего не знали. Вчера офицер вернулся и встретился с К<укушкиным> и сообщил эту груст-

ную весть, что его "загрызли вошки". Как раз его, который был такая чистюля. Бедняга старик, он становился все слабее и слабее, пока не умер...

Я получила длинное письмо от Бэби Лейхтенбергской от октября, и пришло оно открыто через английскую миссию, и кроме того по почте через Екатеринодар. Но это не важно, главное, — что дошло. И была счастлива снова получить весточку от нее. Бедные дети Жижи, кажется, все в Петербурге. Ну, теперь я должна остановиться.

Благослови тебя Господь, дорогая мама.

Пиши чаще, отвечай скорей. И неважно, если я получу твои письма все сразу. По крайней мере я буду знать, что ты делаешь.

Целую и люблю Алекс и Торию. Ксению, конечно.

Я обнимаю и целую тебя, моя дорогая старушка. Пиши скорее своей любящей тебя и старой дочке.

Ольга

Вскоре угроза попасть в руки большевиков и разделить участь Царской Семьи заставила семью Великой Княгини Ольги Александровны навсегда покинуть бунтующую Россию и отправиться в Данию, чтобы воссоединиться с родственниками. Позже Тихон Николаевич опишет проведенные в Дании годы в своем дневнике. Эти записи полны милых деталей, которые сохранила память, и начинаются буквально с полуслова. По крайней мере те листы, что мне удалось найти и разобрать.

«На второй день наша семья ехала на рождественский завтрак к младшему брату короля — принцу Густаву. Он был холостяк. И холостая же его сестра

принцесса Тюра, жившая в Копенгагене, тоже приезжала к нему. Он был любимец своей матери, и она ему оставила "Эгелунд" ("Agelund") — огромный барский дом в обширном парке, местности к северу от Копенгагена. Будучи холостяком, он жил там один, но не одиноко. Навещали его разные родственники, товарищи по его службе в Гвардейском Полку (Life-guards), который он покинул давно, но который он страстно любил и с которым продолжал поддерживать связь, появляясь в полной форме полка на маневры, юбилейные праздники и тому подобное.

St. Olga's Day — Ольгин День

Кроме Пасхи и Рождества, в нашей жизни были еще Мамины Именины, посреди лета. "Ольгин День" был очень популярный праздник в России. В Дании же, так как тут жила Сестра последнего Государя, Вел. Кн. О.А., этот день был как бы праздником всех русских эмигрантов. Если он выпадал на Воскресение, то конечно мы ехали в церковь, где после обедни служился торжественно молебен. В противном же случае отец Леонид приезжал к нам со всей семьей и тоже служил краткий молебен, а после обеда начиналось шествие поздравителей. Обыкновенно всегда была хорошая погода. Датский флаг, поднесенный в свое время Маме, "Fra det Danske Folk" (От Датского Народа) развевался высоко на флагштоке, и в саду было накрыто множество столов с бутербродами и пирожными. Стоял самовар, окруженный чайными и кофейными чашками. Сад жужжал радостными восклицаниями и веселыми разговорами. Спиртного не подавалось».

Здесь уместно прерваться и несколько слов сказать о воспитании Тихона Николаевича. Он воспи-

тывался дома вместе с братом Гурием. У них были преподаватели, которые приходили давать им уроки на дом. Как ни странно, спустя многие годы в Сан-Франциско я повстречалась с сестрой одного из тех преподавателей. Сдавать экзамены они ездили в Германию, в Берлин, в русскую гимназию, которая имела государственную лицензию, благодаря чему ее выпускники получали признаваемый всеми государственными учреждениями аттестат о среднем образовании и могли поступать в высшие учебные гражданские или военные заведения. Такой русской школы или гимназии в Дании, где жил Тихон Николаевич со своей матерью Великой Княгиней Ольгой Александровной, не было. Потом, когда Германия начала терять свой престиж, они стали ездить сдавать экзамены экстерном в русскую гимназию в Париж. У меня даже есть фотография, где Тихон сфотографирован вместе с князем Владимиром Кирилловичем, будущим отцом княгини Марии Владимировны и дедом принца Георгия Гогенцоллерна, — они были из одного класса, — стоящими по обеим сторонам от Почетной Гостыи — Великой Княгини Ольги Александровны, а рядом их окружают другие ученики.

Из сдачи экзаменов экстерном В.К. Ольга Александровна с сыновьями устраивали своеобразную ознакомительную поездку по Европе: они ехали сначала в Париж, а затем уже посещали другие страны. И так каждый год, что, безусловно, способствовало расширению кругозора детей и было в традициях воспитания русского образованного общества,

когда ученики, студенты или выпускники учебных заведений знакомились с достижениями западноевропейской науки и культуры. Получив начальное образование, Тихон Николаевич, по романовской традиции, решает получить и военную подготовку. Вот как он сам об этом вспоминает:

«Я СТАНОВЛЮСЬ СОЛДАТОМ

В 1935-м году мы с братом получили аттестат зрелости, сдав экзамены на "башо" (т.е. на бакалавра. — *О.Н. К.-Р.*) в русской гимназии в Париже. Наступил вопрос о дальнейшем образовании. Мне, с раннего детства, хотелось быть военным. Но мы не имели датского подданства, а, как большинство русских эмигрантов после революции, жили с так называемыми "Нансенскими паспортами". Значит дорога на офицерскую службу была закрыта. Принимая во внимание, что значительная часть моей жизни прошла в имении, осенью 1935-го года я, по совету отца, поступил в знаменитое датское училище "Kongelige Veterinaer og Landbo Højskole" на агрономический факультет.

В первый год химия преподавалась в огромной аудитории, где все "новички" были вместе: агрономы, землемеры, ветеринары, лесники, садоводы и пр. Преподавал, с помощью своего эмануэнсиса (по фамилии Дам) старик-светило своей науки — профессор Нильс Бьеррум (Bjerrum), человек близкий к будущей знаменитости — профессору Нильсу Бору (Bohr), впоследствии одному из творцов атомной бомбы.

Профессор Бьеррум раз заговорил на лекции нам о теории расщепления атома. В те далекие времена он не только сомневался в возможности расколоть атом, но добавил обратное: а что если начать

раздроблять атом? Можно ли будет вообще остановить таковой процесс?

Не получится ли полное уничтожение всей материи, как мы ее знаем?..

Дни в школе летели быстро. Интереснейшие лекции, работа в химической лаборатории, в чертежке, разные экскурсии и пр. В довольно длинный обеденный перерыв случалось, что в кантине ("cafeteria") велись политические диспуты. Социал-демократы, консерваторы, национал-социалисты в сапогах и партийных значках в петлицах, "conciencions objectors" (пацифисты) с их знаком сломанной винтовки — там же, ожесточенно спорили друг с другом. Но, по складу датского характера, обыкновенно доказывали свою правоту поднятием на смех своего оппонента. И чем громче хохотали слушатели, тем тотальнее была победа над противником. В общем дружба, товарищество и уют совершенно не нарушались. Для меня все эти чувства были новы. Ведь я в школу не ходил. Поэтому я не сталкивался до сих пор с понятием товарищества. О нем я лишь читал и слышал. А тут оно было наяву, хотя и в довольно аморфной форме. Мне захотелось большего. Я пошел на серьезный разговор с моим отцом, сказав ему, что фермером быть меня не тянет, но <привлекает> именно общение в этой школе с огромным количеством "одноклассников" с их духом товарищества и т.д. Я теперь совершенно уверен, что хочу быть военным.

В зиму 1936-37 я пошел на частный курс "мариэндам" — один из трех в Копенгагене, готовивших кандидатов к вступительным экзаменам в офицерскую школу.

Принцип был таков: гимназистам ("sproglig Student") нужно было сдать добавочный экзамен по математике, а мне — реалисту ("Matematik student") —

по языкам: немецкому, английскому и французскому. Мне, имеющему французское "башо", французский экзамен сдавать не нужно, решил начальник школы, старый полковник, большой "франкоман", "франкофил".

На этом же курсе, я, сам для себя, прошел правописание датского языка, в котором был слаб.

Параллельно взял уроки гимнастики по вечерам, совершенно приватно у капитана Расмуссена, на прыжки и прочее, что тоже требовалось для вступительного экзамена и в чем я — толстый подросток — был слабоват... И сам по себе ходил в городской бассейн для проплытия необходимого расстояния.

Вопрос же о подданстве никаких задержек не представлял — Король Кристиан X предлагал давно моим родителям взять датское подданство и был даже обижен их отказом. Зато он был в восторге, что я захотел служить в ЕГО АРМИИ! Его любовь и гордость армией и флотом коренились глубоко в душе старого Короля. Он сам был первым в Датской Королевской Семье пожелавшим и прошедшим военную службу, начиная с рядового рекрута!

10-го Мая 1937-го года распахнулись большие решетчатые ворота гвардейской казармы на *Gothersgade* (Готерсгаде — улица в центре Копенгагена. — *О.Н. К.-Р.*) — и я, в толпе молодых людей в штатском, ввалился на казарменный плац. Тут уже группировались все наши будущие командиры: офицеры, унтер-офицеры (*seargents*), ефрейторы (*lance-corporals*) в синих выходных мундирах и при саблях. Нас быстро разбили на группы по 10 человек, и повели пригонять рекрутские куцые голубые мундиры, одну пару сапог и выдали по винтовке. В те времена, все солдаты звались по номерам и я стал на дол-

гое время просто "404". Принцы получали номера с двумя нулями и числились по 1-ой роте 1-го батальона. Таким образом, "Маленький Вальдемар" (граф Розенбургский) сын принца Ааге, служившего во Франции, приехавший из Италии, стал № 200, по росту попал во второй взвод моей 4-ой роты, но носил на темляке кисточку красную 1-ой роты, тогда как мы все остальные — оранжевую.

Теперь предстоял марш от казармы до станции электрички... sterport, чтобы ехать в... лагерь для гвардейских рекрутов, и необтесанную толпу нужно было превратить в колонну, идущую более-менее в ногу. Десятка, в которую я попал, досталась самому командиру нашего 1-го взвода — (second-) лейтенанту Ергену Хагеману. В своем высоком, серебряном воротнике и с писклявым голосом он казался новобранцам надменным представителем "высшего класса", что в последствии еще подтверждалось тем, что у него был белый гоночный автомобиль... В последствии он пал добровольцем против большевиков в Финляндии, при осаде Гангута.

Моим ближайшим начальником во взводе (Deling Platoon) был "корнет" Тэйсен (Tejsen) — энергичный, толковый, корректный и симпатичный молодой человек. Нужно отметить, что тогдашний датский чин "Kornet" не соответствовал былому русскому "корнету" в русской кавалерии, а был унтер-офицерским. В конце 17-го — начале 18-го века, когда появились регулярные армии, в роте или эскадроне полагалось 3 офицера. Старший — капитан, т.е. глава, от латинского "CAPITA". Его помощник, а значит и заместитель звался по-французски lieutenant. 3-й же офицер сам нес ротное знамя и назывался просто "знаменщиком". На разных языках получались его чины: "Фендрик" от немецкого "Фанэ", прапор-

щик или хорунжий от русских прапор, хоругвь и наконец, корнет от имени, данном знаменам французских драгун, — "cornets".

Каждый день в армии был для меня полон новых ощущений и веселья. Физически муштра была тяжелая, но все добровольно давали свои силы до последней капельки. Как-то с самого начала вселялась в нас гордость, что мы должны стать лучшими во всей армии, а следовательно и лучшими людьми в стране. Когда нас бранили сержанты, то они патетически хватались за свои головы и кричали: "Господи, помилуй!" и ЭТО "цвет датской молодежи! на что же похожи все остальные?.." Я лично побаивался сержантов. В особенности на фехтовании на штыках, несмотря на то, что ружья были ненастоящие, а на нас были надеты кирасы и стеганные подушки, если сержант захотел бы, то он мог любого из нас здорово больно отдубасить... Вообще же я ощущал к ним и огромное уважение, и любовь как к старшим товарищам и знатокам солдатского дела. Мы лишь начинали, а они уже прошли две школы (капральскую и сержантскую), т.е. были минимум на 25 года дольше нас на службе.

Командир 3-й роты 1-го батальона был фон Фрейслебен — офицер способный, но и карьерист, в конце концов вернувшийся в полк командиром полка.

Но, конечно, главная тяжесть обучения рекрут лежит на помощнике командира роты, и у нас был очень прекрасный премьер-лейтенант Краруп, голубоглазый любимец дам, хорошо сложенный, но небольшого роста. Свое рекрутство он прошел в каком-то пехотном полку и перешел в Гвардию уже в офицерском чине, по собственному желанию и — конечно — по приглашению товарищей.

Он был психолог. Умел воодушевлять. “Кислых слов” от него не услышишь. Наоборот: “Вот это было сделано хорошо; — а ну-ка попробуем сделать еще лучше!” И мы, солдаты, то что называется, “из кожи вон лезли”, чтобы ему угодить, чтобы пред ним “блеснуть”...

Пожалуй, самым большим происшествием рекрутского обучения был большой “поход” всем батальоном на север в лагерь у озера Аррэсе. Там мы проходили полевую стрельбу в пересеченной местности (поля, холмы, небольшие плантации елок и т.д.), полевую стрельбу на большом участке государственной земли, кончавшемся морем.

На марше, во время полуденного привала (отдыха) нас вызвали: “200 и 404!” Когда мы вдвоем подбежали, один из корнетов вручил нам большую корзину с пивом и яствами от “дяди Гюсэ”. Вдали, в группе наших обер-офицеров, мы увидели принца Густава. Он был, как и все, в защитном мундире. Мы вытянулись “в струнку” (*in impeccable “attention”*) и отдали ему честь (*and saluted*), на что Брат Короля весело помахал нам хлыстиком.

Затем мы сели вдвоем у каких-то снопов и насладились давно невиданными лакомствами...

В лагере, высоко над озером, мы жили в палатках. Причем здесь нас будил не рожок, а весь гвардейский оркестр, маршировавший через лагерь и игравший марш “Вступление в Париж” — традиция, введенная моим державным Дедом Императором Александром III в бытность его шефом нашего полка.

Другая традиция была “*Tappensteg*”, т.е. солдатское веселье перед тем, как трактиры закрываются на ночь. Происходило это так: вечером мы все шли к городку. Появлялся полковой оркестр и становился перед нами. Затем вся процессия вступала в горо-

док под лихой марш. Солдаты шли с факелами, рядами во всю ширь улицы, держась друг за друга под руки. На панелях стояла толпа зрителей. В начале шествия — знакомые, а за ними и более бойкие девушки (girls) врывались в наши ряды и, конечно, ошастаивали тех рекрутов, подручку коих они цеплялись. Пройдя по улицам, веселая толпа останавливалась перед отелем, где находились приехавшие гости, принцы, графы, генералы и прочие выдающиеся граждане, когда-либо служившие в Гвардии.

Оркестр давал концерт, кончавшийся "зарей". Офицеры и гости входили в отель, а мы, веселые и шумные, шли через лес назад в лагерь, где, конечно, проверялись у входа, все ли тут.

Этим лагрем, полевою стрельбою (sharp-shooting with whole platoons) фактически кончалась рекрутская школа и, возвратившись в Егерсборг, мы принялись за изучение тонкостей службы и парадов, связанных с почетной охраной королевских дворцов. В это же время отбирались подходящие кандидаты, чтобы зимой пройти кто корнетскую, кто капральскую школу. К сожалению, в начале моей рекрутской службы я неудачно прыгнул и страшно растянул сухожилие в щиколотке. Даже лежал в военном госпитале в Копенгагене. И отсутствовал из строя слишком долго. Основываясь на этом, в школу меня послать отказались. Мы, остальные, получили гвардейские мундиры с королевскими вензелями на погонах и медвежьи шапки и как "старые гвардейцы", переехали в гвардейскую казарму в Копенгагене, оставив Егерсборгский лагерь для следующей партии рекрутов. На счет же дальнейшей моей военной карьеры мне было сказано, что весной, когда мои товарищи пойдут уже домой, вот тогда, потеряв всего полгода, я смогу проситься снова в кор-

нетскую школу. Но вышло не так. Весной мне объявили, что так как летние классы школы гораздо меньше зимних, то вот именно в этом году (весна 1938 г.) было решено никого из сверхсрочных в школу не принимать... Вот тебе на! Пришлось нажать на разные кнопки. Бежали в "кастэль" к генералу, чтобы мне позволили вторично пройти всю рекрутскую школу в Егерсборге и уж "совершенно старым солдатом" попасть в школу лишь осенью 1938-го года. Но об этом, с точки зрения "карьериста", совершенно я не жалею. Насколько мне, рыхлому мальчишке, в начале было тяжело "рекрутство" весной 1937-го, настолько я "блистал" в этот раз: я бежал, маршировал и стрелял сразу лучше большинства, а наши прямые начальники — все корнеты и ефрейторы были моими прошлогодними товарищами, которым я иногда помогал и даже давал советы, замечая их промахи. Мелкие же шероховатости, вызванные молодыми командирами, я сам сглаживал как умел, обыкновенно шуткою, в разговоре с новобранцами, моими новыми товарищами. Неудивительно, что в корнетскую школу я пошел уже в чине ефрейтора с прибавкой жалованья; вместо одной кроны в день я получал крону и 20 ер!

Высадившись на станции города Гельзинера, немного меньше сотни будущих корнетов-пехотинцев направились через город к древней крепости Кронборг. Пройдя два моста и крепостные ворота, мы завернули направо, к желтым зданиям школы, находящейся в нижней части крепости между внешним и внутренним рвами с водой. Кронборг, который англичане называют "Elsinore Castel", увековечен шекспировским трагичным датским принцем Гамлетом и привидением его отца. А в подземельях сидит полумифический витязь "Хольгер Датский", кото-

рый действительно существовал и служил в дружине Императора Карла Великого. Борода Холгера вросла в стол, на который он опирается. Но когда Дания будет в опасности, он проснется, говорит легенда...

Главная постройка замка превращена в музей торговли и мореплавания. Кроме нас войск ни в крепости, ни в городе не было. Поэтому мы несли службу часовых у флага бастиона со множеством старинных пушек, направленных на пролив. На эту службу назначалось лишь два ученика в день, и служба была от восхода до захода солнца, что зимой было надолго.

В школе, кроме меня и прибывших со мной однопольчан, оказалось еще два гвардейских ефрейтора, которых я лично никогда не видел раньше, они вступили в полк осенью 1937-го. А также был еще один "полный" капрал, Эрик Нербек (Erik Neerbek) 11-го батальона. Мы с ним вместе сдавали вступительные экзамены в офицерскую школу еще до поступления в солдаты. Его задержка в "карьере" была такова: он был очень молод. Начальник роты решил, что он не годится в офицеры; — "слишком слаб", "не выдержит", но "для проверки" послал бывшего бойскаута в капральскую школу, которую, на удивление этого офицера, Эрик прекрасно закончил и вернулся в полк ефрейтором. Но чтобы попасть в офицерскую школу, капральской школы было недостаточно. Пришлось бедняге пройти и корнетскую...

Мы с "одиннадцатым Нербексом" — обратите внимание, у нас появились фамилии, но в связи с частью (батальоном), из которой мы были присланы, я стал: "Лейб Гвардия, Куликовский" — попали во второй взвод штабс-капитана Мартинсена.

11-ый Нербек был забавный шутник и весельчак. Он подмечал смешные или глупые штрихи в характерах людей и мог придумывать самые невероятные штуки, всем на потеху. Ясно, что наши капральские нашивки на рукавах в жизни школы никакого значения не имели. Мы были просто ученики, как и все остальные. Но у него со мной было мотто (т.е. девиз. — *О.Н. К.Р.*): **“МЫ — НАЧАЛЬНИКИ** должны держаться вместе!” И мы иногда делали вид, что мы заодно с нашими “официантами” (“демократический” чин в датской армии того времени, равносильны лейтенанту и вплоть до штабс-капитана, чины, в которые сержанты могли попасть по окончании “официантских” классов и выслуги (WARRANT OFFICERS).

В какие-то удачные моменты, когда строевых учений не было, когда начальство было слегка отвлечено, мы с Нербексом начинали валять дурака (fooling around), изображая собою карикатуру глупых капралов. Мы суеились, спотыкаясь друг через друга, держали наших товарищей, поправляя их одежду, амуницию и т.д. — все к большому веселью товарищей, полному недоумению наших командиров. После обеденного перерыва мы шли в классы на теоретические занятия.

В Кронборге наш класс — “зима 1938-1939” был первый в совершенно новой казарме, с центральным отоплением, умывальниками и душами между каждыми двумя комнатами-дортуарами. Такой небывалый “люкс” представлял некоторые экономические затруднения для начальства. Можно было часто видеть грузную фигуру на кривоватых ножках командира школы полковника Пермина. В фуражке на голове и расстегнутой шинели, как печальный

дух гамлетовского отца, его можно было встретить в длинном коридоре. В руке у него был специальный ключ, которым он контролировал наше отопление. Зима была не холодная и мне, уже привыкшему засыпать в нетопленных дортуарах гвардейской казармы, тут было совершенно тепло и уютно. Хотя нашлись и любители тепла, научившиеся регулировать радиаторы при помощи своих штыков не хуже, чем полковник своим специальным ключом.

При встречах с учениками полковник Пермин любил делать вид, что он нас узнавал: и он действительно знал “половину” нашего названия. Ведь у пехотинцев на груди была пуговка с номером батальона. Подходя к человеку, вытянувшемуся в струнку, полковник, скажем, говорил, как бы не узнавая, “и тут мы, значит, видим “двенадцатого, двенадцатого...” и его слова как бы заканчивал ученик своей фамилией. С гвардейцами, которые носили специальную парадную и защитную форму, было еще проще. Полковник Пермин: “И тут мы видим Лейб Гвардии...” и я заканчивал — “Куликовского”, г-н полковник!”

Этот трюк однажды посадил полковника здорово в калошу перед всей школой, показав, что он вообще никого из нас не знал. На каком-то празднике, чуть ли не на обеде в казарме по случаю окончания школы, мы все были в столовой в нашей лучшей одежде: пехотинцы в хаки, гвардейцы в темно-синем и голубых штанах с белыми лампасами. По общему желанию был приглашен и школьный санитар. А санитары, в те времена, еще никаких защитных мундиров не получили и продолжали носить темно-синее, с красными выпушками (pipings) и карманами на груди — форма еще начала нашего столетия...

Входит, как всегда суетливо, но доброжелательно, полковник Пермин. Просит всех сесть, и, по своему обычаю, желает показать, как хорошо он знает своих подчиненных. Подходит к близсидящему, нашему санитару. Кладет ему руку на плечо, чтобы тот не вскакивал (если бы санитар встал, то полковник увидел бы его малюсенький и никак уж не гвардейский рост) и говорит: "И тут значит Лейб-гвардия..." На что последовал отчетаивый ответ "Санитар Енсен (Jensen), г-н полковник!"

В течение полугодового обучения множество — так или иначе — негодных учеников отправлялись назад в их части. При чем — никаких прощаний, ничего... Дело проводилось так: все утро мы были на практических занятиях, за городом. Приезжал на велосипеде вестовой из школьной канцелярии и объявлял, что такой-то должен вернуться в Кронборг. Когда же школа возвращалась к 12-ти часам дня, то не только исключенного и его вещей уже в казарме не было, но даже там, где стояла его кровать, блистал пустой пол! Таким образом, перед самым концом в одной из более "неудачных" комнат оказалось всего четыре кровати, — "хоть шаром покати"...

Весной, под конец курса, приезжал нас инспектировать сам Король. Обходя строй, Он говорил пару слов юношам, родителей которых Он знал. Мне Он сказал: "Hils din Mo'r" ("Передай привет Твоей Матери"). На что ответ мой был: "Так точно, Ваше Величество!" Ибо благодарить в Армии не разрешалось. Считалось, что солдат получает лишь то, что полагается, и ни капли больше.

После смотра и легкой проверки знаний нескольких учеников, найдя все в порядке и встав перед строем, Король поблагодарил начальство и учеников.

Взяв на караул, мы прокричали 9 раз ура, и Он со свитой удалился в ожидавший автомобиль.

Конечно, и этим Рождеством как явиться на вечер к Королю в парадном Мундире и в Медвежьей шалке, не снимая последнюю даже во дворце, пока сам Король не даст мне на то приказ, который, между прочим, он давал моментально, как только заходит в двери, так что едва можно было успеть отдать честь. Чтобы получить "медведя" и красный парадный мундир, которых в школе, конечно, не имелось, я должен был явиться в гвардейскую казарму в Копенгагене. Все прошло гладко и быстро, благодаря хлопотам К.А.Ш., который уже в предыдущем году спокойно, но строго объяснил полковнику Ельгорду, который пожелал устраивать какие-то препятствия, что я ни кто иной, как Правнук датского Короля, и должен явиться к столу на елку во дворец, к Королю, и что поэтому полк должен выдать все, что ни наесть наилучшего... Того же мнения был и принц Вигго, но только с точки зрения Гвардейского Гусарского Полка, где мой брат Гурий в этот момент проходил тяжелую рекрутскую школу кавалерии. Дядя Вигго взял Гурия к себе из гусарских казарм. Вычислил, надушил и даже свез его к маникюрше!

Так что на Рождество 1938-го г. во дворце Короля было три молодых красавца в мундирах — Гурий в голубом, гусарском, а гвардейцы — г-н корнет граф Вальдемар и я, ученик школы, — в алых...

АРМИЯ

По окончанию Корнетской Школы в Кронборге (Гельзинер) я вышел в корнеты (в Дании чин корнета не офицерский — он выше капрала, но ниже сержанта) в 1-й Батальон 1-го Полка, состоявшего из 1-го, 15-го и 21-го батальонов. Фактически батальоны

были носителями традиций старых полков и имели знамена. Полки же были как бы маленькими дивизиями. 1-й батальон шел по чину сразу после Гвардии и в старину носил наименование "Лейб Датский Полк". 15-й батальон был "Гольштинские Егеря" и 21-й — "Шлейзвигские Стрелки" — или наоборот, сейчас уже не помню. Штаб и склады всего 1-го Полка находились в старой крепости "Кастэль". А лагеря для обучения солдат километров 12 на север от Копенгагена в Лагерях Хевэлтэ и Сандхольм в 2-х километрах друг от друга.

Я выбрал 1-й полк, рассудив, что быть рядовым в Гвардии с ее особым назначением и близостью к Королю было и интересно, и почетно. Но быть унтер-офицером в простой пехоте, подальше от важных начальников будет и спокойнее, и гораздо свободнее, без постоянных нарядов на бесконечные вахты. — "Навахтился" я рядовым, — теперь баста! — Вдобавок лагеря 1-го Полка недалеко и от веселого Копенгагена, и от родительского дома в Баллерупе.

Короткий отпуск пролетел в заказах собственно го "выходного" мундира хаки и высоких сапог. Все остальное, необходимое на службе, выдавалось казенное, как и рядовым военно-обязанным в роте, включая и винтовку.

Командиром роты был спокойный, вдумчивый капитан Раун (Ravn). Его помощником был высокий блондин, бывалый гвардеец, как и я, — премьер-лейтенант (Frede Dehn-Jensen) Фредэ Дэн-Енсен. Но самая яркая личность роты был старый, но пышущий энергией фельдфебель (Over-Officiant) по прозвищу "Император Нерон" (Kejser Nero). Он был и учителем гимнастики в роте, так как окончил специальный курс по этой отрасли. Отсюда и прозвище "Нерон", ибо если нужно было что-либо

объяснить всей роте зараз, когда она была у него под командой, то он приказывал солдатам быстро сесть на пол. Но если это не делалось достаточно быстро, то снова вскочить полным ходом по движению его большого пальца на руке, несколько раз, то вверх, то вниз...

Он был строг и почти никогда не улыбался, но в душе, вероятно, часто смеялся. Раз, когда я вошел в ротную канцелярию, он, как всегда, строго, спросил меня: "Корнет Куликовский! Правда ли, что Вы пленник Царя?" — "Так точно, г-н Овероффициант!" — "Тогда, — продолжал он, — обещайте мне одно: когда падут большевики, пришлите за мной военный корабль, но не "Аврору", "Красный Октябрь" или что-то в этом роде, но ХОРОШИЙ русский корабль. Тогда я возьму отпуск и приплыву на нем в Россию. Ибо я хочу тоже участвовать, когда будут вешать Сталина!" — Ему виделось, что казнь такого злодея должна была происходить в супер-парадных мундирах, при белых перчатках и при саблях, и только лучшие из лучших будут иметь честь тянуть веревку.

Я попал во 2-й взвод (Platoon, Deling), которым командовал очень симпатичный сержант ЭЙНЭ-МАРК.

В других взводах было еще 3 корнета. Двое из них: Кай Реснер (Kaj Resner) и Есперсен (Jespersen) были мои "однокашники" по школе в Кронборге.

Третий же был совершенно новая личность — младший сын командира полка, полковника Третов-Лоофа — корнет Кай (Tretow-Loof). Кай был корнетом уже 2 года и в "специальном классе" при офицерской школе приобретал аттестат зрелости-с-плюсом, чтобы вступить в офицерскую школу. Он был веселый "старый солдат" — на год моложе меня — с которым подружился на всю жизнь.

20-го Апреля 1939-го года прибыли в полк штатские молодые люди, и началась новая жизнь следующего поколения новобранцев. Командиры, крики, беготня, занятия на плацу и в поле... Всегда приятно видеть, как на глазах неотесанная масса ребят сначала постепенно, а затем вдруг неожиданно быстро превращается в дисциплинированную, подтянутую и веселую военную часть.

И так идет военная служба. Каждый год приходят новые люди и превращаются в солдат. Сознание того, что и мой личный вклад в эту метаморфозу сыграл какую-то роль, наполняет и меня гордостью и радостью хорошо исполненного долга.

Но уже в этот первый год моей жизни на "командном посту" над миром собирались грозные тучи. 23-го Августа грянул гром — "Пакт Дружбы" Гитлера со Сталиным. Этот пакт возмутил даже Муссолини. До сих пор я относился с симпатией к национал-социалистической Германии, победившей коммунизм у себя дома и всюду поддерживавшей анти-коммунистические силы и вернувшей Императорский черно-бело-красный флаг вместо республиканского черно-красно-желтого. Думалось: дай Боже, чтобы и у нас в России произошло что-то в том же духе! Те же чувства выразил кн. Н. Кудашев, живший тогда в Югославии, папин однополчанин по Ахтырскому Полку, с которым я познакомился лишь много лет спустя в Америке.

АЛЬКАЗАР

Мне скажут: "чужая победа,
Чужого похмелья угар!" —
Неправда! нам близок в Толедо
Отбивший врага Альказар!

Мы первыми подняли знамя
И первыми вынули меч,
Изгнания годы за нами
И горькая слава предтеч!

Начало в кубанских станицах,
В Толедо преддверье конца, —
Всех верных зовут причаститься,
Отчизне отдавших сердца!

Понятными нам письменами
Там пишется белая быль:
Готовность идти за вождями
На плаху, на ранний костыль!

Как белой идеи победа,
Как первый ответный удар, —
Да здравствует наше Толедо,
Да здравствует наш Альказар!

1937 г. Югославия

Еще 15-го Марта, пока я был в корнетской школе, закончился подлый захват Чехословакии Гитлером, сперва лишь потребовавшим пограничную территорию Судетов, где действительно жило много немцев, но где были и все чешские укрепления типа французского "Мажино". После этого Германия смогла забрать всю страну — то что называется — "голыми руками" при полном безразличии Союзников. Лишь Сталин сделал вид, что он готов защищать Чехословакию, но при абсолютном условии, чтобы Франция и Англия тоже пошли бы на войну с Германией. Ведь Польша и Венгрия оказались — в этом грязном деле — союзниками Германии, поспешив поделить восточный хвостик Чехословакии — Прикарпатскую Русь, или то, что иностранцы предпочитают называть "Карпато-Украину".

Я помнил прекрасную цветущую страну — Чехословакию, где наша семья провела лето в Пещанах. Но гибель Чехословакии меня ничуть не возмутила. Я в этом скорее видел лишь заслуженную кару за еще более подлое предательство: предательство большевикам адмирала Колчака, а с ним и всего Белого Движения в Сибири французским генералом Жаненом (Janin) и, главное, Чешским Легионом. Легион, в то время, если б захотел, мог легко этого не допустить... Но Жанен и легионеры были заинтересованы лишь одним — ограблением России. А с Колчаком в поездах двигалось и золото Русской Казны...

Благороднейшего патриота, адмирала Колчака — последнего правителя свободной России большевики расстреляли. Чехи покинули Сибирь с кораблями, набитыми кожей, боеприпасами и всяким прочим награбленным добром. Русское государственное золото пошло на основание Чешского Гос. Банка. Однако генерал Жанен был выгнан с французской службы — его непристойное поведение было уж слишком явно. Но прожил припеваючи и умер богатым человеком...

Тучи сгущались, но политика социал-демократического правительства Дании была странной. С одной стороны, они кричали и махали кулаками на национал-социалистическую Германию. С другой стороны, они — чуть ли не единственные подписали "пакт о взаимном ненападении" 1935 г., когда Гитлер предлагал такой шаг соседям Германии. И, убаюкав себя такой чушью, закрыли, распустили добровольческие организации: "Академических Стрелков", состоявших из студентов университета, часть, участвовавшую еще в конце XVII века в обороне Копенгагена от шведов, "Королевских Егерей", состоявших из копенгагенских бюргеров и прекрасно показав-

ших себя против осаждавших столицу англичан, привезенных флотом адмирала Нельсона.

И, пожалуй, самое безумное было распустить любителей-мотоциклистов, несших службу при штабах после первых же маневров, выяснивших, что штабы оказались вообще без таковых ординарцев. Поднялся вопрос о необходимости создания такой части в регулярной Армии и о том, сколько же это будет стоить казне?

Перед самой грозой датские политиканы дремали и переругивались — и — казалось — делали все, чтобы ослабить все возможности обороны страны... Ведь у нас, дескать, был в кармане пакт о взаимном ненападении с вооруженной до зубов Германией...

1-го Сентября 1939 г., после небольших ротных маневров в лесу около лагеря, я, умывшись, пришел в сержантское собрание лагеря Сандхольм. До обеда мы сидели все вместе в смежной комнате со столовой и слушали радио. И тут грянул гром: диктор объявил, что началась война между Германией и Польшей. Мой взводный, сержант Энемарк, побледнел и сказал мне: "Какой ужас! Я-то думал, что быть военным — это лишь веселое времяпрепровождение... А тут неизвестно, что еще может случиться..."

Ясно было, что Англия и Франция объявят войну Германии. Дания заняла позицию "вооруженного нейтралитета". Сразу все закрутилось в бешеном темпе частичной мобилизации.

Корнеты Рэйшнер, Есперсен и я должны были покинуть лагерь и явиться в свои роты, которые будут состоять из запасных солдат, которых призовут вновь в армию. Мы оставались лишь в том, что понесем на себе в поход, плюс еще второй ранец, служащий нам как вещевой чемодан и передвигающийся на телеге (Hestevogn, horse-drawn wagon) с осталь-

ным второклассным грузом на места стоянки наших рот. Все остальное каждый из нас завернул в огромный "узел" в свою шинель № 2. Я позвонил родителям. Приехали взволнованный Папа и расстроенная Мама на автомобиле и забрали все 3 груза — до поры до времени — в наше имение и положили на пол в мою комнату в Баллерупе.

На другой день наша группа покинула лагерь, оставляя его для запасных другого батальона (вероятно 21-го). И мы пошли в "Кантонement" (означает округ расквартирования военной части, живущей разбросанной по частным квартирам; в данном случае по крестьянским фермам) 1-го Батальона в северной части острова Зеландия, в общем, в лесистых окрестностях города Хиллереда, с его замечательным дворцом из красного кирпича и с зелеными, медными крышами, в стиле голландского ренессанса, со рвами и лежащего на озере. Я нес знамя 1-го батальона все 20 с лишним километра, к сожалению, в неразвернутом виде, в кожаном чехле.

Начались учения и муштровка (drill) призванных резервистов, что было нелегко. Во-первых, они считали, что они уже все знают. Во-вторых, они были или моего возраста, или старше, и вся рота была разбросана малыми единицами по крестьянским хуторам (farms, gaard). Кроме того, антиоборонительная пропаганда падала на благоприятную почву: на людей, оторванных от своих семейств и своих привычных занятий. Да потом еще при заключении пакта взаимного ненападения Дании и Германии!.. — "К чему это?" — был уже давний клич "левых"... Кончилось тем, что батальоны были возвращены на некоторое время в лагерь, где удалось без труда подтянуть дисциплину. В основном, все ребята были brave и исполнительные. Теперь наш полк был направлен на

охрану Копенгагена с южной его стороны на линии Керэ — Роскильде ("Tunestilling"). Защита его с Севера, вдоль моря, была передана Гвардии — злые языки уверяли, что г-да гвардейцы этого потребовали, ибо там, до самого Гельзинора, были чудные виллы и жили богачи — и текла жизнь веселая ("La Dolce Vita").

Так, в одно дождливое Воскресение мне приказали сдать винтовку, ранец и прочее, и солдат-мотоциклист повез меня в имение.

Чтобы стать профессиональными военными, офицерам нужно было пройти двухлетнюю офицерскую школу ("Officerssskole"). Я был уже принят в нее, но по случаю событий школа все еще не открывалась. Когда же пришел срок, мы были произведены в младшие лейтенанты (second-Lojtnant) и продолжали нести охранную службу военных в наших полках.

Наступил период, который французы называли "Странной войной": "Drolle de guer", когда французы и англичане бездействовали за линией "Мажино", пока немцы наводили свои порядки в Польше, а затем Гитлер со Сталиным начали перекраивать Восточную Европу. Тут, зимой, Советы напали на Финляндию. Финны героически защищались. В Дании и Швеции поднялась волна "панскандинавизма". Даже несколько видных датских коммунистов выходили из партии и объявляли о своем решении в газетах.

Компартия Скандинавии, казалось, разваливалась.

Для меня это был лучший период всей Новейшей истории: все было просто. Пожалуй, давно не было такого явного разграничения Добра и зла: ни до, ни после уже не было. Все было просто и ясно! Враги были снюхавшиеся "тоталитаристы" и нацисты, покусившиеся на всех остальных людей, на весь мир!

Сотни добровольцев поехали воевать в Финляндию. Я тоже было задумался, но военнообязанных в то время не отпускали. Это было бы равносильно дезертирству. Охранная служба шла своим чередом.

Таким образом, Рождество я провел в городишке Nævdrup, куда приехала меня навестить моя будущая жена Агнэтэ Petersen. Был веселый бал. Солдат развлекали выдающиеся артисты варьете из Копенгагена. Бывали интересные лекции, как, например, участника I-ой Мировой Войны, датчанина с черным моноклем, сражавшегося добровольцем во Французской авиации.

Он потерял свой глаз дважды (!) В первый раз при аварии. Вторично же от немецкой пули, разбившей ему стеклянный глаз. Последнее было так мучительно, что он навеки отрекся от мысли носить стеклянный глаз и удовлетворился черным моноклем, который клал в карман при полетах...

Датская Офицерская Школа по случаю мирового положения долго не открывалась, и мы попали в нее лишь в начале 1940-го года. За нашу удлиненную службу в "Охранении Датского Нейтралитета" в должный момент весь класс Корнетской Школы 1939-го года был произведен в чин младших лейтенантов и послан домой. Те же из нас, кто хотел стать кадровыми офицерами (грубо говоря, 1/3 выпуска), остались. Лейтенанты не должны были жить в школе, а лишь приходили на занятия. Наш отец купил нам маленький автомобильчик (красный "Моррис") и мы с братом ездили из Баллерупа в Фредериксберг (очень красивая часть Копенгагена). Офицерская школа была на горке того же названия, в бывшем дворце короля Фредерика IV-го, в свое время союз-

ника Петра Великого в "Великой Северной Войне" против Шведов.

8-го Апреля все шло нормально, но в классе ходили какие-то неясные слухи и предчувствие чего-то недоброго.

Было смутно, и шел разнбой. Правительство объявляло, что в Копенгагене будет проведено общее учение с полным затемнением города. На что левые круги объявляли протест, заявив, что никто из них этого глупого приказа не исполнит...

9-го Апреля, проснувшись, я услышал шум взрывов и авиамоторов. Совершенно расстроенная Мама уже стояла в ванной комнате и смотрела в окно в направлении военного аэродрома Вэрлесе (Vorlose). Я постарался ее успокоить, сказав, что, вероятно, прибыли ожидаемые из Голландии новые самолеты и что воздушное начальство закатило ночные маневры. Так же думали и многие соседи, антимилитаристы, с яростью звонившие в военный лагерь с требованием немедленно прекратить "безобразие", нарушавшее мирный сон Дании...

Сев с братом в наш автомобиль и поехав, как всегда, в школу, чистое утро развеяло сумрачные мысли. Но когда мы ехали по мосту через водное ограждение Копенгагенских укреплений конца прошлого столетия, низко, через головы пролетел вдоль валов и рва, наполненного водой, небольшой разведочный аэроплан с ясными черными крестами. Мы взглянули друг на друга, и я только сказал: "Тони!" И брат нажал на газ...

Примчавшись в школу, мы застали конец драмы. Во дворе был муравейник! Классы сержантов, живших в казарме, проверяли только что ночью им розданные пулеметы и боеприпасы... На границе, в Ютландии, был убит корнет и 13 человек рядовых.

В Копенгагене была перестрелка в нескольких местах, но обошлось лишь ранеными гвардейцами, защищавшими королевский Дворец, в который уже успели примчаться члены правительства на совещание с Королем. Под выстрелы с улицы перепуганные политики умоляли Короля сразу же прекратить сопротивление. Но он, оказавшийся мудрее своих "представителей народа", тянул...

И, как история показала, был прав. Нужно было подчеркнуть, что страна не добровольно подчинилась агрессору.

А в нашем соседстве на аэродроме Верлезз, оборонявшемся лишь пулеметами, немцы сбили единственный самолет, едва успевший отделиться от земли. Оба летчика были убиты. Одного из них я знал — Брэдэсома. В зиму 1939-40 он был сержантом в Гвардейской казарме. Он был немного забавен южно-ютландским акцентом и отличался тем, что говорил нам "ты" (если был в хорошем настроении духа). У меня с ним никаких стычек никогда не было.

Наступило психологически тяжелое, безнадежное время. Уже месяцем раньше (12.3.40) кончилась война Финляндии против СССР. Нацистская Германия оказалась такой же захватнической силой как и Мировой Коммунизм...

Вот тебе "панскандинавизм", вот тебе противостояние большевикам — вот тебе и офицерская честь.

Один капитан написал прекрасные слова к маршевой песне:

"...For intet er bittert og tont som at gua, besejret fra Kamppladsen unden at slaa..."

"Ничто так не тяжело и горько,
Как покинуть поле сражения побежденным,
Даже не успев нанести удар врагу..."

Вообще, надо сказать, что Тихон Николаевич очень тяжело переживал оккупацию Дании немецко-фашистскими войсками, но руки он не опускал. Семья стала активно помогать русским людям, оказавшимся по воле Божьей в Дании в это страшное время. Дом Великой Княгини Ольги Александровны был открыт каждому нуждающемуся. Дело дошло до того, что Тихон Николаевич однажды был даже арестован и провел некоторое время в тюрьме. Пострадав от немцев, семья уже после войны испытала на себе давление большевиков. Маленькая Дания не могла отстоять семью Великой Княгини от притязаний огромного Советского Союза. Поэтому им пришлось всем вместе вновь срочно собираться в дорогу и отправляться опять на новое место — теперь в Канаду. Но Тихон Николаевич никогда не порывал своих связей ни с друзьями по службе, ни с родными ахтырцами, посещая по мере возможности их встречи. Об одной из таких наших совместных поездок осталась дневниковая запись «по горячим следам»:

«С 13-го июля по 24-ое августа 1988-го года мы путешествовали "по Европам".

Приземлились утром на аэродроме Де Голя и были радушно встречены Александром Андреевичем и Еленой Всеволодовной (урожденной Пущиной) Хазовыми. На другой день Хазовы повезли нас через Версаль на Ахтырский Полковой Праздник у Владимира Павловича Ягелло — старого гусара и его супруги Наталии Алексеевны, на их дачу в деревне; дом построен в 1716 году! Было там человек 10, даже кад-

ровый Ахтырец г.Г. Мартос возраста 91-го года — вполне свежий и активный! Молебен служил о. Николай Куломзин перед иконою Ахтырской Божией Матери, которой моя Мать благословила Полк в 1914-м году перед отходом на фронт.

16-го: осматривали старческий дом в Монморэнси и обедали с заведующим домом Ю.А. Будниченко. Познакомились там с полковником Н.И. Зиминим, 97-и лет.

В день убиения Царской Семьи были на освящении храма Новомучеников Российских в Ville-moisson, построенного собственноручно о. Вениамином Жуковым. Было прекрасно! Прошло с большим подъемом. В Крестном Ходе я нес икону, изображающую св. князя Владимира и Царя-Мученика. Духовенства было множество, во главе с владыкой Антонием, прибывшим из Женевы. Ожидали и кн. Владимира Кирилловича, но он почему-то не прибыл...

Побывали на кладбище Ste-Jenevieve des Bois. Посетили музей художеств d'Orsay, в бывшем вокзале Gar d'Orlean, музей Лейб-Казакон и военный музей Les Invalides, где нам были открыты "русские залы", куда обыкновенно публику не пускают.

В субботу 23-го встали в 4:30 утра и выехали на мерседесе Хазовых впятером, считая их собачку Дусика, который был болен, но страшно хорошо себя вел всю дорогу. Сперва заехали — не совсем по пути — в Мурмелон, на кладбище, где лежат воины Русского Экспедиционного Корпуса, впоследствии — "Легиона Чести", первой Мировой Войны. Там Сандрик Х имел randevu с французом из министерства насчет кладбища и тамошней часовни. Затем тронулись на Юг. Бешеными темпами, но с прекраснейшим обедом в 3 часа дня, к вечеру добрались до

“Hotel du Grand Lac”, где уже ожидал сын Хазовых Андрей, приехавший со своей дочуркой из Швейцарии.

Ольгин День провели в лагере “Витязей” в Ла Фрэ: обедня, открытие памятника 1000-летию крещения Руси, поставленного у лагерного флагштока, парад, общий обед и т.д... Все прекрасно организовано главнокомандующим А.Д. Шмеманом, наградившим меня медалью с Владимирской ленточкой и настольной медалью в память 1000-летия крещения Руси. Много потрудился и комендант лагеря — сын вышеупомянутого Ахтырца Ягелло. Большое Русское дело делают те, кто собирает русскую детвору. Все в форме, все подтянутые. Не забудем сказать спасибо и женскому персоналу!

На другой день тронулись по Наполеоновскому пути, через Грас, через горы и скалы... К вечеру прибыли в Канны. Пошли на “Croisette” и поужинали невероятно обильным буйабезом!

Во вторник осматривали город и в 5 часов явились все вчетвером к княгине Марии Илларионовне, вдове кн. Никиты Александровича, моего двоюродного брата.

Среду 27/7 прекрасно провели у моря. Купались, отдыхали. А в день св. Владимира были в Ницце, в знаменитом Соборе-Памятнике. Были на кладбище. Посетили могилы кн. Ростислава Александровича, генерала Юденича, княгини Юрьевской — вдовы Императора Александра II-го и т.д. Доехали до Монте-Карло, в Монако. Вернулись, в 20:30 пошли проститься с Мари. Княгиня редкой души Человек. Родной. Было очень уютно.

По возвращению с Юга, в Воскресение 31/7 пошли в церковь на Rue Darue. Познакомились с од-

ной из двух дочерей Гирса — последнего Русского Посла во Франции. Обе его дочери ныне монахини.

2-го августа прибыли ночным поездом из Парижа в Копенгаген и были встречены моим товарищем по военному училищу и по полку майором Андерсом фон Бухвальда, у которого мы и остановились, вблизи Копенгагена.

Были оба воскресения в церкви св. Александра Невского, родной мне с моего детства. Там стало гораздо лучше, чем было 3 года тому назад. Молодой о. Николай Артемов бывает тут лишь наездами из Германии. Он служит очень благолепно! И хор поет неплохо. Староста, знакомый мне Федя Ладыженский, тоже старается, и атмосфера уютная.

В Дании время летело. Ряд встреч с товарищами и друзьями: завтрак в Гвардейской Казарме, ужин у "Рыцарей Ордена Льва", где я считаюсь Гросс-Мейстером. Был устроен осмотр фабрики пива "Carlsberg", основанной (впоследствии меценатом художеств) Якобсеном в 1847-м году.

Нас двоих и 3-х моих товарищей: Бухвальда, Кастенскиольда и Эссэман-Бэка ожидал и водил повсюду по фабрике и службам говоривший по-английски (для Ольги) г-н В. Мауэр. Завтракали в специальной зале, отдельно от остальных посетителей. Пробовали разное пиво. Питались чудесными датскими бутербродами, и не обошлось без традиционного шнапса. Под конец появился познакомиться и приветствовать нас родной внук основателя Якобсена, живущий в его апартаментах, пожилой г-н Флэминг Вегг. Видели мы и залы с мраморными статуями. В одной из них были статуи во весь рост моей бабушки и Ея сестры королевы Великобританской в бальных туалетах. А в кабинете Якобсена — чудная картина с Их отцом Кристианом IX-м, окруженным моим Дедом

и прочими коронованными особами в штатском, перед которыми расшаркивается образованный пи-вар во время Их посещения Карлсберга.

Были мы и в Гельзинере, где на фоне замка был поставлен прекрасный "Гамлет" Шекспира. К сожалению, холод под открытым небом был страшный...

По военному музею в почти 300-летнем цейхгаузе нас водил сам куратор. Тут была специальная выставка по случаю 300-летия вступления на трон Кристиана IV — героического и любимого короля.

Затем провели день в Мальме, в Швеции. Виделись снова с семьей Динесен — с бель-сер и с племянницей писательницы Карен Бликсен (псевдоним "Исаак Динесен"). Фильм "Out of Africa" описывал ее жизнь.

Посетили вновь гробницу Бабушки в Roskilde — соборная усыпальница королей с XV-го века.

Виделись опять с милейшей "Ветой" Брунн, дочерью генерала Безобразова, командовавшего Гвардейской Кавалерией в Великую Войну.

Ужинали у кн. Димитрия Романовича Романова в Рунгстеде, у моря.

16/8. 88-го. Перелетели в Лондон. По рекомендации моего наипервейшего друга в Канаде — Барта Ватта мы поселились в отельчике "Eurie Mansion", с улицы видимого лишь одной дверью, но у самого Пикадили Сиркуса.

На другой день завтракали с Сузи Менкес (известной ее книгой "The Royal Jewels"), пригласившей нас в "Риц".

Навестили новый памятник "Жертвам Ялтинского Договора" на месте разрушенного вандалами — сторонниками кровавых выдач... Недалеко оттуда и церковь, куда мы пошли на Преображение. Прислуживавший сын священника, Саша, нас узнал, ибо

был в лагере "Витязей" в Ла Фрэ. На другой день о. Иоанн Сыщенко с матушкой-англичанкой, православной и прекрасно говорящей по-русски, и, понятно, с "витязем" Сашей повезли нас в Luton Hoo — помещичий дворец среди полей и рощ, принадлежавший вел. кн. Михаилу Михайловичу. Его дочь — lady Zia скончалась в 1977 г. Но швейцарка Oolile Barbier, служившая Ей, узнав кто мы, "нажала на все кнопки", так что мы смогли увидеть комнаты с русскими экспонатами: картины, мундиры, дамские придворные костюмы и т.д. А куратор Michael Urwick Smith встретил нас в зале, при монтрах с изделиями Фабержэ.

На "пару дней" и две ночи мы покинули Лондон и в княжестве Кент посетили вдову кн. Андрея Александровича, старшего сына Тети Ксении, — Nadine, финского происхождения. Там, на маленьком кладбище у церковки, построенной еще норманнами, покоятся рядом мой двоюродный брат Андрюша и дочь фельдмаршала Маннергейма (которого Nadine лично хорошо знала). Говорит она очень много, но страшно интересно. Ея 500-летний дом наполнен воспоминаниями, портретами и красивыми вещами. После ея радушного и уютного приема в этой многовековой атмосфере (нас поместили в комнате вел. кн. Ксении Александровны и даже постелили простыни, под которыми спала моя Тетя) я почувствовал, как будто бы я одновременно побывал в музее, в церкви и Дома!..

Действительно, за это путешествие мы много родственников. Nadine я видел впервые 40 лет тому назад в Англии, у Тети Ксении в Хэмптон Корте, когда мы с Родителями переселялись в Канаду. Тогда она с Андрюшей были новобрачными. А теперь она уже бабушка. Дочь ея — Ольга Андреевна живет в Шотландии. Ее

и ее семью мы никогда не видели. Зато, вернувшись в Лондон, мы еще познакомились, сойдясь лишь "на дринк" по близости от нашего отеля, с кн. Ростиславом Ростиславовичем, внуком Тети Ксении, и его американской супругой с ее сыном-подростком от первого брака. К сожалению, их общие дети слишком малы и мы их не могли увидеть. Но было очень симпатично. Милые молодые люди.

А теперь мы все еще приходим в себя и заняты корреспонденцией и фотографиями».

До сих пор, хотя Тихона нет с нами уже десять лет, я люблю вспоминать те совместные поездки и рассматривать старые фотографии. Очень часто Тихон Николаевич рассылал их дубликаты и записки-впечатления по многочисленным добрым знакомым в разных уголках мира.

Будучи знаком и дружен со многими Романовыми, он состоял с ними в деятельной переписке и сам получал добрые ответные письма. Вот одно из них, от Княжны Императорской Крови Веры Константиновны, старейшей на тот момент представительницы Династии Романовых, дочери Великого Князя Константина Константиновича, знаменитого поэта К.Р. Надо отметить, что Княжна Вера Константиновна пользовалась большим авторитетом среди русских послереволюционных беженцев (т.н. «эмигрантов первой волны»), до своей кончины оставаясь Почетной Председательницей Имперского Союза-Ордена, в котором Тихон Николаевич долгие годы занимал высокую должность Главного Арбитра.

Между Княжной и Тихоном Николаевичем давно сложились очень хорошие, даже нежные отношения. Княжна приезжала в гости к Тихону Николаевичу, была крестной матерью его дочери Ольги. Такие же теплые отношения сложились и между нами. Мы встречались на зарубежных кадетских съездах, на разных празднествах. Княжна даже настаивала, чтобы я обращалась к ней на «ты». Но я все-таки соблюдала этикет, и на ее требование отвечала примерно следующее: «Есть! Ваше Высочество Вера Константиновна — Ты!». Это было мило и смешно. На ее похоронах в январе 2001 года фактически были только самые близкие люди: Княгиня Ирина Сергеевна Багратион, жена племянника Веры Константиновны Князя Теймураза Багратион, я и внучка Князя Иоанна Константиновича Фиаметта. К сожалению, никто больше из Романовых, даже проживающие в США, не смогли приехать, чтобы отдать долг памяти старейшей представительнице Династии.

Вот, что пишет Княжна Вера Константиновна почти за десять лет до своей кончины, по-семейному обращаясь к нам:

Четверг, 7/20.08. 1992 г.

Дорогие Тихон и Ольга! Спасибо за привет и интересное (письмо). Получила подробное письмо от Микушки (так в семейном кругу называют Князя Николая Романовича Романова, потомка по линии Императора Николая Первого, главу Объединения Князей Романовых, проживающего в Швейцарии. — *О.Н. К.-Р.*): возглавляет наш семейный союз и просит меня быть почетной председательницей. Никита

(Князь Никита Никитович Романов, являясь правнуком Императора Александра Третьего, приходится двоюродным племянником моему мужу Тихону Николаевичу. — *О.Н. К.-Р.*) прислал открытку из очень жаркой Италии с короткой заметкой о собрании наших кузенов. Хорошо, что встрепенулись. Бог на помощь (имеется в виду создание Объединения Князей Романовых в 1992 г. почти через год после открытия нашего Фонда во имя Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. — *О.Н. К.-Р.*).

Прилагаю письмо-просьбу, которое почему-то мне не нравится, и думаю, что это дело Фонда твоей матери, но как проверить??? (Сразу после образования нашего Фонда посыпались просьбы о помощи. В данном случае речь идет об одной из них, первоначально поступившей в адрес Княжны Веры Константиновны. Ее мудрое предостережение о том, что даже в делах благотворительности в России надо доверять, но проверять, оказалось абсолютно верным. Сколько раз потом на родине Фонд обжигался на мнимых нищих и лже-помощниках! — *О.Н. К.-Р.*). Что в России тяжело — известно: что вы решите по этому поводу??? Т.е. фонд. Обнимаю, храни Бог.

Вера (Рядовой Иван Веркин)

Так — «рядовой Иван Веркин» — Княжна Императорской Крови Вера Константиновна шутиливо сама себя величала, подчеркивая нерушимость своей Династической присяги на верность Православию, Царю и Отечеству. И считала себя «рядовым» русской Монархии. Сейчас же многие не просто самочинно раздают дворянские титулы и генеральские звания, но и находят таких «смельчаков», ко-

которые отваживаются принимать на себя столь ответственный груз.

Это письмо Княжны Веры Константиновны важно в том отношении, что оно фиксирует исторический факт: после создания 17-го ноября 1991 года у нас в Канаде благотворительного Фонда имени матери Тихона Николаевича, несколько месяцев спустя возникает Объединение Князей Романовых, которые до тех пор жили и действовали каждый сам по себе. Таким образом, в монархических кругах русской эмиграции в начале 90-х годов прошлого века складывается как бы три центра притяжения сил: Фонд во имя Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны во главе с ее сыном Тихоном Николаевичем; Объединение Князей Романовых, деятельность которого координирует Князь Николай Романович; и группировка Князя Владимира Кирилловича, единственная уже давно самозванно претендовавшая на ведущую роль в монархической среде и заявившая даже о каких-то особых правах на будущий Российский Престол. Соответственно, возникшее в те же годы в России молодое монархическое движение также делилось на сторонников тех или иных представителей Династии Романовых. Что же касается будущего государственного обустройства России, то все Романовы, за исключением «кирилловцев», выступали за созыв Державного (Церковно-Земского) Собора, который и должен будет определить как судьбу конкретной Династии, так и новую форму гражданской верховной российской власти в целом.

Получив любезное предложение вступить в Объединение Князей Романовых, хотя он и носил отцовскую фамилию Куликовский, Тихон Николаевич его отклонил, объяснив мне, что не хочет ограничивать деятельность Фонда и свободу личного мнения корпоративными рамками союза нескольких представителей Фамилии. Жизнь неоднократно подтверждала верность принятого тогда мудрого решения.

Тот же фактический глава Объединения Князей Романовых Князь Николай Романович по каким-то обстоятельствам не смог прибыть на похороны Княжны Веры Константиновны — почетной председательницы этого Объединения, хотя находил день-два, чтобы из Рима прилететь в Нью-Йорк на встречу с автором очень спорной, на мой взгляд, книги о Романовых Робертом Мас-си. Даже нью-йоркские Александр и Никита Романовы не отдали последнее прощание старейшему члену Династии.

По сути, Объединение Князей Романовых выступило консолидированно только единожды: против необоснованных притязаний внука Князя Владимира Кирилловича, принца Георгия Гогенцоллерна, на главную роль в русском монархическом движении, а, следовательно, — на будущий Российский Престол. В этом отношении позиции Объединения и Тихона Николаевича полностью совпадали.

Когда это стало возможным, Тихон Николаевич наладил активную переписку и с корреспондента-

ми из России, стараясь объяснить им наиболее жгучие вопросы. Он с большим благоговением и трепетом относился к своим корреспондентам, отвечая всегда на все письма. Каждое письмо, которое приходило из России, вызывало у него большую радость, надежду. Главным образом — он старался с высоты своего опыта и положения наставлять молодых людей, разъяснять те вопросы, о которых его спрашивали, передавая благодарность и любовь к России через ответные послания. Его особенно волновало сохранение единства государства.

К сожалению, большая часть переписки находится у адресатов или вообще не сохранилась. В нашем семейном архиве есть копии только важнейших посланий Тихона Николаевича к русским людям в диаспоре и на родине, например по поводу действий Князя Владимира Кирилловича и его сторонников, к молодым русским монархистам, о канонизации Царской Семьи и ряд подобных.

Широко распространилось на родине одно из первых посланий Тихона Николаевича в Россию:

«Дорогие соотечественники!

Я, последний из живых родной племянник царя-мученика Николая II и внук Императора Александра III — миротворца, обращаюсь из-за границы к русскому народу, ко всем верующим в Бога и к гражданам города Свердловска. Дело такое: во-первых, принимая во внимание положительные сдвиги, происходящие ныне в стране, мне кажется, что для исторического города Екатеринбурга продолжать носить кличку жестокого, безбожного, анти-

русского садиста-убийцы Свердлова должно быть просто неприемлемо, и старое название Екатеринбурга должно быть возвращено в кратчайший срок.

Затем напомним — и это очень важно! — что место, на котором пролита кровь помазанника Божьего — СВЯТО. На нем невозможно возводить ничего другого, как только величественный храм-памятник. Дорогие русские люди, задумайтесь над этим.

<...>

Кроме того, у меня имеется икона Божией Матери "Троеручица", перед которой молились царские мученики в доме Ипатьева, в заточении. Икона эта с поврежденным киотом была выброшена преступниками после их гнусного "дела"... При приходе "белых" ее подобрал один гвардейский офицер, знавший лично моих родителей — великую княгиню Ольгу Александровну и моего отца ротмистра Николая Александровича Куликовского. И икона эта была доставлена в 20-х годах в Данию моей бабушке — Императрице Марии Федоровне. Дайте этой свидетельнице страданий новомучеников вернуться в Россию на ее единственно достойное место — в храм-памятник, долженствующий быть воздвигнутым как покаянная лепта за великий грех, допущенный в нашей истории, грех, за который и поныне страдает наша родина и мы все с ней, где бы на земле ни находились.

С любовью во Христе,

Ваш Тихон Николаевич Куликовский-Романов
Апрель 1992 г.»

В те годы в зарубежной «старорусской» среде было широко известно «тонущее» обращение владыки Антония Лос-Анджелеского, дающего SOS

всем желающим помочь терпящему материальную катастрофу семейному кораблю самозванных «пре-тендентов на Российский Престол» — клану «кирилловичей». Мститый архиерей слезно обращается к зарубежной пастве:

«В недавней беседе с Великой Княгиней Марией Владимировной я взял на себя смелость спросить о материальном положении ея Родителей и ея самой, задавши вопрос: “Я слышал, что у Вас затруднительное положение?” Ответ был неожиданный и трагический: “Положение не только затруднительное, но ужасное”. Великая Княгиня объяснила, что положение такое, что ея Родители принуждены думать о том, что придется покинуть Париж, взявши из привилегированной французской школы, в которой учатся дети высших лиц страны, 8-летнего Вел. Кн. Георгия Михайловича. Более того. Может быть, им придется продать свой дом в Сан Бриаке на севере Франции, который им дорог по воспоминаниям о жизни там Родителей Великого Князя Государя Кирилла Владимировича и Великой Княгини Виктории Феодоровны, как и самого Великого Князя в его детские годы, причем за этот дом можно получить лишь немного. Великую Княгиню огорчает то, что она не могла до сих пор найти работу в Париже потому, что это сейчас трудно вообще, а кроме того, ей иногда говорили, что она *over qualified*, т.е. слишком квалифицированная работница; простые служащие обходятся дешевле.

Ея сводная сестра Елена (урожденная Кэрби от первого брака Леониды Георгиевны, матери Княгини Марии Владимировны. — *О.Н. К.-Р.*) — известная американская семья, имеющая историю за 600 лет,

что можно найти в библиотеках — сейчас помочь не может, так как у нея самой большие материальные затруднения.

Испанский Король, которого генерал Франко возстановил на троне, очень нуждался, ввиду перерыва монархии в Испании, находясь в подобном положении, как и Семья Великого Князя. Королю Хуану помогли испанские монархисты. Нет сомнения, что нам, русским, необходимо сделать то же самое, т.е. поддержать Главу Династии. Сделать это мы могли бы не только единовременными суммами, но прежде всего регулярными взносами, чтобы Великий Князь мог рассчитывать на какую-то постоянную поддержку. До сих пор он возмещал отсутствие средств продажей драгоценностей, а также земли, окружающей дом в Сан Бриак. Теперь все это уже исчерпано. Хорошо, что имеющаяся страховка здоровья позволила ему оплатить недавнюю операцию.

Если Господь спросит на Страшном Суде, не оставили ли мы чужого нуждающегося ближнего без помощи, какой ответ дадим мы, безучастно пройдя мимо Первого Сына Православной России, нашего Великого Князя, положение которого выражается буквами SOS!

В начале эмиграции был известен взнос "В КАЗНУ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ". Никто не спрашивал о его материальном положении. Просто вносили, понимая, что это нужно для русского национального дела, подобно тому, как в Смутное время с воодушевлением отдавали все для спасения Отечества. Теперь же это вдвойне необходимо, являясь нашим и христианским и национальным долгом.

Если Вы согласны с настоящим обращением, благоволите заполнить прилагаемый бланк, указав любую доступную для Вас сумму.

*АРХИЕПИСКОП АНТОНИЙ
Лос-Анжелес, 4/17 июля 1989 г.»*

Данный «крик о помощи» вызвал резкую отповедь Тихона Николаевича:

«До чего мы дожили? Что готовится нам дальше? ... В самый день 4/17 Июля, в День убиения Царственных Новомучеников Российских, Архиепископ Антоний Лос-Анжелесский выпустил прилагаемое обращение. Оно — по-моему — позорит всех ныне здравствующих Романовых, которые все зарабатывают себе на жизнь честным трудом и ничего ни у кого не выкалывают.

А самого “великого” князя и “главу” с его ближайшей семейкой это обращение выставляет в непривлекательном свете бездельников, всегда лишь живших на подачки... Безобразия!!!»

Такая сильная реакция Тихона Николаевича на обращение владыки Антония кроется в тех чувствах, которое он испытывал по отношению не столько даже к личным качествам тех или иных членов семьи Великого Князя Кирилла Владимировича, сколько к их поступкам, к двуличному поведению в целом. Честный, прямой, верный слову и долгу Тихон Николаевич не прощал измены, трусости и обмана, ставших родовыми чертами «кирилловичей».

Большой резонанс за границей и в России вызвало Послание Тихона Николаевича по поводу

роли «кирилловичей», в том числе князя Владимира, в судьбе нашего многострадального Отечества:

«На Страстной неделе, в Майами, штат Флорида, США, на заседании с банкирами скончался от разрыва сердца князь Владимир Кириллович Романов. Всегда грустно, когда теряешь своего родственника, да еще одноклассника. Однако, хотя мы были троюродными братьями, и оба присутствовали в соборе в Нью-Йорке на прославлении Новомучеников Российских, мы, фактически, никогда официально друг другу представлены не были. Ведь измена в 1917-м году его отца, великого князя Кирилла Владимировича, моему родному Дяде, Царю-Мученику Николаю II (да еще до отречения Государя), а затем, в 1924-м году самозванное объявление себя «Императором Кириллом I-м Всероссийским», — заварившее новую смуту, раскололи Императорскую Семью и все Монархическое Движение за границей...

[Здесь Тихон Николаевич делает сноску-разъяснение исторического характера:

“БИРЖЕВЫЕ ВЕДОМОСТИ” № 54, от 5 марта 1917 г. сообщают:

“1 марта в 4 ч. 15 мин. в Таврический дворец приехал великий князь Кирилл Владимирович... Великий князь прошел в Екатерининский зал, и туда же был вызван председат. Гос. Думы М.И. Родзянко. Обратившись к председат. Госуд. Думы велик. кн. заявил: “Имею честь явиться вашему высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю “блага России”.

В своем интервью ред. “Бирж. Ведом.” велик. князь сказал: “Совершилось. ПЕРЕВОРОТ ПРОИЗОШЕЛ. И произошел, НЕСОМНЕННО, ПО ВИНЕ

БЫВШЕГО ГОСУДАРЯ. МЫ СВОЕВРЕМЕННО ЕГО ПРЕДУПРЕЖДАЛИ, ДОКАЗЫВАЛИ, ГОВОРИЛИ, НО ВЕДЬ ОН НАС СЛУШАТЬ НЕ ХОТЕЛ.

Даже я, как великий князь, разве я на каждом шагу не испытывал гнет старого режима? Разве я был спокоен хоть на минуту, что, разговаривая с близким человеком, меня не подслушивают...

Я не скрывался и не скрываюсь, свободно хожу по улицам и СМЕЮ ДУМАТЬ, ЧТО С ПАДЕНИЕМ СТАРОГО РЕЖИМА УДАСТЯ НАКОНЕЦ ВЗДОХНУТЬ СВОБОДНО В СВОБОДНОЙ РОССИИ И МНЕ".

На вопрос: как ему представляется, возможна ли контрреволюция, вел. кн. ответил: "Я могу по чистой совести заявить, что лично я в контрреволюцию не верю. Старые корабли сожжены, оставшаяся же гниль правительством народного доверия теперь сжигается, и ВПЕРЕДИ Я ВИЖУ ЛИШЬ СИЯЮЩИЕ ЗВЕЗДЫ НАРОДНОГО СЧАСТЬЯ, ТВОРЧЕСТВА КУЛЬТУРНЫХ НАЧИНАНИЙ И ДОБРА. Великая Россия таит в себе глыбы народного разума и добра..."

Очаг революции — Государственная Дума, к ней около 6 часов прибывает, под личным командованием Великого Князя Кирилла Владимировича часть Гв. Флотского Экипажа и по выходе из Думы ее Председателя Вел. Князь произносит следующие слова:

"Имею честь явиться Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в Вашем распоряжении. Как и весь народ, я желаю блага России. Сегодня утром я обратился ко всем солдатам Гв. Экипажа, разъяснил значение происходящих событий и теперь я могу заявить, что весь Гв. Флотский Экипаж в полном распоряжении Гос. Думы..." ("Новое Русское Слово", № 14. 119, от 5 марта 1917 г.)

Перед этим было совершено другое военное преступление. Вел. Князем была разослана следующая записка Начальникам Царскосельского гарнизона:

“Я и вверенный мне Гвардейский Экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная Вам часть также присоединитесь к нам.

Командир Гв. Экипажа Свиты Его Величества Контр-Адмирал КИРИЛЛ”.

Генерал Н.Н. Головин в своей книге “Российская контрреволюция” отмечает так:

“Совершается все это Вел. Кн. Кириллом Владимировичем 14-го (1-го) марта, накануне отречения Государя, т.е. в момент, когда поведение членов Гос. Думы, какими бы мотивами оно не диктовалось, являлось революционным; говоря иными словами, Вел. Кн. Кирилл Владимирович на третий день солдатского мятежа присоединяется к восставшим и призывает к этому и другие войска”.

Отречение Государя Императора от Престола произошло в четверг 2/15 марта в Пскове. Сам же М.В. Родзянко в своих воспоминаниях пишет: “...прибытие Члена Императорского Дома с красным бантом на груди...”

Каждый из нас, принимавший присягу, знает, что это КЛЯТВОПРЕСТУПЛЕНИЕ, которое перед лицом противника влечет: к разжалованию, лишению всех прав и состояния и расстрелу. К сожалению, бунт удался, но позор вечен и влечет за собою моральную смерть].

Спрашивают: что же теперь?

Ясно, что для тех русских людей, которые не признали самозванства Великого Князя Кирилла Владимировича, его сын — князь Владимир Кирилло-

вич, не будучи ни сыном, ни внуком Императора, — ни “великим” князем, ни “Императорским” высочеством не был. Для нас всех он является фактически тем, кто называется Князем Императорской Крови и в обращении величается “Вашим Высочеством”, но никак не “Императорским” Высочеством.

Также ясно, что партия “легитимистов”, к сожалению, перебросившаяся и к нам на родину и продолжающая считать изменника, покойного великого князя Кирилла Владимировича, “Императором Кириллом I-м”, — признает и внука скончавшегося князя Владимира Кирилловича — маленького “Тоги” — по-настоящему, по-батюшке, — принца Прусского Гогенцоллерна — за “Наследника Российского Престола”, по его матери — дочери князя Владимира Кирилловича. Это — их дело...

Конечно же, вопрос о Монархии может быть решен только в России и исключительно Свободным Всероссийским Земским Собором, который, как и в 1613-м году, не “изберет” большинством голосов, “по-демократически”, а ПО-РУССКИ, по соборному СЫЩЕТ общим согласием человека, достойного стать Царем — Избранником Божиим — для РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ЦАРСТВА, а не для какой другой, куцей, конституционной “монархии”...

По молитвам Матери Божией и бесчисленного сонма Новомучеников Российских да спасет Бог Россию!

И да будет Господь милостив к новопреставленному князю Владимиру, столь ревностно продолжавшему смуту, затеянную его недостойным отцом.

Тихон»

Немного позже, 4-го мая 1992 года, к данному Посланию делается приписка:

«Дальнейшие газетные новости сообщили («с картинками») о торжественном отпевании «Великого» князя Владимира Кирилловича, этого так сказать, «Претендента на Российский Престол» лишь (клиром) Московской Патриархии в Исаакиевском Соборе, и что уготовляется ему место среди гробниц Великих Князей, но все же не с Царями и Царицами.

О молебствиях в Зарубежных приходах сообщений в иностранной печати не было (или я не видел).

Причина смерти князя Владимира Кирилловича была теперь определена не как разрыв сердца, как Сообщалось в начале, а как разрыв артерии в брюшной полости. Это уже делает кончину князя схожей со смертью древнего еретика и богохульника Ария.

Тихон»

В своих посланиях в Россию Тихон Николаевич стремился разъяснить свои взгляды, подробно раскрыть те или иные нюансы сложных и не всегда понятных еще неискушенным российским монархистам взаимоотношений разных лиц вокруг «Царского дела». Суммируя высказанные в письмах к разным адресатам мысли Тихона Николаевича, их суть можно определить следующими положениями:

«Насчет утверждения, что «большинство» Семьи и Монархической Массы эмиграции «признали» Кирилла «царем» и говорить не стоит... ни старшие в Семье: ни Имп. Мария Феодоровна, ни в.к. Николай Николаевич, ни военные организации генерала Врангеля (последнего главнокомандующего Русской Армией) самозванство в.к. Кирилла Владимировича не признали... Его клика создала «Союз Им-

ператорских Армии и Флота", куда переманивались "чинами" и "орденами" менее стойкие из белогвардейцев, люди, боявшиеся опоздать к "делёжке пирога" — если вдруг Кирилл каким-то чудом внезапно вскочил бы на Российский Престол... Стыд и позор.

За десятилетия эмиграции были, конечно, и попытки сотрудничества, попытки объединения, которые всегда разбивались происками авантюристов или прямых ставленников ГПУ вроде Казем Бека и его "Младороссов", окруживших в.к. Кирилла Владимировича. В Имп. Семье примером такой попытки сотрудничества был супруг вел. кн. Ксении Александровны, мой крестный отец, вел. кн. Александр Михайлович — отец русской военной авиации — во многом гений — (пылкий, умный, но не всегда достаточно вдумчивый человек). Он привел некоторых из своих сыновей как бы к признанию "прав" Кирилла Владимировича, к удивлению и глубокому огорчению Царицы Матери Марии Феодоровны и ее дочерей в.к. Ксении и Ольги Александровн...

Страшно важный документ "Заявление Членов Российского Императорского Дома" по случаю смерти вел. кн. Кирилла Владимировича. Прежде всего бросается в глаза, что члены подобраны кликой "легитимистов". Всего лишь 6 человек, из коих 2 — родные братья в.к. Кирилла Владимировича, затем идет довольно безцветный Димитрий Павлович и милейший "Гаврюша" которому за его эту услугу и за то, что он туда привел своего молодого племянника Всеволода, сумевшего, как видно, подписаться по-русски, дали "велико"-княжеский титул... Много ли человеку надо?..

Но не это мне бросается в глаза, а то обстоятельство, что еще в 1938-м году эти ярые сторонники смуты — кирилловцы, прописывая порядок престо-

лону наследия, не посмели не поставить (правда, лишь после кн. Романа Петровича) всех Сыновей вел. кн. Ксении Александровны и вел. кн. Александра Михайловича: князей Андрея, Никиту, Димитрия, Ростислава и Василия. В 1938-м году все 5 Александровичей уже были женаты на девушках благородных русских фамилий, за исключением Андрея, женатого на разведенной. Как сыновья Дочери последнецарствовавшего Императора они-то по закону и должны бы были идти первыми по престолонаследию... Свои права Александровичи "потеряли" (!) позже, когда сам кн. Владимир Кириллович женился на разведенной вдове американского банкира мистера Кирби и начал делать вид, что он имеет все права уже царствующего Императора! Он даже "отнял" у детей Александровичей право называться Романовыми, противозаконно "пожаловав" Их всех фамилией "Романовских..." Правда, этот трюк кн. Владимир Кириллович осмелился сделать лишь после смерти вел. кн. Александра Михайловича, известного своим остроумием и "остреньким язычком". Вероятно, кн. Владимир Кириллович побоялся быть поднятым на смех во всем Российском разсеянии вел. князем Александром Михайловичем, вряд ли смогшим бы согласиться, что от Его внуков отнимается даже и право называться Семейной Фамилией Романовых...

Между прочим, в 1930-х годах и до самого разгрома коммунистами многочисленной "белой" эмиграции в Китае, тамошние эмигранты считали своим кандидатом на Российский Престол кн. Никиту Александровича (вероятно, потому, что Андрей Александрович был женат на разведенной?). На тихоокеанской окраине Кирилла Владимировича, как видно, уже "раскусили" еще со времени Японской Войны, 1905-го года...

Зарубежная Церковь показала свою светлую сторону прославлением Новомучеников Российских. Но в политику она не вмешивается. Среди духовенства можно найти и “демократа” и... — “зелотов” смуты-Кирилловщины, как например, владыку Лос-Анжелесского Антония, оказавшего медвежью услугу “Царской Семье” кн. Владимира, показав их бездельниками, готовыми жить на подаении.

Владыка митрополит Виталий осторожно ведет свой корабль по взволнованному морю и в политику старается не вмешиваться. Но в общем он очень не доволен вечными интригами “легитимистов” — сторонников “великого” князя. Прошлым летом Владыка после церковных торжеств в Америке был хитро приглашен “на чашку чая” с кн. Владимиром Кирилловичем, где вместо этого была пресс-конференция “во славу” кн. Владимира Кирилловича и наш Митрополит был лишь “украшением кандидата на трон”... Поняв, что он “попался”, Владыка в какой-то момент просто встал и удалился... Однако весь мир на всех языках облетело сообщение и фотография с духовного торжества, где Владыка помазует миром главу кн. Владимира Кирилловича, что для не знающих Православия дает впечатление чего-то сверторжественного и лишь «великому» князю оказанного... Почему-то фотография была напечатана наоборот, и получается, что Митрополит помазует левой рукой... Не знаю, не нарочно ли так было напечатано, не есть ли это какой-то тайный сигнал “посвященным”? Но над этим стоит задумываться.

Насчет же “масонского” манифеста, подsunутого Государю вел. кн. Кириллом Владимировичем, я скажу так: закадычным другом в.к. К.В. был английский посол Лорд Бьюкенен, более чем вероятно — масон. Их жены тоже были ближайшими подружками меж-

ду собой. Вот Кирилл и вообразил — с помощью или подстрекательством Бьюкенена, — что наступил момент ему стать царем — без настоящих обязанностей (как то: пред Богом!), нарушил присягу, побежал на поклон к бунтарям... Родзянко ему короны не дал, а двери Английского посольства захлопнулись. Ни Лорд, ни его Леди больше ничего общего с вел. князем и его великой княгиней иметь не захотели... "Мавр сделал свое дело..." — ну и проваливай!..

Всю жизнь в.к. Кирилл Вл. творил постоянно дворцовые интриги — да еще с клятвопреступлением и изменой! И закончив самозванством... Результат этих грехов, в которых он никогда не покаялся, а лишь все нагромождал, раздирают монархическую среду до сего времени...

Ныне уже все покойные сыновья вел. кн. Ксении Александровны обыкновенно просто игнорировали всю мышиную возню в.к. Кирилла, и, будучи по природе скромными, честными и вежливыми, лишь выступали с протестами (вместе с другими Романовыми), когда бутафория князя Владимира доходила до нестерпимых границ... Ясно, что и все внуки вел. кн. Ксении Александровны и ея Супруга в.к. Александра Михайловича отрицательно относятся к незаконным кривляниям кн. Владимира Кирилловича.

Мнение Членов Императорской Семьи просто: Новомученик, великий князь Михаил Александрович не отрекся от престола, отложив и передав решение "Великому Русскому Народу" (как Он выразился). Поэтому только Земский Собор Земли Русской может решать дальнейшее; по традиции нашей — единогласно: никаких "претендентов", никаких "кандидатов", никаких шумных выборов западного стиля, тем более никаких "выскачков". Так только, с молитвой и покаянием (за нарушенную присягу

1613-го года) сможем мы возстановить Русское Православное Царство, "Третий Рим", во главе с Удерживающим! Русская Православная Монархия — уникальное явление во всем мире. Православная Монархия у нас не "политика", а Вера в Правду Божию».

Промыслом Божиим ажиотаж в России вокруг «кирилловичей», как «первых претендентов на трон», с годами сошел на нет. Есть в этом немалая заслуга и Тихона Николаевича. Теперь, спустя годы, княгиня Мария Владимировна и ее сын Георгий воспринимаются на родине в лучшем случае как одни из многочисленных членов Династии Романовых. Встречаясь с ней на каких-либо православных торжествах, мы вежливо приветствуем друг друга, хотя говорить мне с ней по-прежнему не о чем — княгиня плохо говорит по-русски...

Прекрасно понимая, что никакие династические распри, самозванчество или иные «верхушечные» ухищрения не могут оказать решающего влияния на ход истории, на будущее России и что самодержавную, подлинную, монархию насадить сверху невозможно, поскольку она есть выражение, в первую очередь, народного духа, а затем уж форма государственного устройства, Тихон Николаевич всегда считал, что решающее слово в возрождении Отечества принадлежит самому народу, следующему в путях Божиих. Из всех современных российских сословий он особенно выделял казачество как исторически организованную и активную силу. Российское казачество, разделенное после переворота 1917 года на красных и белых, пережило в прошлом веке

страшные беды и гонения, но сохранило сословную память, формы своего исторического бытия, пусть и в каком-то усеченном, разделенном виде.

Оставшиеся за границей казаки стремились сохранить память о земле предков, о страшных годах репрессий, стремились противостоять западной ассимиляции «благополучием», в то время как на родине казаки просто выживали, приспособляясь к насильственной ассимиляции советского интернационализма. Но если лишенное родной живой почвы казачество на Западе с годами лишалось исторической перспективы и все более и более превращалось в склад-схрон, где лежит проверенное боевое оружие до лучших времен, то российское казачество таило в себе огромную потенциальную молодую энергию для саморазвития при возникновении благоприятных условий. И такое время наступило в конце 80-х годов двадцатого столетия. Сохраненные зарубежными казаками знания, опыт, традиции должны были помочь новым поколениям российских казаков быстрее встать на ноги. Одним из тех, кто способствовал скорейшему объединению усилий двух насильно разделенных частей единого казачьего тела по возрождению традиционного уклада своей жизни на родине, был Тихон Николаевич.

Как внука и родного племянника Российских Самодержцев — покровителей казачества — его часто приглашали на свои встречи зарубежные казаки. В своей заметке, опубликованной в газете «Новое Русское Слово» от 17 июня 1991 года, ата-

ман Общеказачьей станицы г. Кливленда Е. Ткаченко пишет:

«В воскресенье, 2-го июня, по окончании литургии в храме преп. Сергия Радонежского (г. Кливленд, Огайо) была совершена панихида по многим тысячам казаков с семьями, выданных 1 июня 1945 г. британским военным командованием Советам, где их ждала мученическая смерть.

Прочувственное слово произнес настоятель протоиерей Петр Бурлаков, после чего вместе с диаконом Сергием Болтером совершил панихиду по жертвам незаконной выдачи казаков.

После молитвы на трапезе, состоявшейся в павильоне на церковном участке, атаман местной казачьей станицы выразил от имени всех присутствующих сердечную благодарность прибывшим в Кливленд и принявшим участие в совместных молитвах в храме высоким гостям — внуку Императора Александра III и племяннику Императора Николая II Тихону Николаевичу Куликовскому-Романову с супругой — кубанской казачкой Ольгой Николаевной».

Поэтому естественно, что Тихон Николаевич, постоянно устремлявший свои мысли к России, именно к казакам обращается в 1992 году с Посланием, которое я привезла в Россию и обнародовала в средствах массовой информации, что сделало его широко известным:

«Казаки!

Только ваш настоящий, исторический быт: прямой, честный, православный — должен стать тем примером единения, который смог бы вернуть весь

Русский Народ на его исконный Исторический Путь после 70-ти лет лихолетия, когда безбожная антирусская доктрина выдуманного коммунизма безжалостно калечила человеческие души.

Вы должны добиться получения казачьих земель в общинное пользование. Чтобы каждый желающий мог получить в личное пользование надел земли, без права продажи — последнее не будет идти в разрез с сегодняшними законами.

На казачьей земле заживете по казачьим традициям: с атаманом, казачьим крутом. Сможете строить станицы с церквями, школами и развивать промыслы, рабочие артели и прочее.

Казачи не только всегда стояли на страже России, являясь щитом, за которым мог мирно трудиться пахарь, но они были и "землепроходцами" вроде Дежнева, Миклухо-Маклая и прочих. Казачи открывали земли и прокладывали пути для шедших им во след и для потомства.

МОЩНЫЙ ДУХ КРОЕТСЯ В ИДЕЕ КАЗАЧЕСТВА!

Казачи! Помогите и сейчас нашему народу своим деятельным примером — приведением своей земли в порядок, в Христианском духе любви, честности, свободы и поддержке слабых!

Тогда — с Божьей Помощью — и вся Россия сумеет выбраться на путь СПАСЕНИЯ.

1992 г. Тихон»

Еще при жизни Тихона нас пригласили посетить столицу казачьего Дона — Новочеркасск, где должны были открыть заново Кадетский корпус имени Императора Александра III, существовавший там до революции. Естественно, что на этом

торжестве донские казаки хотели видеть внука Царя-Миротворца. Поэтому Тихон Николаевич загодя стал готовиться к этой встрече и набросал черновик приветственного слова. Увы, слова приветствия юные кадеты слышали только из уст вдовы:

СЛОВО К ДОНСКОМУ КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ.

«Волею Всевышнего Господа Тихону Николаевичу Куликовскому-Романову, моему дорогому супругу, не привелось лично присутствовать телом здесь, но я уверена, что душой как всегда он был с Россией, так и сегодня он с нами здесь.

За два дня до смерти он набросал черновик Обращения к вам. Я решила добавить только начальное пояснение, но оставить неизменным его Обращение к вам:

*«Директору корпуса
Геorgию Вячеславовичу Писареву*

Ваше благородие, дорогой есаул
Георгий Вячеславович,
Учащие и учащиеся
славного Донского кадетского корпуса!

Вы не можете себе представить, как мне радостно быть в России, с вами, тут, в возрождающемся Новочеркасском кадетском корпусе, основанном 110 лет тому назад моим Державным Дедом, Императором Александром III — Царем-Миротворцем.

Не зря Император Александр III приобрел в истории прозвище именно Миротворца! Мой дед царствовал по древнему, мудрому правилу: «Если хочешь мира, то будь готов к войне!» И к его слову —

иногда грозному, но всегда в пользу примирения, прислушивались как друзья, так и враги...

Даже говорилось: "Когда Русский Царь рыбу ловит, Европа может подождать!" И это "подождать" не раз спасало Европу от ненужных схваток. И Россия богатела и процветала.

При сегодняшней разрухе и растлении в нашей стране надо сделать все, что в наших силах, чтобы спасти душу молодого поколения. Юные будущие воины! Ведь в ваших руках скоро будет дальнейшая судьба Отечества. А живем мы в страшное время.

Во всем мире сейчас нарочито развращают молодежь. Развращают самым нелепым, супер-эгоистическим "гедонизмом" (т.е.: "ешь, пей и веселись"), приходящим с задворков Запада, с полным презрением к понятиям чести, долга и даже простейшей честности и дружбы... Другими словами: "Все дозволено, наплевать на всех!" По таким "заветам" ни один народ, ни одно общество не устоит...

Становится ясно, что нужно поскорее повернуть на 180 градусов. Молодежь должна получить в корпусе заряд любви к Отчизне, к ее истории, ее вере — вере отцов наших, вере православной. Помните, чье имя носите! Вы носите имя Императора Александра III Миротворца!

Еще будучи наследником Цесаревичем, будущий Император Александр III близко познакомился с бедствиями войны. В чине молодого генерала он участвовал в Турецкой войне, освободившей балканских славян от турецкого ига. Тут он оказался командиром русского так называемого "Рушутского отряда".

Как всегда, когда наша православная Россия находилась в борьбе с басурманами, Европа была на стороне наших врагов. Турецкая армия была сразу снабжена английским оружием, превосходящим по

качеству и новизне конструкции наше. На турецкой стороне было и то, что боевые действия происходили на территории турецкой империи, т.е. наши враги имели более точное знание природы, климата, топографии и прочего тех мест, где велись военные действия. И вот, окруженный в гористой местности да еще превосходящими силами противника, наш "Рушутский отряд" оказался в весьма критическом положении. Турецкие генералы уже ликовали, будучи уверенными в предстоящем полном разгроме "Рушутского отряда"...

Но будущий Император Александр III оказался волевым и незаурядным полководцем! И он сумел вывести свои войска из того, что по всем данным казалось неминуемо закрывшейся ловушкой...

Отступление с боями наших войск было проведено настолько блестяще, что стратегию, примененную Наследником русского Престола, еще много лет спустя преподавали в училищах Генеральных Штабов цивилизованного мира... Ведь есть неглупая поговорка: "Не тот казак, кто победил, а тот, кто выкрутился!" И "выкрутиться" — со спасением чести и не погубив тысячи русских жизней — не малый подвиг и слава!

"Слава! Слава! Слава!" — не раз восклицал всех времен и всех народов сверхполководец Суворов.

Кадеты! Да сопутствует и вам в вашей жизни и трудах дух суворовской русской воинской славы.

СЛАВА! СЛАВА! СЛАВА!»

На открытии Кадетского корпуса я, как урожденная кубанская казачка, добавила несколько слов и от себя:

«Ваше Высокопреподобие! Господа офицеры! Господа кадеты! Дорогие дамы и господа!

Дорогие станичники — создатели, благотворители, воспитатели, учащие и учащиеся возрожденного вашими общими усилиями на родной земле Донского Императора Александра III кадетского корпуса, бывшего “в небытии” семьдесят два года!

Я, как супруга покойного шефа вашего корпуса — Тихона Николаевича Куликовского-Романова, имею честь приветствовать вас.

Ваше войско Донское можно считать родоначальником всех казачьих войск, находившихся на территории бывшей Российской Империи. Только Кубанское войско, к которому принадлежу и я, составлено из донцов-линейцев и черноморцев — потомков запорожских казаков, переселенных на Кубань Императрицей Екатериной II.

В то время, как запорожцы были основаны в XIV веке по указу польского короля и назывались козаки, донское казачество зародилось на Руси во времена монгольского ига.

Собирая дань с покоренной в XIII веке Руси, монголы брали не только имущество покоренных, но и людей. Одних они продавали в рабство, из других формировали воинские части для своих завоевательских походов. К их чести, к чести диких монгол, они не воспрещали воинам из славян говорить между собой на славянском языке и исповедовать православную русскую веру.

Так как эти люди не были данниками, т.е. не платили дани монголам, они их называли казаками, т.е. вольными людьми. Уже в XIV веке у этих казаков было свое самоуправление.

Что они не отделяли себя от остальной части Руси, показывают примеры, когда донцы в трудную

минуту приходили на помощь. Так, в 1380 году, когда Великий Князь Московский Дмитрий Донской, получив благословение от преподобного Сергия, пришел на Куликово поле, чтобы сразиться с Мамаем, к нему на помощь пришли донцы и принесли с собой образ Богоматери из станицы Аксайской. Эта икона, именуемая ныне "Донской", прикрепленная на шесте, была хоругвию русских воинов на Куликовом поле. Они же присоединили Сибирь и были землепроходцами до Тихого океана, создав таким образом войска: Терское, Астраханское, Уральское (Яицкое), Оренбургское, Сибирское, Семиреченское с городом Верный (теперешняя Алма-Ата), Забайкальское, Уссурийское.

При избрании на царство Михаила Федоровича Романова его кандидатуру выставил донской атаман Межанов. Во всех войнах России казачество принимало участие вместе с армией.

В Итальянский поход Суворова, в северной части Италии, казачий разъезд наскочил на конную группу французов; казаки ринулись с пиками наперевес на французов, и станичник Туроверов "насадил" на пик французского маршала Жубера. Это было в конце XVIII века, а в 60-х годах нашего XX века донской казак, родившийся в Париже, Николай Александрович Туроверов, женился на пра-пра-правнучке маршала Жубера.

Серебряный иконостас в Казанском соборе в С.-Петербурге — дар донских казаков; серебро было отбито у отступающих французов в 1812 году.

Недаром же говорилось, что "границы Российской Империи на арчаке казачьего седла".

Даже при мятежах "гулытьбенных" казаков Разина, Булавина и Пугачева домовитые казаки России

не изменяли, а оставались ей верными и помогали погасить очаги "заразы".

Во всех войнах России донское казачество особенно отличалось. Видимо, потому Император Александр Александрович соизволил создать донской кадетский корпус и Новочеркасское военное училище — голубой погон с белым кантом и вензелем Царя-Миротворца.

Надеюсь, что и Донской корпус и донское казачество будут следовать девизу: ВЕРНЫ ЗАВЕТАМ СТАРИНЫ!»

Поездка на Юг России позволила мне посетить и древнюю кубанскую казачью станицу, к которой был приписан мой дорогой отец есаул Николай Николаевич Пупынин. Там были очень интересные встречи с местным священником, старыми и молодыми станичниками. Во время теплого приема меня попросили выступить. Мне хотелось не только выразить всю признательность за доброе внимание к моей скромной особе, но и передать те настроения русской эмиграции, русского казачества в изгнании, которые я наблюдала на протяжении своей жизни:

«Я, как супруга Тихона Николаевича Куликовского-Романова — внука Императора Александра III и родного племянника Царя-Мученика Николая II Александровича и дочь есаула Николая Николаевича Пупынина — кубанского казака станицы Старощербиновки Ейского отдела, приветствую Вас всех и благодарю за сердечную встречу и прием.

В теперешние времена нужно особенно хорошо помнить о той важной роли, которую сыграли каза-

ки в русской истории, — ярые защитники Православия, опора самодержавия, блюстители границ Империи. Открывали и завоевывали новые земли, можно сказать, от Крыма до Аляски, они до последнего времени были верной поддержкой Престола. Кубанцы-конвойцы всегда хранили верность Их Величествам Самодержцам Всероссийским. Недаром бунтари-революционеры так ненавидели казаков, а советская безбожная власть приложила все усилия, чтобы планомерно их истреблять.

Теперь, когда в России наконец проявился дух возрождения и возвращения к нашим традициям, здоровое казачество не может не возобновить свою историческую роль и, вернее всего, будет иметь большое значение в восстановлении Российской Православной Самодержавной Империи... Вспомним 1613-й год и роль казачества в восстановлении законной Царской Власти.

Только грядущий Всероссийский Земский Собор по милости Божьей укажет единой России нового Державного Хозяина.

Мощный дух кроется в идее казачества! Казаки, помогите и сейчас нашему народу своим деятельным примером приведения своей земли в порядок в христианском духе любви, честности, свободы и поддержки слабых.

Возрождение казачества уже развивается годами, но, как и общее возрождение России, оно не организовано, оно происходит вразброд — это и является главной причиной медленности процесса возрождения. И это лишь на пользу нашим врагам.

Будем же помнить, что у нас общая цель, отставим в сторону мелкие личные интересы. Только самоотверженность и честность могут привести к очищению и возрождению нашей России.

Объединимся в одно общее, сильное казачество!
Будем постоянно вспоминать, что в единении сила!»

Поездка 1993-го года на Дон и Кубань была незабываемой. Но к этой большой радости постоянно примешивалось неизбежное чувство тоски и горечи от того, что рядом не было любимого Тихона. Как он хотел, как он мечтал приехать в Россию, на Дон, на Кубань!

То же чувство острой нехватки мужа испытывала я и тогда, когда пришлось ехать одной в мае-июне 1995-го года на очередную встречу памяти погибших под Лиенцем казаков. Когда-то на такие встречи, проводимые казаками в разных точках мира, где только есть казачьи станицы, мы приезжали вместе с Тихоном...

Впечатления от тогдашней поездки в Лиенц нашли отражение в дневнике, некоторые выдержки из которого публикуются ниже.

«Мой перелет Торонто-Париж-Мюнхен был замечательный, я даже умудрилась поспать часа три. В Мюнхене — пересадка на железную дорогу и поездом уже неслась до Лиенца.

Дорога вела через Зальцбург. Тут, конечно, всколыхнулись все воспоминания, ведь в 1946–47 году я была в лагере «Парш» — предместье-полустанок Зальцбурга. Наш лагерь, то есть бараки, которые я последний раз видела в 1959 году, уже тогда были полуразрушены, а в сей раз они полностью заменены новыми поселочными предместными домами.

Зато рядом был "еврейский лагерь". Тот еще стоит. Ибо и тогда это были прекрасно выстроенные дома-дуплексы.

Вообще вся дорога — Маркт Понгау (где был большой лагерь военнопленных сербов) — Бишофсхофен — Бад Гаштейн — Клагенфурт — надолго врезалась в мою память. И теперь, 50 лет спустя, снова всколыхнули сильные переживания.

Благополучно добрались до Лиенца. Началось размещение по гостиницам. Было небольшое замешательство с моей комнатой, так как я заранее ее не заказала. Но, переночевав одну ночь в "Готел Траубе", мы с Еленой Яковлевной Шипулиной из Монреаля на следующий день переехали в гостиницу "Золотая Рыбка". Эта гостиница оказалась знаменательной тем, что 50 лет тому назад служила штаб-квартирой нашего славного генерала Петра Николаевича Краснова.

Люди понемногу съезжались и размещались по всем гостиницам, где только можно было. Начались знакомства, старые и новые встречи. Полный подъем настроения!

Подъехал и князь Михаил Феодорович Романов, граф Николай Дмитриевич Толстой-Милославский, а с ним и его сотрудник и исследователь по делам суда в Англии Denis Conolly; Зоя Полянская-Пламер — жертва Дахау и Аусшвица, потом пережившая трагедию Лиенца. Она — автор книги на английском языке "Ялта Виктом" ("Жертва Ялты"). И еще Александр Блошинский, Галина Johnson и др. Анна Афанасьевна Братякина и Мария Емельяновна Платонова. Обе в свое время ездили в Англию на суд графа Н.Д. Толстого-Милославского как свидетели, так как обе были участницами Лиенцевской трагедии. Они описывали свои переживания и скрывания у местных крестьян (бауеров).

Приехал священник из Австрии отец Михаил Протопопов, — мальчиком свидетель выдачи и потерявший таким образом своего отца. И многие другие участники съезда из Австралии, Франции, Англии, Германии, Соединенных Штатов и Канады, свидетели пережитого ужаса. Мы были приглашены к немцам и австрийцам, участникам корпуса генерала фон Панвица. Их тоже было очень много.

Так мы провели четверг и пятницу, 25 и 26 мая.

Суббота, 27 мая 1995 года, был замечательный день. Встали довольно рано, позавтракали и направились с Александром Блошинским на его автомобиле к месту по ту сторону реки Дравы, где установлен памятник генералу фон Панвицу. Там собралось много немцев со всей Германии, которые служили в 15 Regiment KozakenKavallerie — General von Fanvitz. Почти все они побывали в советском плену: кто 5, кто 5,5, кто 6, а кто и 10 лет. Все они более-менее говорят по-русски, так как научились в плену. С женами и приглашенными почетными гостями: бургомистром и другими — было около 300–350 человек. Типичный тирольский оркестр играл замечательно.

Сначала были проведены католическая и протестантская службы-молитвы. Говорились речи. Я подготовилась сказать о фон Панвице по-русски, не рискнула сказать по-немецки, ибо язык “заржавел”.

Вот мое выступление:

“Тельмут фон Панвиц родился в Силезии в 1898 году. Сын немецкого кавалерийского офицера, он сам был прекрасным кавалеристом. За время II Мировой войны в 1942–43 году набрал около 1000 человек и, поняв истинную цену казачества, создал Казачью Кавалерийскую Дивизию.

И он, в свою очередь, был обманут!

Фон Панвиц сжился с казаками, искренне полюбил их самих, их язык, обычаи, традиции, на что они отвечали ему не меньшей любовью и называли его "Немцем с Казачьей душой".

Уже в Лиенце казаки избрали его, фон Панвица, походным Атаманом Казачьего Стана и после выборов, в знак своего сердечного почтения, любви и преданности — внесли Атамана фон Панвица в лагерь на руках.

При насильственной выдаче британский комендант сообщил ему, что он, как германский офицер, не подлежит выдаче, являясь британским военнопленным, и может снять черкеску.

Но фон Панвиц сказал: "Я делил с казаками хорошее — теперь я хочу делить с ними и плохое. Я заключил с ними дружбу на жизнь и на смерть".

Свое краткое выступление я закончила стихотворением.

ФОН ПАНВИЦ

Ему сказали: "Вы свободны:
Мы уважаем Ваш мундир,
Но казаки нам неуютны,
К несчастью, Вы — их командир".

Шли поезда... Ему кричали:
"Прощай, наш батько-генерал!"
И он, как вылитый из стали,
Один их молча пропускал...

Когда ж на смерть и на страданья
Ушел последний эшелон,
К своим врагам без колебанья
Вернулся сам спокойно он.

Было очень трогательно, продолжалось 2 часа.

Потом перешли на другую сторону реки Дравы — к нашему Русскому православному кладбищу. Служил о. Михаил из Австралии. Присутствовали около 150–180 человек. Отец Михаил служил панихиду величаво. Была замечательная погода, хоть и предсказывали дождь. После панихиды все были приглашены на поминальный обед. Казак Николай Лукинов представил гостей присутствующим.

Атаман Александр Михайлович Певнев в своем слове приветствовал всех присутствующих и поблагодарил устроителей.

Елена Яковлевна Шипулина, редактор “Станичного вестника” из Монреаля, передала приветствия от Атамана Монреальской станицы И. Изверева и попросила всех, кто может, прислать ей материалы о Лиенце к 50-летней годовщине трагедии для юбилейного сборника, который они собираются издать.

Я прочитала краткий доклад о трагедии Лиенца и приветствие:

“Трудно поверить, что 50 лет назад закончилась II Мировая война, и для некоторых наступило время “сладкой победы”. Русским людям легче не стало, охота на них началась с другого конца.

Великая Княгиня Ольга Александровна — младшая сестра Государя, по мужу Куликовская, и моя свекровь, в Дании получив умоляющее письмо от генерала Петра Николаевича Краснова, которого Она лично знала, моментально обратилась к своему двоюродному брату Акселю, самому выдающемуся из всей датской королевской семьи. Он все понял и обещал помочь, чем может, людям, оказавшимся между двух огней.

Но судьба казаков и других выдаваемых Советам русских людей была уже давно решена. И никакой

писк из Дании, и так с трудом признанной союзницей "победителями", их спасти уже не мог.

Отдельные беглецы, являвшиеся к Великой Княгине, скрывались у Нее дома, и при первой возможности отправлялись с помощью датских друзей в Южную Америку. Эти дела милосердия и повлекли за собой необходимость переезда семьи Великой Княгини за океан. Советский Союз предъявил ноту правительству, обвиняя Великую Княгиню Ольгу Александровну как главную сообщницу, помогавшую врагам бежать от праведного отмщения. Между прочим, мой отец в момент Лиенцевской трагедии был тут, в лазарете, и чудом спасся.

Я хочу приветствовать всех вас, собравшихся здесь. Многие из вас — живые свидетели того **ВЕЛИКОГО ПРЕДАТЕЛЬСТВА**, когда из лагеря Пеггек насильственно, сотнями тысяч выдавали казаков, женщин и детей на заклание. Это показало всю низость, безразличие к человеческой жизни и жестокость победителей-союзников.

В Ялтинском соглашении, подписанном 11 февраля 1945 года, не упоминалось о насильственной репатриации, тем не менее союзники — Америка, Англия и Франция — согласились с Советами и обманным путем выслали свыше пяти миллионов человек на явную смерть. Эта массовая выдача происходила с 12 мая 1945 и до конца августа 1946 года и была названа "roegation keelhaul", т.е. "килевание".

В Американской и Английских зонах русские беженцы, старые белые воины, служившие в Русском Корпусе и другие — вовсе не советские подданные — переживали ужас.

Ответственным за репатриацию казаков был назначен майор Дейвис. Позорным и обманным образом давал "честное слово английского офицера" (по-

том мы осознали, что значит "честное слово английского офицера"), вместе с ним агало его высшее начальство. Агали все — американское и английское высшее командование.

27 мая майор Дейвис опять обманом обезоружил все казачье верховное командование, пригласив якобы на "конференцию". Выдача оставшихся в лагере казаков производилась с ужасным зверством. Казаков, казачек, детей били палками, прикладами и давили танками.

То, что творилось 1-го Июня 1945 года здесь, напоминает нам первые века христианства, когда за веру в Господа Иисуса Христа — за исповедание идеи добра и любви бросали людей на нечеловеческие муки — на растерзание диким зверям. Не верилось, что это происходит в наше цивилизованное "ТУМАННОЕ" время, в 1945-47 годах в Лиенце, Дахау, Платлинге и в других местах.

Бедных сопротивляющихся англичане били, хватали и швыряли в грузовики. Те, кому удавалось удрать, бросались в реку Драву, часто привязывая своих малых детей себе на грудь. Другие осколками стекла резали себе вены.

Выдавали всех, казаков и тех, кто оказался с ними. Выдавали болгар, сербов, хорватов, словенцев, другими словами всех, кто был антикоммунистом.

Так были выданы атаман генерал Петр Николаевич Краснов, генерал Андрей Георгиевич Шкуро, генерал Султан Келеч Гирей, генерал Тимофей Иванович Доманов, генерал Семен Николаевич Краснов. Добровольно пошел на смерть со своими казаками, даже не будучи русским, генерал Гельмут фон Панвиц.

В январе 1947 года военная коллегия Верховного суда СССР всех приговорила к смерти как врагов Советской власти. Приговор был тут же приведен в

исполнение — НО КАК!!! В чекистском застенке Лефортово к ним применили изуверскую пытку — ЖИВЬЕМ ПОДВЕСИЛИ ЗА РЕБРО НА МЯСНИЦКИХ КРЮКАХ. Лишь старого измученного Петра Николаевича Краснова “из милости” расстреляли. Его последними словами были: “Я служил нашей Родине России так же верно, как отцы и деды мои!”. Чудом уцелел его внук Николай Николаевич Краснов, проведя десять лет в советском концлагере. Таким же образом были повешены генералы Власов и Семенов.

Давайте спросим себя — от кого и за что они пострадали? Они пострадали за то, что не хотели идти под власть злобной сатанинской силы, владеющей нашей РОДИНОЙ и отрицающей БОГА, добро и справедливость.

Насильственная репатриация казаков в Лиенце — одно из самых ужасных преступлений военного времени — является нарушением всех Божеских и человеческих правил. Пусть этот памятник и это кладбище всегда напоминает грядущим поколениям о зверствах коммунизма и предательстве англичан.

Они пренебрегли постановлениями Гагской конвенции 1899 и 1907 годов, Женевской конвенции 1929 и 1949 года и всеми принципами гуманности.

То, что мы собрались здесь, имеет громадное моральное значение, укрепляя русское самосознание и непримиримость к безбожным коммунистическим узурпаторам.

Вспомним также с благодарностью колоссальные труды и подвижничество атамана Кубанских Казачьих войск, генерала Вячеслава Григорьевича НАУМЕНКО, который отдал десять лет своей жизни на создание капитального труда — сборника материалов о “Великом предательстве” — выдаче казаков в

Лиенце и других местах. И графа Николая Дмитриевича ТОЛСТОГО-МИЛОСЛАВСКОГО, который один на один со всем английским истэблишментом в лице господина Тоби Лоу, который заведовал насильственной репатриацией 75.000 казаков и антикоммунистов югославов, дерзнул выступить со словами правды и обличения. Тоби Лоу за усердие получил титул лорда Аддингтон.

Трагедия Лиенца — трагедия миллионов людей. Мы не можем допустить, чтобы эта трагедия была забыта.

We shall never forget! Мы никогда не забудем!

Всем погибшим и при зверской выдаче, и в концентрационных лагерях, а также умученным безбожной сатанинской властью. ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

О, Белые Оры, сыны родной России,
Исполнится ваш вещий сон:
Услышим мы неударжимый и стихийный
Колоколов победный звон!"

После панихиды гостей угощали (т.е. взяли на себя расходы за прекрасный обед) несколько станиц.

Вечером опять собрались в нашей гостинице "Золотая Рыбка". Было уже не так официально, но очень уютно. И тут, перед ужином, о. Михаил очень трогательно благословил и подарил икону Св. Харлампия (семейный покровитель Толстых) графу Николаю Дмитриевичу Толстому-Милославскому.

В воскресенье, 28 мая, некоторые отправились в Лихтенштейн, в гор. Вадуц, где тоже состоялось богослужение.

Во вторник, 30 мая, я уехала в Париж к знакомым на две недели.

Обратный путь был интересен тем, что было много попутчиков. Во-первых, мы уже заранее дого-

ворились с князем Михаилом Феодоровичем ехать в Париж вместе. До Зальцбурга с нами ехал австралиец капитан.

Я все еще находилась под сильным впечатлением визита в Лиенц.

Мои милые знакомые встретили нас на парижском аэродроме, и мы покатали к ним домой в Эрмон.

За эти две недели было много разных встреч и приемов. 1-го июня, как раз на Вознесение, побывали мы и в Лестнинском монастыре в Провемон, где служил владыка Серафим Брюссельский.

После литургии владыка пригласил нас на трапезу, а потом в приемную на чай. Поговорили о многом интересном.

Была я и в Вильмуасоне у о. Вениамина Жукова. Тихон Николаевич очень уважал и любил его. Отец Вениамин одарил меня иконами для России.

Еще много, много встреч состоялось с людьми, снабдившими меня нужными мне сведениями и данными.

Итак, эта поездка по Европе в 1995 году оказалась очень интересной, поучительной и очень, очень долго останется в моей памяти».

Чтобы закончить рассказ о казачестве, мне пришлось несколько нарушить хронологию своего повествования. Теперь необходимо вернуться снова в 1993-й год. Итак, после моей чрезвычайно успешной поездки в Россию в 1992-ом году мы с Тихоном Николаевичем стали готовиться к новому, но теперь уже совместному визиту на родину. Тихон Николаевич даже набросал своей рукой текст Обращения к Донскому кадетскому корпусу, о котором я уже говорила выше. Тихон Николаевич

страшно волновался: мечта изгнанника — побывать на родине — казалась такой близкой и осуществимой. Однако Господь судил иначе...

События развивались следующим образом. 6-го апреля 1993 г. Тихон Николаевич почувствовал себя плохо, и был отвезен в Women's College Hospital, где было установлено, что он перенес легкий сердечный приступ (инфаркт миокарда). Его оставили для наблюдения в коронарном отделении. Вскоре, уже в госпитале, произошел мощный сердечный приступ, при котором прорвалась стенка между нижними отделениями сердца. Тихон Николаевич был в сознании, отвечал на вопросы медицинского персонала, говорил со мной. Утешая меня, сказал, что боль терпима.

Затем Тихона Николаевича перевели в Toronto General Hospital, где его анестезировали, чтобы он не растрачивал жизненной энергии, и можно было безболезненно провести некоторые процедуры. Во время этих процедур сердце его остановилось, однако он был возвращен к жизни. Но врачи боялись оперировать, т.к. главные функции организма никак не стабилизировались.

Только после полудня 7-го апреля д-р Дэвид, известный хирург-кардиолог, решился на операцию, хотя особой надежды на благополучный исход не было. Оперировали Тихона Николаевича три часа. После операции хирург объявил нам, что операция прошла успешно и что, к его изумлению, Тихон Николаевич ее пережил. «А теперь все в руках Божиих», — добавил он, т.к. считал Тихона Нико-

лаевича тяжело больным. Воспрянувшую духом семью пустили к Тихону Николаевичу, бывшему еще под наркозом.

В России, узнав о болезни Тихона Николаевича, стали усердно молиться о его здравии. Как сообщили мне братчики из московского Братства во имя Царя-Великомученика Николая, были «оповещены митрополиты, архиепископы и епископы, Владыки Санкт-Петербургской, Екатеринбургской, Костромской и Воронежской епархий. Совершаются молебны во многих московских и подмосковных церквях и соборах...»

Утром 8-го апреля мне позвонили и сказали, что стенки сердца Тихона Николаевича прорвались на новом месте. Несмотря на героические усилия д-ра Дэвида и медицинского персонала (была сделана вторая операция), в восемь часов утра Тихона Николаевича не стало.

В храме Святой Троицы на Генри Стрит, 23, начали служить ежедневные панихиды. Через два дня в храм перевезли тело Тихона Николаевича. Все панихиды проходили при очень большом стечении молящихся.

Гроб, стоявший посередине храма, был накрыт русскими флагами — трехцветным и военным. На них лежали русский геральдический знак (двуглавый орел) и подушка с военными наградами. Вокруг стояли цветы: от семьи — большой православный крест из белых гвоздик, венки, корзины и букеты от частных лиц и многочисленных организаций: кадетских объединений, казачьих станиц, Бла-

готворительного фонда имени Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, «Сербской братской помощи», американских помощников Фонда — супругов Стюарт и Ирины Керн из города Винсент (штат Индиана), пароходства «Морфлот» (Россия), семьи гр. Игнатьевых, князя Давида Чавчавадзе с супругой, бывших сослуживцев из Департамента шоссежных дорог Онтарิโอ и многих других.

Многие из присутствующих вместо цветов на могилу, по установившемуся в Торонто обычаю, собрали крупную сумму для отсылки в монастыри на помин души раба Божьего воина боярина Тихона. Были также многочисленные пожертвования в Благотворительный фонд, почетным председателем которого являлся покойный.

Около гроба стояло четыре флага: русский трехцветный, Дома Романовых, датский королевский и канадский. Между флагами и гробом бесшумно сменялся почетный караул из русских кадет и бывших чинов датской Королевской гвардии, живущих теперь в Канаде.

На шестой день, 13-го апреля 1993 г., в переполненном храме, Его Преосвященство Владыка Илларион Манхэттенский совершил отпевание в сослужении с протоиереями Владимиром Мальченко, Георгием Беляем, Иоанном Григоряком и дьяконом о. Михаилом Любощинским.

Было много друзей и представителей организаций из-за границы и из Канады: И.И. Агатов — от кадет Нью-Йорка; атаман общеказачьей станицы

в г. Кливленде (США) Е.М. Ткаченко; член парижской организации, помогающей России, А.Ф. Максимов; супруги Хазовы из Швейцарии; начальник Русского Имперского Союза-Ордена К.К. Веймарн и председатель Союза-Ордена Д.К. Веймарн, оба из Монреаля; принц Герман цу Ляйнинген, внук болгарского царя Бориса; многие датчане, живущие сейчас в Торонто, во главе с датским консулом Холмом Йенсенем и его супругой, среди них бывший лейб-гвардеец датской Королевской гвардии, служивший еще в Дании под началом капитана Тихона Николаевича Куликовского-Романова. Присутствовали также члены «The Ontario Model Soldier Society» — общества, к которому Тихон Николаевич принадлежал как знаток и историк русской и иностранной военной форменной одежды.

Тихо и проникновенно пел соборный хор, пополненный хористами Свято-Вознесенской церкви и Храма Христа Спасителя. Во время отпевания многие плакали.

Траурный кортеж растянулся на несколько кварталов — русское Торонто провожало Тихона Николаевича в последний путь. Он был погребен на кладбище «Йорк» близ Торонто рядом со своими родителями — Великой Княгиней Ольгой Александровной и лейб-гвардии полковником Н.А. Куликовским.

После похорон все собрались в зале Свято-Троицкого храма на поминальную трапезу, которую подвижнически, оторвавшись от собственных предпраздничных хлопот — наступала Пасха, — устроило

сестричество храма. В конце трапезы о. Владимир Мальченко сказал краткое слово об усопшем. Затем были прочитаны письма и телеграммы с соболезнованиями, которые прислали Ея Величество датская королева Маргарета, Князь Николай Романов с супругой (Рим), Князь Никита Романов с супругой (Нью-Йорк), Его Высокопреосвященство архиепископ Антоний Сан-Францисский, кадеты Лос-Анжелеса, В.В. Гранитов — председатель «Союза чинов Русского корпуса» (Сан-Франциско), Московское и Санкт-Петербургское представительства Фонда во имя Великой Княгини Ольги Александровны, «Ассоциация датской Королевской гвардии» (Торонто), Марфо-Мариинская обитель (Москва), «Объединение кадет» (Вашингтон), Православное братство во имя Царя-Великомученика Николая (Москва), попечителем которого являлся Тихон Николаевич, Православное братство свв. Царственных Мучеников (Екатеринбург), «Лангинкоскинское музейное общество» (Финляндия), в ведении которого находится усадьба-заповедник с Рыбачьим домиком Царя Александра III, Московское Дворянское собрание, руководящий и преподавательский состав Императора Александра III Донского кадетского корпуса (Новочеркасск), община Храма Христа Спасителя (Москва), Ново-Валаамский монастырь (Финляндия) и многие частные лица.

Соболезнование от Ея Величества Королевы Елизаветы II и Его Высочества принца Филиппа пришло на следующий день. Из Вильмуассона

(Франция) протоиерей Вениамин Жуков прислал икону святого Мученика Царевича Алексия.

Характерно, что из потока соболезнований, шедших со всех концов света, ясно вырисовывался образ Тихона Николаевича — такой, каким он запечатлелся в сердцах знавших его или только направление его мыслей людей — образ истинно русского, исполненного душевного благородства, на редкость скромного человека, посвятившего свою жизнь делу возрождения России. Для многих Тихон Николаевич был символом веры, порядочности и любви к Отчизне.

Впоследствии в деталях воспроизвести мне ход тех траурных событий помогла Н. Косачева из Торонто, поскольку все эти дни я была как в тумане от напряжения и переживаний. Свои «венки воспоминаний» на свежую могилу Тихона Николаевича положили Т. Жилина, В. Александров и другие. Их проникновенные строки вошли в небольшой помянник, который мы в скором времени отпечатали небольшим тиражом.

Спустя годы, разбирая личные, сокровенные дневники Тихона Николаевича, обнаружила записи, которые говорят о том, что, может быть, Господь открыл ему, как мужественному и глубоко верующему человеку, приближение кончины, но сам Тихон Николаевич ни в коей мере не хотел тревожить близких людей своими предчувствиями. Все его мысли были о других — о нас, родственниках, о России, к встрече с которой он тщательно готовился.

Как известно, Тихон Николаевич увлекался изготовлением оловянных солдатиков, которых он сам же раскрашивал по цветам формы полков разных армий мира. У нас дома хранится уникальная коллекция этих солдатиков, сделанных его руками. И вот незадолго до внезапной кончины Тихона Николаевича в его личном дневнике появляется запись: «Очищение полки с незаконченными фигурками, ожидавшими лишь раскраски, — сознание “конца”». И далее: «Я хочу, чтобы люди, которых я люблю, были бы вместе. Меня мучает, что будет после меня? Не ссорьтесь...»

Пережив такое страшное горе, тем не менее я решила осенью, как было намечено заранее нами с Тихоном Николаевичем, ехать в Россию, чтобы на родине, среди ставших мне близкими людей черпать новые силы для жизни, для того, чтобы выполнить волю почившего в Бозе Супруга.

Основные усилия в России, помимо дел благотворительности, которые вел наш фонд во имя Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, я направила, по завещанию Тихона Николаевича, на прославление Царской Семьи и помощь в строительстве Храма-на-Крови на месте Их злодейского убийства. В этот храм должна была быть передана семейная святыня — икона Божией Матери «Троеручица», найденная в Ипатьевском доме и переданная на хранение Государыне Императрице Марии Феодоровне, а впоследствии — семье Великой Княгини Ольги Александровны. Все, завещанное Тихоном Николаеви-

чем, с помощью Божией, я исполнила в меру слабых человеческих сил и вдовьего женского сердца.

Почти двадцать лет прошло с момента, как в ноябре 1981 года в Нью-Йорке Русская Православная Церковь Заграницей прославила Царскую Семью, до 20 августа 2000 года, когда Августейшая Семья в сонме Новомучеников и Исповедников была причислена к лику святых и в России. К сожалению, лично я на первом торжестве не была — не могла поехать по некоторым причинам. Но был Тихон Николаевич, была княжна Вера Константиновна, другие родственники и представители Династии Романовых. Поэтому я об этом грандиозном событии очень много слышала от них, много переживала.

Впервые, пожалуй, широкое народное почитание Царственных Страстотерпцев как святых началось с середины 20-х годов среди русских беженцев и православных сербов в Югославии, которая дала приют и моим родителям, и где я появилась на свет. По молитвам к Царственным Мученикам стали твориться чудеса. Всем памятен удивительный случай с художником Колесниковым, расписывавшим Охридский монастырь, где был явлен лик Государя Императора. И хотя официального церковного акта прославления Царской Семьи тогда провести не успели — помешала начавшаяся Вторая мировая война — народ верил в святость Царской Семьи.

В середине 90-х годов в Канаду приезжал Патриарх Павел Сербский. Я с ним как раз говорила на эту тему. То, что подготавливалось в Югославии

и потом, после Второй мировой войны, в Нью-Йорке в Синоде, где собирались материалы для прославления, и привело в конце концов в 1981 году к канонизации Царской Семьи, которую мы считаем великим достижением патриотической русской эмиграции. Поскольку и там не все гладко шло, многие говорили, что канонизация — это политический акт. Особенно усердствовали те, которые оставались «советскими» по симпатиям и убеждениям: они были против прославления. Но мы все-таки добились своего. Тихон Николаевич пережил колоссальный подъем от незабываемой службы, великого празднества. Он даже завещал, чтобы я его похоронила именно в том костюме, в котором он был на прославлении, что я и исполнила.

С того времени Тихона Николаевича и моей заветной мечтой и задачей в жизни стало прославление Царственных Мучеников и всех Новомучеников именно в России. С 1991 года, создав благотворительный фонд во имя Великой Княгини Ольги Александровны — сестры Государя Императора Николая II и матери Тихона Николаевича, мы стали работать в России. Когда Тихон Николаевич послал меня в Россию, то велел поехать в Екатеринбург и отслужить первый молебен на месте злодейского убийства Царской Семьи. В 1992 году мы служили первые молебны у Ганиной ямы, у креста на месте дома Ипатьева, где теперь воздвигнут храм Всем Новомученикам Российским. За прошедшие годы мы с нашими единомышленниками

много сделали здесь в России, чтобы Августейшие Мученики были канонизированы.

В 1992 году Тихон Николаевич написал Святейшему Патриарху Алексию II письмо. Тогда он получил приглашение приехать на прославление святой преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы Феодоровны, но не посчитал еще возможным приехать в Россию, поскольку сам не был внутренне готов, не знал, как бы его встретили здесь, и сильно по этому поводу переживал.

К тому же он считал, и написал об этом в письме к Патриарху, что прославлять «по кусочкам», как он говорил, и смотреть, кто как умер — с крестом или наганом — невозможно. Не нам судить — это Господне дело. И он считал, что не надо выбирать, кого прославить, а кого отклонить. Наше дело — молиться за всех и всем мученикам, погибшим от рук богоборцев, от руки злого духа, который тогда царил на Руси, разрушал храмы, убивал священнослужителей и невинных людей. Он считал, что прославить одну Великую Княгиню Елизавету Феодоровну — это несправедливо. Он предлагал канонизировать Царскую Семью и других погибших членов Династии Романовых в сонме Новомучеников и Исповедников.

Промыслом Божиим так в конце концов и произошло — в акте канонизации, на новописанной иконе Царская Семья воссоединилась со Своим народом у Престола Господа. Русская Церковь Заграницей просто не располагала возможностями и силами, чтобы детально рассмотреть свидетельст-

ва мученической кончины сотен и сотен людей. Здесь, в России, Православная Церковь такими возможностями располагает. Порядка тридцати епархий направили собранные ими материалы в Синодальную комиссию по прославлению святых. И эта работа, длившаяся без малого десять лет, продолжается.

Фактическое прославление Царской Семьи произошло в среде простого народа, а не по приказу сверху. Я помню, как началось чтение акафистов Царственным Мученикам, Божией Матери Державной на месте, где сейчас стоит Храм Христа Спасителя. С 1991 года, в холод, дождь, зимой и летом читались акафисты. Значит, вымолили у Господа прощение: смотрите, какой прекрасный храм поставили. Народ постепенно приходил к пониманию святости Царской Семьи. Надо было воспитать народ и выждать, когда сам народ захочет искать заступничества у святых Царственных Страстотерпцев. И это, слава Богу, произошло.

Для меня это была кульминация 10-летней работы в России. Я боялась, что после всего, что было сделано, я не смогу приехать по чисто формальным причинам — не уложусь в сроки оформления необходимых документов. Но на приглашение Патриарха я не могла не приехать. Слава Богу, все хлопоты разрешились благополучно в последний момент, и я вылетела в Россию. 17-го поздно ночью прилетела, на следующий день привела себя в порядок и «осмотрелась», а 19-го августа торжества

начались освящением главного придела Храма Христа Спасителя.

Интересно, что освящение главного придела Храма Христа Спасителя во имя Рождества Христова и прославление Царственных Мучеников было совмещено. Даже на иконе за новопрославленными святыми возвышаются стены и купола собора. У нас на Западе есть икона, где Царственные Мученики изображены на фоне храма. И тут получилось, что они изображены на фоне храма, только более величественного. Два праздника, слившись в один, придают событию больше веса и значимости.

В день прославления Августейших Страстотерпцев, 20-го августа 2000 года, я стояла на солее, возле Царских Врат, что оцениваю как признание нашего с Тихоном Николаевичем скромного вклада в дело возрождения Православной России, которое немыслимо без прославления Царственных Мучеников. И промыслительно, что Их прославление проходило в восстановленном Храме Христа Спасителя — символе величия Императорской России. Очень жаль, что Храм был разрушен. Но мне в первую очередь жаль не стен, а жаль погубленных душ тех людей, которые участвовали в разрушении Храма. Здание можно восстановить, что и доказало строительство нового Храма Христа Спасителя, но душа «не восстанавлима».

Некоторые смущаются тем, что при возведении Храма теперь были использованы последние достижения в области капитального строительства. В старину этого не было. Но мы живем уже в 21 веке.

Нужно не бояться новых технических достижений, если они направлены на благо человеку. Для лучшей слышимости церковной службы нужна и микрофонная система, нужны и кондиционеры, чтобы верующие не страдали от нехватки кислорода, пусть будет и парковка автомобилей... В целом Храм производит грандиозное впечатление.

Что касается самой службы, то не ожидала, что панихида будет сразу перед литургией. Когда я присутствовала на прославлении святителя Иоанна Максимовича в Сан-Франциско — оно продолжалось 4 дня подряд. Там службы, как и здесь, тоже длились по 7-8 часов. Но они шли отдельно, было перенесение мощей. Отчасти, как мне думается, так продумали ход службы в Храме Христа Спасителя по причинам обеспечения безопасности, чтобы не было опасного столпотворения — ведь столько Патриархов, епископов и простых людей собралось в одном месте. Одно дело за рубежом — там молящихся меньше, они смиреннее, не толпятся перед чашей. Здесь все стремятся вперед.

На Преображение Господне с 5 часов утра проšli службы в московских церквях, а потом верующие крестными ходами стекались к Храму Христа Спасителя. Представьте, какая масса народа! Немного мешали репортеры, которые шныряли везде. Но и это можно понять — они хотели запечатлеть исторический момент, но в молитвенном отношении отвлекали.

После службы, 19-го числа, мы были приглашены на патриаршую трапезу, обставленную очень

чинно и красиво. Приятно было повидаться со знакомыми владыками — Владивостокским епископом Вениамином, митрополитом Мефодием из Воронежа, архиепископом Викентием из Екатеринбурга. К сожалению, не видела владыку Мелхиседека, бывшего Екатеринбургского, а ныне Брянского, хотела его поприветствовать. Однако невозможно было со всеми знакомыми владыками даже поздороваться, так их много собралось. Патриархи дарили друг другу подарки, произносили тосты на своих родных языках.

Когда наблюдала все это благочиние — и в храме, и на трапезе единственно жалела, что не было наших зарубежных иереев. Не хочу никому указывать и навязывать свою точку зрения, но считаю, что это был очень удобный момент для встречи..

На следующий день, когда закончилась служба и была прославлена Царская Семья в сонме Новомучеников и Исповедников Российских 20 века, меня пригласили казаки поехать в село Тайнинское на открытие памятника Царю-Мученику на том же месте, где взорвали предыдущий. Автор памятника — замечательный скульптор и патриот Вячеслав Клыков. Встретила там много знакомых, с которыми мы сдружились за эти годы.

Вернулась домой поздно. И хотя день оказался длинным и духовно насыщенным, чувства переполняли меня, и я даже позвонила своим знакомым Хазовым в Париж и сказала: «Я счастлива, что в России, наконец, прославили Царя!»

Но всегда говорю наивным людям: нельзя ожидать, что после прославления Царя колбаса сразу станет «по 3 рубля». Так не бывает. Даже если бы сейчас нашелся человек, который бы стал монархом, то нет для него окружения. Должны создаться условия, должен быть к этому готов народ. Когда он осознает сам, что теперь довольно демократии, тогда можно будет думать о чем-то другом. Пока же основная масса народа еще не разуверилась окончательно в демократии.

На одном дыхании мы отметили 25-го августа день рождения Тихона Николаевича и отслужили панихиду, а 26-го — празднование памяти св. Тихона Задонского — небесного покровителя моего мужа. Сплошная череда празднеств и памятных встреч. Была воля Божия на то, чтобы все эти празднества я встретила в России. Святые Царственные Мученики, молитесь Бога о нас!

8 Апреля 2003 года, в день Архангела Гавриила, исполнилась 10-я годовщина со дня праведной кончины Тихона Николаевича. Накануне, в воскресенье 6 Апреля 2003 года, в Свято-Троицком соборе города Торонто (Канада) состоялось поминальное богослужение в память о верном сыне России — Тихоне Николаевиче Куликовском-Романове. Это знаменательное событие нашло отклик по обе стороны океана.

Общий дух соболезнований, пришедших от русского зарубежья, можно выразить словами друга нашей семьи Анатолия Максимова, который об-

ратился к Тихону Николаевичу как к поныне здравствующему:

«Тебе, дорогой Тихон, пишу это последнее письмо. За наше недолгое знакомство ты оставил в моей памяти образ человека прямого, бескомпромиссного, с твердо установившимися взглядами. Твоя отзывчивость и твоя непринужденность в разговорах обезоруживали твоих оппонентов, твоя глубокая вера в Бога и твоя преданность Истинной Православной Церкви тебе давали душевное и духовное равновесие в твоих помыслах и деяниях. Ты особенно скорбел о России и о русских людях, которые перенесли и продолжают переносить гнет бесчеловечной системы. Ты был искренне уверен, что Россия, в конечном итоге, возродится, и эту твердую веру ты передал твоему окружению, в том числе и мне. Мир праху твоему».

В России прекрасные строки посвятил Тихону Николаевичу сотрудник Благотворительного Фонда имени Великой Княгини Ольги Александровны, известный московский журналист и мой добрый друг Леонид Евгеньевич Болотин. Свою проникновенную статью, широко разошедшуюся по православным изданиям накануне десятой годовщины смерти Тихона Николаевича, он назвал «Памяти благовестника» и завершил такими словами:

«7 и 8 Апреля православные патриоты Отечества, российские монархисты будут сердечно молиться об упокоении души Болярина ТИХОНА, ставшего для всех нас Ангелом-Благовестником покаянного Воскресения России. Вечная ему память в род и род!»

Надеющиеся на Господа обновятся в силе; поднимут крылья как орлы, потекут, и не устанут, пойдут, и не утомятся (Ис. 40, 31; из чтения на 6-м часе).

А на «Царские дни» 2003 года, когда в Екатеринбурге освящали Храм-памятник на Крови во имя Всех святых, в земле Российской просиявших с приделом в честь Царственных Мучеников, я привезла в Россию и передала в храм нашу семейную икону Божией Матери «Троеручица», найденную в доме Ипатьева на месте расстрела Царской Семьи.

Славное празднование иконы Божией Матери «Троеручица» Православная Церковь совершает дважды в году: 28 Июня / 11 Июля и 12/25 Июля. События, связанные с первоначальным прославлением этой иконы, принадлежат к числу величайших чудес и милостей, дарованных Царицей Небесной роду человеческому. Свою славу икона «Троеручица» явила миру во время разгула иконоборческой ереси. В 716 году по Р.Х. на Византийский Престол Божиим попусшением вступил лютый иконоборец, Император Лев Исаврянин. По его приказаниям воины врываются в дома верующих, отыскивая иконы, отбирали их и жгли, а иконопочитателей предавали мукам и смерти.

В эту пору ревностным защитником иконопочитания выказал себя государственный советник калифа Дамасского высокообразованный христианин Иоанн, пользовавшийся значительным влиянием на своего государя-магометанина. Иоанн писал письма своим многочисленным знакомым в Византии, в которых, на основании Священного Писания

и Предания, доказывал правильность иконопочитания. Вдохновенные письма Иоанна Дамаскина переписывались, передавались из рук в руки, получая в Византии самое широкое распространение, и немало способствовали утверждению православных в истине и обличению иконоборческой ереси.

Желая извести сего Иоанна, чтобы в нем лишить Церковь непобедимого защитника иконопочитания, двуличный Император Лев решился на страшную ложь. Он приказал искусному писцу изучить почерк Иоанна и затем составить поддельное письмо как бы от Иоанна к Императору с предложением своей измены Дамасскому государю. В сем подложном письме Император Лев якобы извещался в том, что город Дамаск охраняется сарацинами небрежно и что императорское войско без труда им овладеет, автор же письма поможет в этом Императору. Поддельное письмо Император послал калифу, присовокупив к нему собственные заверения, что, несмотря на уговоры мнимого предателя, он желает жить с калифом дружно и советует Иоанна казнить.

Ни личная преданность Иоанна, ни его усердная служба не внушили калифу мысли проверить справедливым расследованием возведенную на Иоанна клевету. Калиф велел палачу отсечь у Иоанна правую руку, якобы начертавшую план измены, и повесить ее на городской площади. Вечером в тот же день Блаженный, узнав, что утих гнев калифа, послал к нему своих друзей со следующими словами: «Умножается болезнь моя и несказанно меня му-

чит, и я не могу иметь отрады, доколе рука моя, на позор повешенная, не будет отдана мне». Калиф склонился на мольбы страдальца и велел отдать ему отсеченную руку. Получив мертвую десницу, Иоанн затворился в свою келью и, падши пред Святой иконой Богоматери, приложил отсеченную плоть к ране и из глубины сердца со слезами и рыданиями молился об исцелении на пользу верных.

В слезных мольбах к Владычице он поминал о том, как всегда чтит Ее Саму и Ее иконы, как защитою иконопочитания навлек на себя ненависть Императора Льва. В сердечном плаче он дал обет, если Пречистая Дева дарует ему исцеление, употребить исцеленную руку на писание творений во славу его Владычицы. Так в непрестанной молитве Святой Иоанн предался тонкому сну и по воле Божией предстал в нем Самой Богоматери, Которая сказала: «Вот рука твоя здорова, и не скорби больше, исполни то, что ты обещал Мне в своей молитве».

Тогда же, согласно Церковному Преданию, благодарность блаженного Иоанна к чудной Исцелильнице своей вылилась в дивной песни: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь». А в благодарность за чудесное исцеление десницы помощью Богоматери и в память о чуде он сделал из серебра изображение кисти руки и приложил ее к иконе своей Заступницы. Эта Дамаскинская икона Божией Матери впоследствии и получила название «Троеручицы».

Весть об исцелении Иоанна немедленно разнеслась по Дамаску. Вразумленный чудом калиф соз-

нал свою вину перед верным ему Иоанном и просил его снова взять на себя дела государственные. Но Иоанн уже решил отдать все свои силы на служение Богу. Он удалился в Лавру Святого Саввы Освященного и там принял иночество. Икону Божией Матери, пред которой он получил исцеление, он взял с собою. До XIII века по Р.Х. икона находилась в Лавре, а затем монахи передали ее Святому Савве, Архиепископу Сербскому, и она была перенесена им в Сербию.

При нашествии на Сербию турок православные положили икону на осла и пустили его без провожатого. Осел прошел один до Афонской горы и остановился у ворот Хиландарского монастыря. Иноки приняли икону как великий дар свыше, а на место появления иконы с той поры ежегодно совершается Крестный Ход.

Однажды в Хиландарском монастыре умер игумен. Братия приступили к избранию себе нового игумена. Когда стали намечать и называть имена достойных кандидатов, то среди братии произошли разделение и распря.

Богоматерь, явившись одному затворнику, объявила, что Сама желает быть Игуменьей обители, и в знак этого икона «Троеручицы», стоявшая дотоле в алтаре, чудесно перенеслась на средину храма, на игуменское место. С тех пор Хиландаром управляет наместник-иеромонах и стоит во время службы у игуменского места, где помещается икона «Троеручицы». Прикладываясь к иконе, братия свято ве-

ругуют, что принимают благословение от Самой Царицы Небесной как от Игуменьи.

В эпоху русско-турецких войн долгие годы на Афоне хозяйничали турки. Но Хиландарская обитель оставалась вне их власти. Сами турки свидетельствовали, что они часто видели недосягаемую для людей и оружия таинственную Жену, охраняющую стены монастыря.

На Руси Хиландарская икона «Троеручица» весьма почитается издревле. По просьбе Святейшего Патриарха Никона, с Афона список образа «Троеручицы» был доставлен в Москву 28 Июня 1661 года. Тогда-то и был установлен второй праздник памяти иконы в честь ее сретения на Московской Земле. После тот образ был помещен Патриархом Никоном в основанный им на Истре Воскресенский монастырь, именуемый Новым Иерусалимом. Оттуда и стали распространяться по России списки иконы, многие из которых были прославлены Богом чудотворениями и потому стали особо чтимы в народе.

Один из наиболее почитаемых в России списков «Троеручицы» находится в Московском Свято-Данииловом монастыре. Этот большой образ был написан во второй половине XVII века. В девятнадцатом столетии дважды в год, накануне праздника «Троеручице», при огромном стечении народа прямо на монастырской площади совершалось Всенощное бдение. Икона была возвращена в Даниилов монастырь в середине 80-х годов прошлого века. На ней были повреждения, и первоначаль-

чальный образ был в несколько слоев записан поновлениями. Церковный художник кропотливо восстановил первоначальный облик иконы. Теперь лик Богоматери вновь, как и в древности, светел. Уже во время реставрации икона явила свою чудотворную силу, просветляясь более, чем успевала сделать для этого рука реставратора, а у самого иконописца-поновителя за время работы над иконой восстановилось зрение. Теперь перед Данииловской иконой «Троеручицы» в Троицком соборе обители каждую вторую пятницу в пять часов вечера совершается пение Акафиста.

Другой список иконы «Троеручицы» находился в Екатеринбурге, в Ипатьевском доме, во время пребывания там в заточении Святых Царственных Мучеников в 1918 году. Предшествующая история этого скромного домашнего образа нам неизвестна. Но Августейшие Страдальцы совершали Свои молитвы и перед этой скромной иконой, которая стала духовным свидетелем Их страданий и мученического подвига.

Конечно, все связанное с последними днями Августейших Страстотерпцев для русских верующих людей представляет громадную духовную ценность. Даже кусочки кирпичей от Ипатьевского дома почитаются православными как драгоценные святыньки, что же говорить о святой иконе, перед которой молился сам Царь-Мученик?! Значение такого рода православных реликвий для воскресения грядущей России просто не поддается оценке человеческими мерками.

После освобождения Екатеринбурга от большевиков икона Божией Матери «Троеручица» была найдена в Ипатьевском доме одним офицером — знакомым сестры Святого Государя Императора Николая II — Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны. Этот офицер в начале 1920-х годов привез икону в Данию, где тогда проживала Государыня Императрица Мария Феодоровна и семья Ея Дочери — Великой Княгини Ольги Александровны, для передачи памятной реликвии Императрице. Государыня же Сама распорядилась, чтобы сия Екатеринбургская святыня хранилась в семье Ея младшей Дочери. Все последующие годы Екатеринбургская икона «Троеручицы» всегда была овеяна семейным молитвенным вниманием, благоговением, и, по свидетельству Тихона Николаевича, их семья постоянно ощущала на себе Покров Божией Матери во всех великих жизненных испытаниях, которых немало выпало на долю Великой Княгини и Ея близких. До самой своей смерти в 1960 году Великая Княгиня Ольга Александровна никогда не расставалась с Екатеринбургской святыней и завещала ее хранить Своему старшему сыну — Тихону Николаевичу.

В сентябре 1990 года, когда Тихон Николаевич узнал, что в России уже начал обсуждаться вопрос о строительстве Храма-Памятника на месте убийства Царской Семьи, он решил передать «Троеручицу» в этот храм. Вскоре он обратился с письмом к Его Святейшеству Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II, где заявил о том, что по за-

вершении его строительства во время освящения собора он намерен передать Екатеринбургскую икону Божией Матери «Троеручица» в храм на Крови Царственных Мучеников. Осенью 1992 года на Покров Пресвятой Богородицы я по воле мужа посетила Екатеринбург, и по его же просьбе в моем присутствии на месте мученической кончины Царской Семьи русским духовенством был отслужен молебен Святым Царственным Мученикам. После этого первого паломничества на Всероссийскую Голгофу 20 октября 1992 года, уже в Москве, я встречалась со Святейшим Патриархом и в ходе продолжительной беседы еще раз подтвердила намерение своего супруга, Тихона Николаевича, передать свято чтимую нами икону «Троеручица» в храм, который намереваются воздвигнуть в Екатеринбурге. И Его Святейшество подтвердил Свое одобрение этого благого и жертвенного намерения родного племянника Святого Царя-Мученика Николая.

Все это время, ежегодно посещая Россию, неизменно стремилась побывать и помолиться на Русской Голгофе. Когда наконец началось строительство храма Всех Святых в земле Российской просиявших на Вознесенской горке, надежда, что воля Тихона Николаевича будет исполнена, возросла и укрепилась.

Во время своей поездки в Россию летом — осенью 2002 года на ставшей уже традиционной встрече с Его Высокопреосвященством Высокопреосвященнейшим Викентием, Архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским, была достигнута

предварительная договоренность о торжественном протоколе встречи иконы «Троеручица» Крестным Ходом в Екатеринбурге для последующей передачи святыни на вечное хранение в храм Всех Святых в Земле Российской просиявших, когда в 85-ю годовщину мученической кончины Святой Царской Семьи будет совершаться большое освящение нового величественного собора.

В этот раз я прибыла из Канады в Россию 2 Июля 2003 года, доставив величайшую святыню в столицу. В аэропорту «Шереметьево-2» икону Пресвятой Богородицы «Троеручица Екатеринбургская» встречали Протоиерей Александр Иванов — настоятель храма во имя Преподобного Иосифа Волоцкого в поселке Развилка Московской области, сотрудники Синодального отдела Московской Патриархии по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями, сотрудники Министерства культуры Российской Федерации, члены Центрального Совета Общероссийского Общественного Движения «Россия Православная», детский хор гимназии Преподобного Серафима Саровского под руководством О.В. Мишиной, сотрудники Братства Святителя Филарета Московского, руководители фирмы «Шереметьево-Карго».

Из аэропорта икона была доставлена в храм Святых Мучеников Косьмы и Дамиана города Химки, где при колокольном звоне состоялась торжественная встреча святыни и благодарственное Богослужение в честь прибытия иконы Божией

Матери «Троеручица» на Русскую Землю. Молебен служили настоятель храма Святых Космы и Дамиана отец Сергей Куликов, протоиерей Александр Иванников, священники Михаил Рогозин и Сергей Дикий, дьякон Константин Шпетный.

После Богослужения икона Божией Матери «Троеручица» была торжественно перевезена в храм Преподобного Иосифа Волоцкого в поселке Развилка. Там 5 июля во время Всенощного бдения находившаяся на аналое рядом с «Троеручицей» храмовая икона Божией Матери «Владимирская», чье празднование как раз тогда отмечалось, начала мироточить и заблагоухала. Мирю было смешано с освященным елеем, и отец настоятель Александр Иванников помазал им прихожан храма. 6 июля в воскресенье после Божественной Литургии там же, в храме Преподобного Иосифа Волоцкого, был отслужен молебен перед иконами Божией Матери «Владимирская» и «Троеручица». После Литургии по просьбе отца настоятеля я сказала слово об истории привезенной иконы «Троеручица». Затем икона «Троеручица» в сопровождении о. Михаила Рогозина отправилась в храм Святителя Николая в Пыжах, где она была встречена настоятелем протоиереем Александром Шаргуновым.

За время пребывания в Москве икона «Троеручица Екатеринбургская» также побывала в Сретенском и Покровском монастырях и в храме Святителя Николая в Кленниках. Надо особо отметить, что наместник Сретенского монастыря архимандрит Тихон (Шевкунов) заблаговременно к прибы-

тию в Россию иконы Божией Матери «Троеручица Екатеринбургская» распорядился отпечатать в монастырской типографии ее образки для раздачи верующим — с тропарем и краткой историей этой иконы на обороте.

9 июля с Казанского вокзала чудотворная икона «Троеручица Екатеринбургская» отправилась в Екатеринбург, а 10 июля, прекрасным, теплым и необычайно светлым вечером, около 21 часа, по местному времени нас встретили у вагона многочисленные представители Екатеринбургской епархии. На привокзальной площади икону приняли благочинный центрального округа Екатеринбурга протоиерей Владимир Поммер с духовенством — более сотни священников и дьяконов — и тысячи богомольцев. Величественный Крестный ход широкой рекой пошел по Арсеньевскому проспекту, который пока еще носит имя вождя царевбийц Свердлова. Крестный Ход далее двигался мимо Храма-на-Крови, кресты и купола которого были видны издалека и ярко сияли на солнце на фоне вечернего неба. Наконец торжественная процессия прибыла в кафедральный Троицкий собор Екатеринбургской епархии, где был отслужен благодарственный молебен.

В пятницу, 11 Июля, был праздник иконы Божией Матери «Троеручица». На Литургии я молилась в Троицком кафедральном соборе. Икона «Троеручица Екатеринбургская» лежала на аналое, утопая в цветах. Батюшка сказал в проповеди о чуде возвращения святыни в Екатеринбург, на то самое место, от-

куда она была увезена много лет назад. В тот же вечер в Троицком соборе Всенощную Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла служил Высокопреосвященнейший Владыка Викентий, Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский, только что вернувшийся в Екатеринбург из поездки, связанной с подготовкой к надвигающимся празднествам. После службы мы с Владыкой беседовали возле аналая с иконой «Троеручица». Он поблагодарил меня за многолетнее сотрудничество и жертвенную духовную поддержку нашего Отечества.

На праздничную Литургию Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла отправились в монастырь Святых Царственных Страстотерпцев на Ганиной яме. Службу совершал мой давнишний друг — наместник монастыря иеромонах Сергей (Романов). Потом отправилась в Алапаевск — на место смертного подвига Святой Великой Княгини Преподобномученицы Елисаветы Феодоровны и ее Августейших Родственников. Там нас встретил также старинный знакомый — наместник Алапаевского Елисаветинского монастыря иеромонах Моисей (Пилатс).

В понедельник, утром 14 июля, в епархиальном управлении состоялась встреча с Владыкой Викентием, во время которой были окончательно обговорены важнейшие детали протокола передачи иконы Божией Матери «Троеручица Екатеринбургская» — перед началом Божественной литургии, сразу после освящения храма Всех Святых в земле Российской просиявших, воздвигнутого на месте

Ипатьевского дома. Владыка попросил меня расположиться на правой солее возле аналая с иконой, которая рано утром 16 июля будет перенесена в храм из Троицкого собора. Владыка благословил меня иконой праведного Симеона Верхотурского и другими памятными подарками. В связи с благословением иконой Святого Симеона возникла идея отправиться в краткое паломничество в Верхотурье этим же вечером.

После встречи с Владыкой я посетила издательский отдел епархии, где мне преподнесли экземпляр специально к Царским торжествам изданного епархией Акафиста Божией Матери «Троеручица», пояснительный текст к которому был подготовлен сотрудниками Благотворительного Фонда во имя Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны.

Весь день продолжались посещения Екатеринбургских храмов — Царевича Мученика Алексия в православной гимназии (настоятель отец Евгений), строящейся церкви Преподобного Серафима Саровского, рядом с которым храм святителя Николая Мирликийского Чудотворца. Этот маленький каменный храм был возведен за 18 дней. В нем настоятелем служит епархиальный стольничий и дипломированный повар, певец и поэт иеромонах Гермоген. После обеда в Вознесенском храме и кратких сборов поехали на епархиальную радиостанцию, где выступила в прямом эфире с рассказом об иконе «Троеручица».

В тот момент, когда мы уже собирались уезжать в Верхотурье, в епархиальное управление прибыл Владыка Ювеналий, Митрополит Крутицкий и Коломенский, с которым я обменялась теплыми приветствиями.

Вернувшись на следующий день из Верхотурья в Екатеринбург, уже вечером я была на Всенощной в кафедральном Троицком соборе. В этом Богослужении уже в полном составе участвовали все семь Архипастырей Русской Православной Церкви, которые собрались для Царских торжеств — официальный представитель Его Святейшества Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II Высокопреосвященнейший Ювеналий, Митрополит Крутицкий и Коломенский; Высокопреосвященнейший Сергей, Митрополит Воронежский и Борисоглебский; Высокопреосвященнейшие Платон, Архиепископ Аргентинский и Южно-Американский; Викентий, Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский; Преосвященнейшие Никон, Епископ Уфимский и Стерлитамакский; Михаил, Епископ Курганский и Шацкий; Ириней, Епископ Пермский и Соликамский.

После службы состоялась торжественная архиерейская трапеза, на которой вручались церковные награды епархиальному духовенству, строителям и жертвователям. Первый тост Владыка Ювеналий посвятил благодарности моей скромной персоне и всей русской эмиграции, которая сберегала православные святыни для Отчизны все годы мрачного богоборчества. С проникновенным словом о под-

виге Святых Царственных мучеников выступил протоиерей Владимир Воробьев, ректор Свято-Тихоновского богословского института. А поздно вечером был проливной дождь, который продолжался большую часть ночи. Казалось, небо хотело смыть с земли остатки былой нечисти и скверны, чтобы утро Екатеринбург встретил умытым и освеженным.

В 7 часов 15 минут утра 16-го июля я была уже в храме, возведенном на месте убийства Царской Семьи, и меня провели к аналою с иконой Божией Матери «Троеручица Екатеринбургская». Многотысячные толпы православных, хоругвеносцы, паломники со всей России окружили храм, который не мог вместить всех желающих почтить подвиг Августейших Мучеников, поэтому служба транслировалась по громкой связи на огромном пространстве вокруг. Чин освящения совершал Владыка Ювеналий, Митрополит Крутицкий и Коломенский. Уже в ходе службы продолжали подходить почетные гости: губернатор Э.Э. Россель, мэр Екатеринбурга Чернецкий, дочь Князя Владимира Кирилловича Романова — Мария. Кстати, в связи с экс-супругой принца Прусского в одном официальном церковном СМИ 16 июля прошла ошибочная информации, что будто бы именно она привезла из Канады образ «Троеручицы», хотя, конечно, Мария Владимировна, проживающая в Испании и Франции, к этому не могла иметь никакого отношения.

Уже во время Божественной Литургии поближе к левой солее подвели музыканта М. Растроповича и певицу г. Вишневскую, потом прибыл известный

уральский эстрадный певец А. Новиков, приобретший колокола для храма. Конечно, среди почетных гостей из числа известных уральских предпринимателей были многочисленные жертвователи на строительство храма на Крови Царя, но если говорить о всероссийских знаменитостях, то назвать больше некого. Довольно односторонне были представлены и деятели православной общественности — несколько членов Центрального Совета ООД «Россия Православная» (Москва, Кузбасс), Союз Православных Хоругвеносцев почти в полном составе, монархисты из Нижнего Новгорода, Новосибирска, Челябинска, Костромы, Иваново-Вознесенска, Волгограда, и это, пожалуй, все. Конечно, такое теплохладное отношение, особенно монархистов обеих столиц, к столь знаменательному для судеб России событию могло вызвать только недоумение. Простой верующий народ России выразил свою горячую любовь к Святому Царю-Мученику и Его Семье, проявил много больше рвения по Бозе, чем многие общественные деятели, известные своими самодержавными декларациями.

Погода для виду хмурилась, время от времени накрапывал дождичек и мощные порывы ветра развевали полотнища огромных хоругвей и имперских знамен, расположенных вокруг храма. Но что удивительно, пронизывающего холода не было, какое-то внутреннее тепло не позволяло внешне разгулявшимся стихиям помрачать неуютом, ознобом души тысяч молящихся вокруг храма. Лица собравшихся богомольцев были светлы и радостны, а

многие просто сияли счастьем. И когда процессия собора Владык и духовенства во главе с Митрополитом Ювеналием вышла из храма для кропления святой водой стен собора, все весело подставляли свои лица и руки под брызги священной влаги.

По завершении чина освящения Владыка Ювеналий рассказал о даре иконы «Троеручица» новому храму и предоставил мне слово, в заключение которого особо отмечалось:

«Прошу всех не забывать в своих молитвах людей, все эти годы хранивших икону “Троеручица”. Это Ея Императорское Величество Государыня Императрица Мария Феодоровна, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Ольга Александровна, боярин Тихон Николаевич Куликовский-Романов. Прошу Вас — молитесь об упокоении их душ на каждой литургии в этом храме, на каждой панихиде. И это станет выражением перед Богом благодарности за то, что они сберегли эту святыню для ее возвращения в Россию. Круглый год Преподобный Серафим Саровский говорил: “Христос Воскресе!” Возлюбленные соотечественники! И я говорю вам: “Христос Воскресе!” Мы свидетели чуда Преображения России».

Сразу после этих слов началась первая Божественная Литургия в храме на Крови Царственных Мучеников. Уже в ходе этой службы сквозь пасмурное небо многократно пробивалось солнце, озаряя через окна центрального подкупольного барабана все белоснежное пространство верхнего храма. Эта «игра» солнца придавала всеобщей молитве особо радостное настроение.

Царские торжества нарастают, во второй половине дня солнце разогнало остатки туч, и к началу Всенощной, посвященной дню памяти Святых Царственных Мучеников, от символической непогоды не осталось и следа.

Вскоре после полуночи в верхнем приделе храма началась Божественная Литургия, которую служил Владыка Викентий, Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский. По ее завершении многолюдный Крестный Ход отправился от Храма-на-Крови к Ганиной Яме в монастырь Царственных Страстотерпцев. Сразу же началась вторая Божественная Литургия в так называемой «расстрельной комнате», которую местное духовенство справедливо именует Русской Голгофой. Мы с моими друзьями и помощниками решили отстоять именно эту службу. Ее инициатором стал мой старый знакомый — отец Александр Никулин, по заказу которого был изготовлен Престол из розового родонита специально для этого помещения, первоначально задуманного строителями как светский мемориал. Но место ли музеем, то есть святилищу языческих муз, в Православном Храме?! Владыка Викентий распорядился, чтобы там были установлены большой Голгофский Крест и тот самый родонитовый Престол. Получилось изумительно! Всего же в этой Литургии участвовало 11 священников — по числу убиенных в ночь с 16 на 17 июля 1918 года Царственных Мучеников и Их верных слуг.

После Литургии отец Александр Никулин начал служить Акафист Царственным Страстотерпцам —

особенную праздничную службу, выражающую духовную радость верующих людей. А в этот момент колокола Храма-на-Крови созывали народ на третью Божественную Литургию. Конечно, все эти торжественные события вызвали у меня особый подъем духа и оставили неизгладимый след в памяти. На Урале один из современных православных батюшек предсказывал, что освящение Храма на месте убийства Царской Семьи по своей духовной мощи можно будет сравнить с духовным взрывом, который преобразит Россию. Думаю, так и произошло. Пока этого не видно воочию. Но могу засвидетельствовать, что всегда мрачный Свердловск — город царубийц — постепенно преобразается в православный Город Святой Великомученицы Екатерины. Таким его основали русские люди в XVIII веке.

Конечно, для деятельного покаяния верующим людям предстоит еще многое сделать. В первую очередь переименовать улицы, которые окружают Храм на Крови Царя — до сих пор они носят имена Ленина, Розы Люксембург, Карла Либкнехта. Нужно убрать памятники Свердлову и Ленину. Последний, кстати, стоит на фундаменте бывшего кафедрального собора, над могилами Екатеринбургских Архиереев Царского времени. Кошунство еще продолжается, но оно постепенно теряет свою былую силу.

Вечером 17 июля я вновь отправилась на Ганину Яму, на Всенощную, которую отстояли в храме Преподобного Сергия Радонежского. Отметим день ангела наместника монастыря — иеромонаха

Сергия Романова. Служили Владыки Викентий и Платон. За трапезой с интересом пообщались с Владыкой Платоном, поскольку мне довелось прожить долгие годы в Южной Америке. Владыка Викентий произнес теплые слова в мой адрес. Напряженный режим всего паломничества на Урал не оставил сил, чтобы вновь отправиться в Алапаевск, где отмечалась память Святой Великой Княгини Елисаветы Феодоровны. Последний день пребывания в Екатеринбурге посвятили встречам с местным духовенством и православной общественностью, что столь важно для служения на ниве благотворительности и попечения о христианском просвещении.

Значение Царских Дней на Урале в 2003 году еще долго будет осознаваться и осмысливаться всеми нами. Но трудно не признать, что преображение России — это уже реальность наших дней.

К великому сожалению, сам Тихон Николаевич не увидел ни прославления Царственных Страстотерпцев в России, ни возвращения семейной святыни — иконы Божией Матери «Троеручица» в величественный Храм-на-Царской Крови, построенный на месте убиения Августейшей Семьи, в городе, вновь носящем прежнее название в честь святой Екатерины. Но все, о чем он мечтал, к чему прикладывал великие усилия, что завещал мне исполнить до конца, — исполнилось точно в надлежащее время. И мне кажется, что Тихон Николаевич очень радовался, глядя с небес, как воплощаются его мечты и желания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Память их в род и род

Скромный труд, посвященный памяти незабвенного моего Супруга и Его самых близких родных: Державного Деда и «умной» Бабушки — Ея Императорских Величеств Государя Императора Александра Третьего и Государыни Императрицы Марии Феодоровны, Отца и Матери — полковника Лейб-Гвардии Ахтырского гусарского полка Николая Александровича Куликовского и Ея Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, считала бы незавершенным, если бы в заключение не попросила боголюбивого читателя, потрудившегося до сего места дочитать мою книгу, молитвенно помянуть дорогих для нас с Тихоном Николаевичем людей. Есть среди них люди и царских, и дворянских, и самых простых кровей. Но все они олицетворяли собой Россию, которую невозможно потерять, пока само имя ее живо на земле. Это — Православная Россия, Святая Русь, как горний Иерусалим ждущая и зовущая нас всегда вперед! Где бы ни познакомились мы с ними на земном пути, где бы ни упокоил их Господь,

твердо верую, что теперь они все вместе пребывают с Царем царствующих и Его святыми.

Помолитесь об упокоении:

Императора Павла Петровича, Императора Александра III, Императрицы Марии Феодоровны, Великой Княгини Ольги, воина боярина Николая, Великой Княгини Ксении, Князя Василия, Княжны Веры, воина боярина ТИХОНЫ, Владыки Аверкия, Владыки Анатолия, Митрополита Иоанна, Владыки Афанасия, иерея Иоанна, иерея Константина, иерея Леонида, иерея Давида, иерея Леонида, иерея Харитона, матушки Тамары, матушки Анастасии, матушки Марфы, Евдокии, Александра, Нины, Николая, Павла, Анны, Конрада, Анны, Клавдии, Галины, Паулины, Наталии, Анны, Николая, Анны, Владимира, Константина, Агнии, Марины, Павла, Павла, Алексея, Ливии, Ксении, Ольги, Александра, Вадима, Николая, Романа, Ильи, Алексея, Игоря, Димитрия, Михаила, Андрея, Гурия, воина Василия, Алексея, Татьяны, Андрея, Ирины, Иоанна, Нила, Петра, Константина, Николая, Гавриила, Марии, Татианы, Всеволода, Всеволода, Алексея, Алексея, Сергея, Георгия, Павла, Евгении, Никиты, Феодора, Аркадия, Ольги, Нины, Зои, Зинаиды, Ольги, Михаила, Наталии, Екатерины, Владимира, Галины, Пелагеи, Андрея, Наталии, Николая-Аскольда, Елены, Александра, Валерия, Александры.

«Души их во благих водворятся и память их в род и род». Эту память теперь нести и передавать в следующие роды не столько даже «зарубежным русским», сколько в первую очередь уже тем моим соотечественникам, с которыми свел меня Господь за то время, что, выполняя волю Тихона Николаевича, я посещаю Россию. Как две части некогда насильно разделенного целого, сошлись они в моем помяннике о здравствующих. И большая часть имен в нем — граждане России, успевшие узнать и полюбить Тихона Николаевича, хотя никогда его и не видели. Появились у меня здесь и крестники, один из которых в честь моего Супруга назван Тихоном. Вместе со мной прошу читателя вознести теплую молитву о здравии:

Святейшего Патриарха Алексия, протоиерея Александра, Ольги, Ольги, отроковицы Александры, Татьяны, Ксении, Леонида, Александра, Наталии, Никиты, Александра, Агнии, Константина, Владимира, Леонида, Нины со чадами, Андрея, Ирины, отрока Тихона. И всех православных христиан, кто помогал и помогает мне в России, и чьи имена я просто не в силах здесь перечислить, но всегда храню в сердце и молитвенно поминаю.

Свершилось все задуманное и наказанное мне Тихоном Николаевичем — город, носивший в советское время имя цареубийцы, переименован; Святые Царственные Мученики прославлены всей Полнотой Русской Православной Церкви; наша се-

мейная святыня — икона Божией Матери «Троеручица», бывшая свидетелем убийства Царской Семьи в доме Ипатьева, принесена в дар Храму-на-Крови, воздвигнутому на этом святом для каждого православного сердца месте. Все это, конечно, совершилось по воле Божией, молитвами и усердием многих и многих людей. Но и я, выполняя волю моего дорогого Супруга, внесла в общерусское великое дело свою лепту вдовицы. Теперь, без передышки, наступил новый этап моей жизни в России — не менее трудный и созидательный. Как всегда, мысленно обращаюсь за советом и поддержкой к любимому Тихону, и по ответной разливающейся в сердце теплоте чувствую: он — рядом, мы — вместе.

8 апреля 1993 г. — май 2004 г.

Торонто — Россия

Содержание

Предисловие	3
Часть первая	
Державный Дед и «миниатюрная» Бабушка	7
Часть вторая	
Гусар Ея Высочества и «багрянородная» Княгиня	59
Часть третья	
Достойный внук и сын	147
Послесловие	
...Память их в род и род	284

Ольга Николаевна КУЛИКОВСКАЯ-РОМАНОВА
ЦАРСКОГО РОДА
Тихон Николаевич КУЛИКОВСКИЙ-РОМАНОВ
1917-1993

Ответственный редактор А.В. Блявский
Заведующий редакцией И.М. Ольшанская
Редактор И.М. Ольшанская
Корректор И.М. Ольшанская
Технический редактор О.В. Федорова
Художественное оформление С.В. Алексеев
Выпускающий редактор Л.В. Человечкова

Издательство «САТИСЬ»,
лицензия ИД № 05426 от 20.07.2001 г.
199178, Санкт-Петербург, В.О., Большой пр., 8/4, лит А.
Тел./факс (812) 323-63-42.
e-mail: satis@mail.wplus.net www.satis.spb.ru
Отдел сбыта 305-07-78, 323-63-21.
e-mail: satis@por3.rcom.ru
Представительство в Москве (095) 926-43-96.

Подписано в печать 1.10.2004 г.
Формат 60х88/16. Печ. л. 19. Тираж 4000 экз.
Зак. № 3591

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12